

ВѢРА и РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКИЙ.

1897.

№ 4.

ФЕВРАЛЬ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:	Стр.
Современный нравственно-религіозный кризисъ на Западѣ (окончаніе). <i>П. Соколова</i>	185—204
Очерки по исторіи древне-русской письменности (продолженіе). <i>Н. Протопопова</i>	205—220
Изъ Церковной жизни современной Румыніи (окончаніе). <i>К. Истомина</i>	221—248
II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКИЙ:	
Разборъ философскихъ ученій о чувствѣ, какъ основѣ нравственности (окончаніе). <i>И. Попова</i>	189—163
Цѣнность жизни (продолженіе). Олэ-Ляпрюпа, профессора Высшей Нормальной Школы въ Парижѣ. Переводъ съ французскаго. * * *	164—182
III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:	
Содержаніе. Высочайшая отмѣтка.—Отчетъ о состояніи церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты Харьковской епархіи за 18 ^{95/96} учебный годъ (продолженіе).—Отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища по учебной и нравственно-воспитательной частямъ за 18 ^{95/96} учебный годъ (продолженіе).—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.	

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія Петровскій пер., д. № 17.

1897.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный. Въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторія философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе и менѣе пространные переводы и извлечения изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составило предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложения, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №. Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 рублей, а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТѢ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной Семинаріи, при свѣчной лавкѣ Харьковскаго Покровскаго монастыря, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія лавки, контора В. Гиляровскаго, Столѣшниковъ переулокъ, д. Корзинкина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, домъ № 16. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получить полише экземпляры ея изданія за прошлые 1884—1889 годы включительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 7 р. за каждый годъ; по 8 р. за 1890 годъ, по 9 р. за 1891 г. и по 10 р. за 1892 годъ.

Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 60 р. съ пересылкою.

Кромя того въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. „Живое Слово“. Сочиненіе преосвященнаго Амвросія. Цѣна 50 к. съ перес.
2. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Брептаю. Съ французскаго перевелъ Яковъ Новицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.
3. Справедливы ли обвиненія, вводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“ Сочиненіе А. Рождественна. Цѣна 60 к. съ пересылкою.
4. «Харьковскія Епархіальныя Вѣдомости» за 1883 г. Цѣна за экземпляръ съ пересылкою 3 р.

ОВЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА ВѢРА и РАЗУМЪ въ 1897 году.

Издание богословско-философскаго журнала „Вѣра и Разумъ“ будетъ продолжаемо въ 1897 году по прежней программѣ. Журналь, какъ и прежде, будетъ состоять изъ трехъ отдѣловъ: 1) Церковнаго, 2) Философскаго и 3) Листка для Харьковской епархіи.

Журналь выходитъ отдѣльными книжками ДВА РАЗА въ мѣсяць, по девяти и болѣе печатныхъ листовъ въ каждой книжкѣ, т. е. годовое издание журнала состоитъ изъ 24 выпусковъ съ текстомъ богословско-философскаго содержания до 220 и болѣе печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое издание внутри Россіи 10 р., а за-границу 12 р. съ пересылкою.

Разсрочка въ уплатѣ денегъ не допускается.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной Семинаріи, при свѣчной лавкѣ Харьковскаго Покровскаго монастыря, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ Конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, контора В. Гиляровскаго, Столѣшниковъ переулокъ, д. Корзинкина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, домъ № 16. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884—1889 годы включительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 7 р. за каждый годъ; по 8 руб. за 1890 г., и по 9 р. за 1891, 1892, 1893 и 1894 годы.

Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 65 р. съ пересылкою.

Кромѣ того въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. „Живое Слово“. Сочиненіе преосвященнаго Амвросія. Цѣна 50 к. съ перес.
2. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Brentano. Съ французскаго перевелъ Яковъ Новицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.
3. Справедливы ли обвиненія, взводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“ Сочиненіе А. Рождествина. Цѣна 60 к. съ пересылкою.
4. „Цацтво, какъ причина раздѣленія Церевей, или Римъ въ своихъ сношеніяхъ съ Восточною Церковію“. Докторское сочиненіе о. Владимира Гетте. Переводъ съ французскаго К. Истомина. Харьковъ. 1895. Цѣна 1 рубль съ пересылкою.

Πίστει νοοῦμεν.

Вѣрою разумѣваемъ.

Евр. XI. 8.

Дозволено цензурою. Харьковъ, 28 Февраля 1897 года.
Цензоръ, Протоіерей *Т. Ничоловъ.*

Современный нравственно-религіозный кризисъ на Западѣ.

(Окончаніе *).

VI.

Какъ мы замѣтили, статья Брюнетьера надѣлала много шуму и вызвала оживленную полемику. Она была встрѣчена съ восторгомъ среди католиковъ, съ сочувствіемъ среди идеалистовъ и съ негодованіемъ среди позитивистовъ. Извѣстный фізіологъ Шарль Рише посвятилъ ей довольно длинную критическую замѣтку въ *Revue scientifique*; группа французскихъ ученыхъ и писателей во главѣ съ знаменитымъ химикомъ Бертелло устроила по поводу нея банкетъ протеста противъ „клерикальныхъ тенденцій“. Чѣмъ-же могла эта статья произвести такую сенсацию и такъ взволновать ученый міръ? Безъ сомнѣнія, причину подобнаго впечатлѣнія нельзя искать исключительно въ томъ, что она принадлежала перу выдающагося критика и была написана горячо и искренно. Если-бы статья Брюнетьера появилась 10 или 20 лѣтъ тому назадъ, то она не вызвала-бы ни этихъ восторговъ, ни этихъ порицаній, „ni cet excès d'honneur, ni cette indignité“: она, можетъ быть, просто осталась бы незамѣченной. Въ защиту религіи противъ враждебной науки не разъ выступали болѣе компетентные люди и писались болѣе убѣдительные трактаты, но до сихъ поръ ученые не считали нужнымъ ни опровергать ихъ, ни устраивать по поводу нихъ публичныхъ манифестацій; они относились къ нимъ только съ

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, за 1897 г. № 3.

презрительнымъ равнодушіемъ. Очевидно, причина заключалась въ томъ переворотѣ, который совершился за это время въ общественномъ сознаніи. Идеи Брюнетьера были не новы, но онѣ совпадали съ новымъ настроеніемъ времени, онѣ выражали убѣжденія значительной части общества и съ ними приходилось считаться волей—неволей. Жизнь, которая является лучшей критикой отвлеченныхъ теорій, измѣнила шапсы науки и религій и поставила въ положеніе самозащиты ту сторону, которая до сихъ поръ была нападающей. Эта перемѣна отношеній между наукой и религіей настолько интересна, что она сама по себѣ была-бы достаточною для характеристики современнаго духовнаго кризиса. Но она покажется еще болѣе интересной, если мы ближе познакомимся съ полемикой, вызванной статьей Брюнетьера.

Какъ зналъ заранее самъ Брюнетьеръ, ученые были возмущены его словами о „банкротствѣ науки“. Безъ сомнѣнія, эта фраза была выбрана не совсѣмъ удачно. Дѣло идетъ вовсе не о банкротствѣ науки съ ея методами и ея истинными задачами, той „искренней и скромной науки“, которая, изслѣдуя міръ явленій, не пытается рѣшать конечныхъ вопросовъ и не вторгается въ область нравственныхъ интересовъ человѣчества. Дѣло идетъ только о банкротствѣ незаконныхъ научныхъ притязаній, о несостоятельности крайняго научнаго скептицизма, о крушеніи принциповъ возникшаго на почвѣ научныхъ открытій натуралистическаго міросозерданія. Но именно эти незаконныя притязанія, эти крайности научнаго скептицизма, это натуралистическое міросозерданіе и имѣетъ въ виду Брюнетьеръ. Какъ мы видѣли, онъ не отрицаетъ ни науки, ни ея великихъ открытій; онъ отрицаетъ только ея ошибки и ея ложную претензію исключительно властвовать надъ жизнью. Онъ вовсе не утверждаетъ, что наука ничего не дала и ничего не можетъ дать человѣчеству въ сферѣ познанія явленій природы и въ области матеріальнаго прогресса; онъ утверждаетъ только, что она не можетъ замѣнить для людей религію и что всѣ попытки ея въ этомъ направленіи потерпѣли неудачу. По его мнѣнію, наука и религія дополняютъ другъ друга: каждая изъ нихъ имѣетъ свои законныя права, свою область достовѣрно-

сти, свои границы, и только отъ насъ самихъ зависить, какъ онъ выражается, „сдѣлаться подданными“ той и другой. Что же можно возразить противъ такого взгляда? Если посмотрѣть на дѣло серьезно и безпристрастно, то эта точка зрѣнія столько же разумна, сколько и справедлива; съ нею можно не согласиться, но ея нельзя опровергнуть. И критики Брюнетьера вполне доказали это. Они, конечно, не согласились ни съ однимъ изъ его воззрѣній; но, возражая противъ его статьи, они, незамѣтно для себя самихъ, признали всѣ ея главнѣйшія положенія.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, возьмемъ упомянутую выше критическую замѣтку Шарля Рише: *Обанкротилась-ли наука?* ¹⁾. Аргументація Рише довольно сбивчива и противорѣчива, но результатъ ея тотъ, что она скорѣе подтверждаетъ взгляды Брюнетьера, чѣмъ опровергаетъ ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, Брюнетьеръ утверждаетъ, что наука не разъ обѣщала обновить „лицо земли“, изгнать тайну изъ міра, замѣнить религію идеалами точнаго знанія и не сдержала этихъ обѣщаній. Протестуя противъ этого заявленія, Рише сначала замѣчаетъ, что оно есть „рѣзкая аттака если не противъ науки, то по крайней мѣрѣ *противъ самыхъ законныхъ ея стремленій (aspirations)*“, но потомъ говоритъ:

„Прежде всего, едва-ли нужно принимать трагически это, будто-бы данное наукой, обѣщаніе обновить лицо земли, и притомъ въ опредѣленную эпоху... Сказать по правдѣ, наука, —а подъ словомъ *наука* я разумѣю великихъ ученыхъ и ихъ болѣе скромныхъ учениковъ: Галилея, Декарта, Ньютона, Лавуазье, Лапласа, Дарвина, Пастера,—наука, говорю я, *ничего не обѣщала*. Человѣкъ погруженъ въ густой мракъ. онъ теряется среди явленій, изъ которыхъ ему доступна лишь ничтожная доля. Ученые сказали: „Попытаемся немножко разсѣять эту тьму, постараемся бросить въ эту темную глубь нѣсколько свѣта; быть можетъ, намъ удастся такимъ образомъ сдѣлать человѣческую жизнь менѣе жестокой. Будемъ имѣть своимъ культомъ истину, и если мы сумѣемъ открыть новый

¹⁾ *Charles Richet, La science a-t-elle fait banqueroute? Revue scientifique, 1895, № 2.*

законъ или новый фактъ, мы выполнимъ нашу задачу. Вотъ всѣ обѣщанія, какія дала наука, и, кажется, она ихъ сдержала“.

Рише едва-ли правъ, утверждая, что наука ничего не обѣщала, кромѣ простого изслѣдованія явленій, и, вѣроятно, не это скромное изслѣдованіе разумѣетъ онъ подъ именемъ тѣхъ „самыхъ законныхъ ея стремленій“, которыя онъ защищаетъ противъ нападокъ Брюнетьера. Но такъ или иначе, какая тутъ собственно разница? Сказать, что наука не сдержала своихъ обѣщаній, и сказать, что наука ничего не обѣщала,—развѣ это въ концѣ концовъ не одно и то-же? Вѣдь, въ обоихъ случаяхъ это значитъ, что наука не дала людямъ всего, что они отъ нея ожидали.

Нисколько не отрицая того, что наука расширила наше знаніе въ предѣлахъ міра явленій и улучшила матеріальныя условія нашей жизни, Брюнетьеръ говоритъ, что, не смотря на все это, она не рѣшила намъ послѣднихъ вопросовъ дѣйствительности и никогда не можетъ рѣшить ихъ; откуда мы происходимъ, въ чемъ заключается наше назначеніе и какова наша будущая судьба, этого мы научнымъ образомъ не знаемъ и не будемъ знать никогда. Рише возражаетъ на это:

„Ученые среди другихъ своихъ претензій имѣютъ претензію быть очень скромными, и эту мудрую скромность налагаетъ на нихъ сама наука. Не нужно быть великимъ астрономомъ, чтобы знать, что земля есть маленькая планета,—атомъ солнечной системѣ, что солнечная система есть атомъ въ видимомъ звѣздномъ мірѣ и что видимый звѣздный міръ есть только атомъ въ безконечности пространства. Вотъ что вопреки всѣмъ религіознымъ космогоніямъ (?) прочно утвердила наука... Во времени, какъ и въ пространствѣ, человекъ ничто, и это опять-таки доказала наука... „Непознаваемое окружаетъ насъ всюду; оно охватываетъ насъ со всѣхъ сторонъ, и мы не можемъ извлечь изъ законовъ физики или результатовъ фізіологіи никакого средства, чтобы распознать въ немъ что-нибудь“. Кто говоритъ это? Это говоритъ самъ г. Брюнетьеръ,—и будетъ онъ сердиться или нѣтъ, ученый не могъ бы сказать лучше. Въ самомъ дѣлѣ, какой химикъ, физикъ или фізіологъ думаетъ разгадать все? Признавать безсиліе науки есть эле-

ментарное правило всякаго научнаго познанія. Намъ доступны только явленія; внутренняя сущность вещей отъ насъ ускользаетъ. Микроскопъ позволяетъ намъ видѣть чудесно устроенныя и сложныя клѣтки, изъ которыхъ каждая есть истинный микрокосмъ,—но потомъ? Тутъ лишь начало бесконечно малаго. Чтобы идти дальше, для этого были бы нужны болѣе совершенныя чувства, и бесконечно малое, подобно бесконечно великому, остается для насъ закрытымъ. Но если-бы даже чудесныя телескопы и микроскопы позволяли намъ видѣть въ тысячу разъ дальше, предъ нами все-таки были-бы лишь явленія и формы. Причинную связь матеріи и жизни мы не могли бы рассмотретьъ. Почему желудь, посаженный въ землю, становится дубомъ? Вотъ проблема, очень обыкновенная, очень простая и, безъ сомнѣнія, неразрѣшимая. Можно описать съ точностью все болѣе и болѣе научной послѣдовательныя формы превращенія желудя въ дубъ, но причина этихъ превращеній останется непостижимой. Дѣло въ томъ, что если-бы хотя одно естественное явленіе было абсолютно понятно намъ во всѣхъ его причинахъ и обнаруженіяхъ, полное объясненіе микрокосма привело-бы къ познанію цѣлой природы. Химикъ, описывающій строеніе молекулъ какого-нибудь тѣла, хорошо знаетъ, что его схемы суть чистые символы. Понятіе матеріи превышаетъ наше разумѣніе, когда мы пытаемся уяснить его иначе, чѣмъ посредствомъ внѣшнихъ качествъ тѣлъ. Открывая законы, факты, явленія, методы, мы этимъ нисколько не приблизились къ познанію самой сущности вещей...

„Но если наука бессильна и признаетъ себя бессильной составить цѣлостное понятіе о вселенной и достигнуть абсолютнаго познанія абсолютной истины, все-таки справедливо то, что она, ничего не обѣщая, оказала нѣкоторое вліяніе на міръ. Г. Брюнетьеръ, который такъ-же мало любитъ банальности, какъ и я, обидѣлся бы на меня, если-бы я сталъ подробно перечислять завоеванія науки. Однако, я поневолѣ долженъ обратиться къ этому избитому средству и почтительно указать моему противнику на тотъ фактъ, что наука немножко улучшила матеріальныя условія людей. Конечно, пользуясь каждую минуту, каждую секунду жизни благодѣяніями, дарованными

наукой міру, очень удобно глумиться надъ ними и *кусать свою кормилцу*, какъ говоритъ одинъ классикъ. Но можемъ-ли мы мыслить, спать, ѣсть, путешествовать въ Римъ, писать, печатать, говорить не будучи окружены со всѣхъ сторонъ плодами науки? *Мы въ ней живемъ и движемся и существуемъ*. Безъ науки мы возвратились-бы ко временамъ святыхъ отшельниковъ, проповѣдывавшихъ крестовые походы, или, можетъ быть, даже,—такъ какъ наука началась не со вчерашняго дни,—ко временамъ каменнаго вѣка, когда люди, вооруженные кремнями, боролись противъ медвѣдей и защищали когтями и зубами своихъ женъ и свою кровавую добычу отъ сосѣдей, такихъ-же свирѣпыхъ, какъ и они сами. Наука и цивилизація,—это два тождественныхъ термина, и я не вижу, какими ухищреніями діалектики и языка, можно было-бы ихъ раздѣлить... Мы сейчасъ увидимъ, что нужно думать о нравственномъ прогрессѣ; но что касается прогресса матеріальнаго, то навѣрное никому не придетъ въ голову отрицать, что онъ есть дѣло науки, или, говоря иначе, результатъ усилій ученыхъ. Объ этомъ не можетъ быть никакого спора. Религіи ничего не сдѣлали для матеріальнаго прогресса людей; онѣ не играютъ никакой роли ни въ изобрѣтеніи книгопечатанія, микроскопа, желѣзныхъ дорогъ, Вольтова столба, фотографіи, ни въ открытіи кровообращенія, состава воздуха или природы броженія. Вся промышленность, вся современная жизнь, всѣ отрасли современной человѣческой дѣятельности возникли безъ всякой связи съ религіей. Последняя *volens aut nolens*, держалась въ сторонѣ и принимала участіе въ этихъ изобрѣтеніяхъ только тѣмъ, что иногда противодѣйствовала имъ и всегда пользовалась ими. Современный міръ въ его теперешнемъ разцвѣтѣ, съ пятнадцатью сотнями милліоновъ людей, живущихъ въ настоящее время, развивается среди науки и посредствомъ науки, независимо отъ различныхъ культовъ, которые пестрятъ земную поверхность. Такимъ образомъ, ученые не скомпрометтировали своей миссіи и слово банкротство довольно странно, такъ какъ они ничего не обѣщали и много дали. Дадутъ-ли они еще? Мы думаемъ это. Не давая обѣщаній, за которыя, можетъ быть, упрекнулъ бы насъ чрезъ сто лѣтъ потомокъ г. Брюнетьера, мы,—спра-

ведливо или нѣтъ,—полагаемъ, что наука не сказала своего послѣдняго слова. Ея современное состояніе еще дѣтство, очень нѣжное дѣтство, и достигнутые ею успѣхи могутъ дать лишь бѣдное представленіе о ея успѣхахъ въ будущемъ. Предъ безконечнымъ и абсолютнымъ эти успѣхи, конечно, ничто. Вселенная всегда останется непознаваемой и непроницаемой. Но будучи нулемъ съ точки зрѣнія трансцендентальной метафизики, успѣхи науки значатъ много для облегченія бѣдствій человѣчества“.

Смысль этой аргументаціи достаточно ясенъ. Брюнетьеръ утверждаетъ: наука улучшила матеріальныя условія нашего существованія, но она не рѣшила и никогда не можетъ рѣшить конечныхъ вопросовъ; Рише отвѣчаетъ на это: наука дѣйствительно не рѣшила и никогда не можетъ рѣшить конечныхъ вопросовъ, но она улучшила матеріальныя условія нашего существованія. Брюнетьеръ говоритъ: наука обогатила насъ многими открытіями и изобрѣтеніями, но она не разъяснила намъ ни нашего происхожденія, ни нашего назначенія, на нашей будущей судьбы; Рише ему возражаетъ: наука не разъяснила намъ этихъ загадокъ, но она обогатила насъ многими открытіями и изобрѣтеніями. Спрашивается, въ чемъ-же тутъ собственно возраженіе? Развѣ Брюнетьеръ противорѣчитъ тому, что говоритъ Рише, и развѣ Рише не согласенъ съ взглядами Брюнетьера? Болѣе трогательнаго согласія въ мнѣніяхъ трудно себѣ представить. Указывать на то, что не религія, а наука изобрѣла книгопечатаніе, микроскопъ, желѣзные дороги, Вольтовъ столбъ и фотографію, для Рише не было никакой нужды, такъ-какъ, по его-же собственнымъ словамъ, никому не придетъ въ голову сомнѣваться въ этомъ. Что-же касается убѣжденія Брюнетьера въ радикальной неспособности науки разъяснить сущность и смыслъ дѣйствительности, то, вѣдь, самъ Рише признаетъ, что никакіе научные законы, методы и факты не приблизили насъ къ познанію сущности вещей и никакіе телескопы и микроскопы не помогутъ намъ рассмотретьъ причинную связь матеріи и жизни. Очевидно, Рише полемизируетъ съ Брюнетьеромъ по недоразумѣнію: онъ не опровергаетъ, а только подтверждаетъ мнѣніе Брюнетьера.

Различіе ихъ взглядовъ состоитъ лишь въ томъ, что Брюнетьеръ считаетъ вопросы о смыслѣ жизни и сущности вещей гораздо важнѣе матеріальнаго прогресса, а Рише предпочитаетъ матеріальный прогрессъ всякимъ „вопросамъ“. Конечно, эти точки зрѣнія такъ-же мало напоминаютъ другъ друга, какъ, на примѣръ, идеализмъ „святыхъ отшельниковъ, проповѣдывавшихъ крестовые походы“, мало напоминаетъ инстинкты дикаря каменнаго вѣка. Но какая изъ нихъ глубже и справедливѣе, объ этомъ Рише едва-ли компетентенъ судить: онъ превосходный фізіологъ, но очень плохой философъ.

Признавая науку неспособною разъяснить намъ наше происхожденіе, наше назначеніе и нашу будущую судьбу, Брюнетьеръ, какъ мы видѣли, утверждаетъ еще большее: по его мнѣнію, наука не разрѣшила и никогда вполнѣ не разрѣшитъ даже такихъ вопросовъ, какъ вопросы о происхожденіи языка, о происхожденіи общества и о происхожденіи нравственности. Рише возражаетъ на это:

„Конечно, происхожденіе языка, строго говоря, неизвѣстно; однако собрано значительное количество поучительныхъ документовъ, которые было-бы не очень благоразумно презирать. Съ одной стороны, этнографія и лингвистика, съ другой фізіологія, экспериментальная психологія и патологическая анатомія сообщили намъ о природѣ человѣческаго языка и, слѣдовательно (?), о его происхожденіи, столько тѣсно связанныхъ другъ съ другомъ фактовъ, что на самомъ дѣлѣ уже не далеко до ихъ синтеза. Не приписывая языку никакого божественнаго или сверхъестественнаго происхожденія, мы очень близки къ рѣшенію. Дѣло въ томъ, что между нечленораздѣльнымъ языкомъ животныхъ и членораздѣльною рѣчью, состоящею всего изъ нѣсколькихъ звуковъ, нѣтъ такой глубокой пропасти, такого непереходимаго зіянія, какое отдѣляетъ познаваемое отъ непознаваемаго. Я, можетъ быть, призналъ-бы, что самая сущность вопроса всегда останется неизвѣстной для человѣка; но я не призналъ-бы, что всякая гипотеза о происхожденіи языка, основанная на наблюденіяхъ, опытахъ и аналогіяхъ, неизбежно будетъ жалкой неудачей. Напротивъ, мнѣ кажется, что именно этотъ вопросъ на половину рѣшенъ, или, по крайней

мѣрѣ, на пути къ разрѣшенію. Намъ недоступно столько другихъ проблемъ, что не было-бы никакой нужды избирать именно эту для доказательства ничтожества или слабости человѣческаго знавія... То-же самое нужно сказать и о происхожденіи человѣческихъ обществъ. Объ этомъ написано столько книгъ и мемуаровъ, что одно перечисленіе ихъ заняло бы нѣсколько страницъ. Что-же, неужели всѣ эти изслѣдованія о нравахъ дикарей, ихъ общественныхъ союзахъ, ихъ столкновеніяхъ, ихъ инстинктахъ, сдѣланныя географами, путешественниками, натуралистами,—ничто? Развѣ не безразсудно говорить, что всѣ эти свѣдѣнія о примитивныхъ обществахъ ничего не значатъ, ни къ чему не ведутъ, ничему не учатъ? Цивилизація не сошла на землю, вооруженная съ ногъ до головы, какъ Минерва. Она создается постепенно, медленно, методично, и въ этомъ мы не можемъ сомнѣваться, такъ-какъ каждый день присутствуемъ при ея успѣхахъ. Предки цивилизованныхъ людей были дикарями; отсюда, интеллектуальное и социальное состояніе дикарей, существующихъ въ настоящее время, даетъ намъ представленіе и, вѣроятно достаточно сходное, о дикаряхъ, существовавшихъ когда-то, о нашихъ предкахъ. Есть-ли тутъ что-нибудь непознаваемое? Если науки, занимающіяся происхожденіемъ человѣчества, не обладаютъ такою-же степенью достовѣрности, какъ науки математическія или физическія, имѣемъ-ли мы право по справедливости сказать, что онѣ обанкротились?...

„Тѣмъ не менѣе, если-бы даже наука доказала, и доказала еще болѣе строго, что происхожденіе языка лежитъ въ крикахъ животныхъ, а происхожденіе человѣческаго общества въ животныхъ обществахъ, все-таки нужно признаться, что она этимъ только отдалила-бы трудность. Она объяснила-бы, какъ происходятъ вещи, но не *почему*. Почему совершается эволюція? Почему возникли человѣческія существа? Почему явилась жизнь на землѣ? Почему такое-то и такое-то направленіе въ развитіи этой жизни? Какая ея цѣль? Какова ея будущая судьба? Вотъ здѣсь именно открывается непознаваемое и мы касаемся предѣла науки. Быть можетъ, когда нибудь мы отодвинемъ проблему; но достовѣрно то, что мы не разрѣшимъ

ея вполнѣ. Да, къ несчастію, слишкомъ справедливо, что мы, ничтожная частичка великаго цѣлаго, жалкая молекула, затерявшаяся въ безконечности пространства и времени, никогда не сможемъ дойти до причины нашего существованія и дать его полную формулу.

„Однако, всѣ религіи давали рѣшенія. Мы не намѣрены оспаривать тѣ различные наивные отвѣты, которые онѣ припесли, потому что эти отвѣты нельзя защищать. Въ концѣ концовъ, какъ ни тяжело быть въ невѣдѣніи относительно существеннаго пункта, незнаніе, быть можетъ, лучшее заблужденіе“.

Насколько можно понять смыслъ этихъ противорѣчивыхъ разсужденій, ихъ можно резюмировать слѣдующимъ образомъ. Наука собрала много поучительныхъ документовъ о природѣ, „и, слѣдовательно, о происхожденіи“ языка; ученые написали множество книгъ о происхожденіи общества,—такое множество, что одно перечисленіе ихъ заняло-бы нѣсколько страницъ. И тѣмъ не менѣе, эти вопросы до сихъ поръ, „строго говоря“, не рѣшены, а вполнѣ рѣшены никогда не будутъ. Въ лучшемъ случаѣ наука можетъ отодвинуть проблему, но разъяснить всѣ ея трудности она никогда не въ состояніи. О происхожденіи нравственности Рише не говоритъ, но, вѣроятно, онъ думаетъ о немъ то-же самое: вѣроятно, не смотря на множество книгъ, посвященныхъ этому вопросу, наука до сихъ поръ его не разрѣшила и никогда вполнѣ не разрѣшитъ. Чего-же еще больше требуется? Такимъ образомъ, и здѣсь Рише тратитъ свой порошокъ совершенно по напрасу: онъ не опровергаетъ, а подтверждаетъ Брюнетьера. Существенная разница ихъ мнѣній заключается только въ томъ, что Брюнетьеръ ищетъ рѣшенія этихъ вопросовъ въ религіи, а Рише считаетъ отвѣты религіи „наивными“ и предпочитаетъ остаться безъ всякаго рѣшенія. Какая изъ этихъ точекъ зрѣнія глубже и справедливѣе, объ этомъ Рише опять-таки могъ-бы правильно судить лишь въ томъ случаѣ, если-бы онъ былъ немножко болѣе философъ. Почему онъ считаетъ мысль о божественномъ или сверхъестественномъ происхожденіи языка и общества заблужденіемъ? Вѣдь, если онъ не знаетъ истины, какъ можетъ онъ сказать, гдѣ находится заблужденіе? Вѣдь, если всѣ усилія науки разрѣшить

эту проблему естественнымъ путемъ не привели и никогда вполнѣ не приведутъ къ цѣли, то не значитъ-ли это, что въ концѣ концовъ мы тутъ имѣемъ дѣло съ сверхъестественнымъ фактомъ?

Если наука не можетъ разъяснить происхожденія нравственности, то, по мнѣнію Брюнетьера, она не можетъ дать ей и теоретической основы. Нравственность нуждается въ трансцендентномъ и абсолютномъ идеалѣ; она не отдѣлима отъ религіи, точно такъ-же, какъ религія не отдѣлима отъ нея. Всѣ попытки создать „свѣтскую“ мораль, говоритъ Брюнетьеръ, были только искаженіемъ, измѣненіемъ или маскировкой какой-нибудь христіанской идеи. Какъ ни равнодушна къ христіанству позитивистическая мораль, основанная на солидарности интересовъ и состраданіи къ людямъ, но и она безсознательно внушена христіанскими чувствами и идеалами. Ни фізіологія, ни ботаника, ни физика, ни химія, ни астрономія, ни математика не могутъ уяснить намъ нашего долга, и если-бы даже была возможна независимая мораль, то не въ фізіологіи найдемъ мы для нея основу. Рише отвѣчаетъ на это:

„Конечно. Ни фізіологія въ отдѣльности, ни химія въ отдѣльности, ни ботаника въ отдѣльности, ни математика въ отдѣльности не могутъ опредѣлить добра и зла и дать чело-вѣческому роду правила поведенія. Ученый въ своей лабора-торіи не отыскиваетъ способа показать людямъ, что они должны дѣлать, чтобы быть справедливыми, добрыми и мудрыми. Его задача болѣе узкая; онъ занятъ ограниченнымъ, точнымъ во-просомъ: опредѣленіемъ морскаго ежа, кристаллизаціей соли, исправленіемъ термометра. Съ изумительнымъ жаромъ каж-дый ученый специализируется въ проблемѣ, которая сначала представляется очень пустою, и незначительность нѣкоторыхъ научныхъ изысканій покажется поверхностному наблюдателю поистинѣ достойною жалости. Знаменитый химикъ проводитъ сорокъ лѣтъ своей жизни въ томъ, что измѣряетъ съ точностью до нѣсколькихъ десятичныхъ знаковъ расширеніе ртути, стекла и нѣкоторыхъ газовъ. Фізіологъ изслѣдуетъ въ самыхъ мел-кихъ подробностяхъ форму сокращенія мускула у лягушки; геологъ старается отличить по формѣ полосокъ на раковинѣ

двѣ ископаемыхъ устрицы; ботаникъ считаетъ лепестки рѣдкаго цвѣтка или наблюдаетъ расположеніе листьевъ на стеблѣ; математикъ открываетъ новыя функціи и пишетъ длинныя сочиненія о величинахъ, которыя могутъ не существовать... Между тѣмъ, если-бы спросили кого-нибудь изъ этихъ людей: какъ отзовется на нравственности тотъ бромистый эфиръ, который вы изучаете въ теченіе десяти лѣтъ?, какимъ способомъ измѣнить понятіе долга анализъ функцій $\sum \frac{1}{n^{x-1}}$?, какъ можно сдѣлаться лучше вслѣдствіе болѣе точнаго опредѣленія различій между *Ostrea aculata* и *Ostrea tegminata*?,—то ученый, вѣроятно, разсмѣялся-бы и не понялъ этого упрека. Дѣло въ томъ, что онъ не заботился о нравственности; онъ ищетъ только истины, не заботясь о послѣдствіяхъ, которыя она влечетъ за собою. Съ тѣхъ поръ какъ онъ посвятилъ себя наукѣ, онъ знаетъ, какъ бы въ силу очевиднаго постулата, что истина хороша, и хороша сама по себѣ, и онъ не можетъ себѣ представить, что онъ дѣлалъ бесполезное дѣло, если уменьшилъ, хотя-бы даже въ очень слабой степени, ужасающую силу человѣческаго невѣжества.

„Намъ кажется, что ученые правы, такъ какъ то, что мы называемъ цивилизаціей, есть слѣдствіе ихъ безмѣрнаго труда... Всѣ эти завоеванія науки, обязанныя многимъ поколѣніямъ проицательныхъ и неутомимыхъ тружениковъ, нераздѣльны съ нашей современной цивилизаціей, и они-же составляютъ нашу мораль. Наука, цивилизація и нравственность,—эти три термина параллельны. Невозможно понять успѣховъ нравственности, если они не ведутъ за собой успѣховъ цивилизаціи, и обратно. Одинъ юмористъ сказалъ, что состояніе цивилизаціи извѣстной страны измѣряется потребленіемъ мыла и почтовыхъ марокъ. Этотъ парадоксъ можно было-бы примѣнить къ нравственности, которая возрастаетъ одновременно съ побѣдой человѣка надъ матеріей. Викторъ Дюрюи говорилъ намъ однажды: „Если-бы я сталъ писать всемірную исторію, то я раздѣлилъ-бы ее на двѣ части: міръ до желѣзныхъ дорогъ, и міръ послѣ желѣзныхъ дорогъ“. Этою краткой формулой онъ показалъ намъ, что соціальное и моральное состояніе человѣчества обновилось благодаря промышленности. И кто, въ

самомъ дѣлѣ, отважился-бы отрицать, что цивилизованный человѣкъ нравственнѣе дикаря? Считаая чистымъ абсурдомъ мысль, будто троглодиты и до-историческіе люди были совершенно добрыми, а первобытный человѣкъ былъ ангело-подобнымъ, мы должны вопреки декламаціямъ Руссо признать, что развитіе человѣчества благодаря наукѣ смягчило нравы, внушило благородныя чувствованія, создало идеаль нравственности съ принципомъ свободы и отвѣтственности. Борьба противъ силъ природы все болѣе и болѣе отдѣлила насъ отъ низкаго типа примитивнаго человѣка; она разсѣяла дикость и водворила нравственныя идеи, которыя глубоко отличаютъ насъ отъ тѣхъ гнусныхъ предковъ, какихъ мы имѣли. Кому мы обязаны этими успѣхами—религіи или наукѣ?

„Возьмемъ для примѣра не очень отдаленную эпоху, когда науки еще не покорили міра, какъ теперь. Какія моральныя понятія имѣлъ Боссюэ о войнѣ, о рабствѣ, о пыткѣ, о свободѣ совѣсти, о равенствѣ людей, объ уваженіи къ человѣческой жизни, и какія понятія имѣемъ мы теперь? Какъ судилъ Боссюэ о драгоннадахъ, о Варѣоломеевской ночи, объ инквизиціи, и какъ судимъ мы въ настоящее время? Кто-же измѣнилъ мнѣніе людей? Отважатся-ли утверждать, что Церковь? Но Церковь, предоставленная себѣ самой, не измѣнила-бы своего ученія. Она должна была слѣдовать *rede claudo* за прогрессомъ свѣтской морали и мало по малу усвоила тѣ успѣхи, которыхъ добились ученые, философы и натуралисты; она измѣнила свое ученіе, приобрѣтая болѣе высокіе нравственныя принципы по мѣрѣ того, какъ ихъ достигало общественное сознаніе, просвѣщенное трудомъ ученыхъ и мыслью писателей.

„Въ настоящее время есть мораль, которая обязательна для цивилизованнаго человѣчества. Эта мораль не показывается по мелочамъ въ лабораторіяхъ, но тѣмъ не менѣе она есть плодъ человѣческой науки. По мѣрѣ того, какъ наука распространяется въ мірѣ, уменьшая страданія и разгоняя невѣжество людей, вытекающая изъ нея повелительная мораль выпускаетъ свои широкія вѣтви и, въ своемъ триумфальномъ шествіи, дѣлаетъ настолько быстрые успѣхи, что ея окончательное пришествіе близко, болѣе близко, чѣмъ мы можемъ

это предполагать и ожидать. Эта мораль основана на идеѣ человѣческой солидарности. Зло есть страданіе другихъ. Вотъ чему научили насъ физика и зоологія, химія и астрономія, ботаника и фізіологія, географія и філологія, антропологія, и математика. Въ силу одного факта своего умственного развитія и расширенія своихъ знаній во всѣхъ направленіяхъ человѣкъ достигъ лучшаго пониманія своего долга на землѣ. Не теряясь въ туманѣ проблематическаго будущаго, которое должно ожидать его послѣ этого земнаго существованія, онъ въ настоящій моментъ не выходитъ за предѣлы того простаго положенія, что ему нужно выполнять свой долгъ и что его долгъ ясенъ; что прежде всего нужно быть справедливымъ и добрымъ, что существуетъ человѣческое братство, что борьба классовъ и борьба націй суть преступленія, что эгоизмъ и черствость сердца суть нетерпимые пороки, что забвеніе о себѣ самомъ необходимо, что самоотреченіе есть лучшее и, можетъ быть, единственное средство быть счастливымъ, что оно во всякомъ случаѣ есть *категорическій императивъ*, который обязателенъ и отъ котораго никто не имѣетъ права уклоняться“.

Итакъ, ни фізіологія, ни химія, ни ботаника, ни математика „въ отдѣльности“ не могутъ уяснить намъ нашего долга. Ученые изслѣдуютъ вопросы, не имѣющіе ничего общаго съ моралью. Они не заботятся о нравственности и ищутъ только истины, не думая о ея практическихъ послѣдствіяхъ. Вотъ основной пунктъ, въ которомъ Рише согласенъ съ Брюнетьеромъ. Какъ мы видѣли, Брюнетьеръ утверждаетъ совершенно то-же самое, и Рише не могъ-бы сказать ничего лучшаго, чтобы подтвердить его слова. Но будучи согласенъ съ своимъ противникомъ въ этомъ основномъ пунктѣ, онъ, повидимому, долженъ былъ-бы согласиться съ нимъ и во всѣхъ остальныхъ. Вѣдь если ни фізіологія, ни химія, ни ботаника, ни математика „въ отдѣльности“ не могутъ уяснить намъ нашего долга, то, вѣроятно, отсюда слѣдуетъ, что онѣ не могутъ уяснить его и „вмѣстѣ“; если наука не имѣетъ ничего общаго съ нравственностью, то, кажется, должно полагать, что она не можетъ дать ей теоретической основы; и если наука не можетъ дать

правственности теоретической основы, то, повидимому, нужно заключить, что существующая въ настоящее время нравственность, хотя-бы даже самая „свѣтская“, основана на другихъ, не научныхъ началахъ. Однако, нѣтъ. Наука создала цивилизацію, а создавъ цивилизацію, она, по мнѣнію Рише, создала и мсраль. Посредствомъ изобрѣтенія микроскопа, фотографіи и желѣзныхъ дорогъ она смягчила нравы и пробудила благородныя чувствованія; посредствомъ открытія кровообращенія и состава воздуха она познакомила насъ съ истинной добродѣтелию; посредствомъ промышленности она измѣнила не только нравственное состояніе общества, но даже нравственное ученіе Церкви. Измѣряя расширеніе ртути, стекла и газовъ, наука научила насъ, что зло—есть страданіе другихъ; изучая бромистый эфиръ и открывая новыя математическія функціи, она внушила намъ идеи человѣческой солидарности, братства, любви и самоотреченія; не заботясь ни о какихъ моральныхъ предписаніяхъ, она создала категорическій императивъ долга; расширяя наше знаніе въ сферѣ явленій, не имѣющихъ ни малѣйшаго отношенія къ нравственности, она выработала совершеннѣйшій нравственный идеаль, съ принципами свободы и отвѣтственности. Не смотря на свои увлеченія спиритизмомъ и телепатіей, Рише, вѣроятно, всего менѣе вѣритъ въ чудеса; но то, что, по его мнѣнію, наука сдѣлала для нравственности, есть настоящее чудо. Только, къ сожалѣнію, это чудо дѣйствительно принадлежитъ къ числу тѣхъ чудесъ, которымъ не слѣдуетъ вѣрить. Изъ ничего ничего не бываетъ, и если бромистый эфиръ ни какимъ образомъ не можетъ отзываться на нравственности, то это именно и значитъ, что онъ ни какимъ образомъ не можетъ на ней отзываться. Иначе мы придемъ къ абсурду, надъ которымъ разсмѣется не только ученый, но и самый невѣжественный профанъ. Насколько мало наука сама по себѣ смягчила нравы и научила людей правиламъ добродѣтели, объ этомъ прекрасно свидѣтельствуетъ нравственное состояніе современнаго европейскаго общества, развивающагося „среди науки и посредствомъ науки“. Если-бы Рише обратилъ достаточное вниманіе на открывающееся предъ его глазами зрѣлище эгоизма, жестокости, мошенничества и разврата,

то, вѣроятно, онъ не поставилъ бы такъ рѣшительно вопроса: кто отважился бы отрицать, что цивилизованный человѣкъ нравственнѣе дикаря? Впрочемъ, если онъ хочетъ достаточно объективно судить о нравственности современнаго цивилизованнаго человѣка и дикаря, пусть сравнитъ онъ наивныхъ и доверчивыхъ африканскихъ дикарей съ тѣми европейскими культуртрегерами, которые эксплуатируютъ, обманываютъ, насилуютъ, подвергаютъ пыткамъ и вѣшаютъ этихъ несчастныхъ. Неужели эти цивилизованные герои, о подвигахъ которыхъ мы узнаемъ лишь случайно, нравственнѣе людоедовъ? Наука возвысила умственный уровень человѣчества и насадила просвѣщеніе, но она не измѣнила эгоистическихъ инстинктовъ людей и не дала имъ нравственнаго идеала. Наука создала цивилизацію, но цивилизацію не слѣдуетъ смѣшивать съ нравственностью. Конечно, правда, что современный цивилизованный міръ имѣетъ свой нравственный кодексъ, который на словахъ почти всеми признается, хотя и не многими выполняется на дѣлѣ. Но Рише ошибается, если онъ думаетъ, что этотъ кодексъ создала наука. Современная нравственность имѣетъ иное происхожденіе; она проникла въ нашу цивилизацію изъ другаго источника, и какъ бы это ни казалось Рише обиднымъ и удивительнымъ, ея источникъ лежитъ въ религіи. Рише очень невысокаго мнѣнія о нравственномъ ученіи христіанства, которое, по его мнѣнію, не только не содѣйствовало моральному развитію человѣчества, а напротивъ, всегда само развивалось и улучшалось подъ вліяніемъ прогресса науки. Объ этомъ ученіи онъ судитъ по мнѣніямъ Боссюэ о войнѣ, пылкѣ и рабствѣ, о драгоннадахъ, Варооломесвской ночи и инквизиціи. Если Рише настолько наивенъ, что считаетъ мнѣнія Боссюэ истиннымъ выраженіемъ христіанской морали, то съ нимъ бесполезно спорить. Но, вѣроятно, онъ все-таки знаетъ, что кромѣ мнѣній Боссюэ существуетъ еще Евангеліе, по которому также можно познакомиться съ христіанскими идеалами, и притомъ познакомиться немножко точнѣе и лучше. Евангеліе принадлежитъ къ эпохѣ, гораздо болѣе отдаленной, чѣмъ мнѣнія Боссюэ, къ эпохѣ, когда наука уже совсѣмъ не покорила міра, какъ теперь, и не мечтала даже о тѣхъ завоеваніяхъ, какія она сдѣ-

лала въ XVII вѣкѣ; но если-бы Рише прочелъ его, онъ нашелъ бы въ немъ такое нравственное ученіе, котораго не создастъ никакой научный гений и до котораго не возвысится никакой научный прогрессъ. Болѣе того, онъ нашелъ-бы, что всѣ лучшія черты современной нравственности сложились подъ сознательнымъ и безсознательнымъ вліяніемъ этого ученія, что тѣ идеи человѣческаго братства, гуманности, любви и самоотреченія, которыми онъ гордится, какъ изобрѣтеніями современной цивилизаціи, суть только отраженіе и преломленіе христіанскихъ идеаловъ. Не наука улучшила или создала христіанскую нравственность, а христіанская нравственность создала тѣ моральные принципы, которые признаетъ теперь наука. Всѣ мы стоимъ на почвѣ христіанства со всею нашей цивилизаціей, наукой и философіей,—говорилъ Фихте.—Христіанство самыми разнообразными путями проникло въ нашу культуру, и мы не могли-бы быть тѣмъ, что мы есть, если-бы этотъ могучій принципъ не предшествовалъ намъ во времени. Какъ жалки тѣ культурные представители современности, которые глумятся надъ этой великой исторической силой! Они не подозреваютъ, что лишь благодаря вліянію христіанства они до сихъ поръ не разбиваютъ своихъ лбовъ предъ деревянными кумирами и не приносятъ своихъ дѣтей въ жертву Молоху ¹⁾. И старый нѣмецкій философъ понималъ вещи гораздо глубже и правильнѣе, чѣмъ современный французскій фізіологъ. По мнѣнію Рише, безъ науки мы возвратились-бы ко временамъ „святыхъ отшельниковъ, проповѣдывавшихъ крестовые походы“. Можетъ быть; и,—знаетъ-ли онъ?—въ нравственномъ отношеніи объ этомъ не пришлось-бы жалѣть, такъ какъ идеализмъ „святыхъ отшельниковъ“ несравненно выше развратныхъ инстинктовъ современнаго декадентства или звѣрской жестокости тѣхъ „крестоносцевъ цивилизаціи“, которые въ настоящее время грабятъ и истребляютъ африканскихъ дикарей. Но можно почти съ увѣренностью утверждать, что даже съ наукой мы возвратились-бы ко временамъ дикарей каменнаго вѣка, если-бы у насъ не было религіи; различіе состояло-бы только въ томъ, что эти дикари были-бы вооружены не кремнями, какъ

¹⁾ См. нашу работу „Ученіе о Святой Троицѣ въ новѣйшей идеалистической философіи“, *Вѣра и Разумъ*, 1896, № 11, стр. 508—509.

тогда, а скорострѣльными ружьями и пушками, какъ теперь, и боролись-бы другъ съ другомъ не когтями и зубами, а пулями и динамитомъ.

Какъ мы видимъ, вся аргументація Рише въ защиту „научной“ морали есть недоразумѣніе. Онъ согласенъ съ Брюнетьеромъ въ томъ основномъ положеніи, что наука не занимается моральными проблемами и не заботится о нравственности; а отсюда само собой слѣдуетъ, что она не можетъ быть основой морали и не можетъ замѣнить для нея религію. *Наука принадлежитъ изслѣдованію міра явленій и область матеріальнаго прогресса; религіи принадлежитъ сфера конечныхъ вопросовъ и нравственная жизнь человечества.* Вотъ ихъ границы и ихъ взаимное отношеніе; вотъ ихъ права на существованіе и почва для ихъ примиренія.

Значеніе религіи для нравственной жизни людей такъ очевидно, что послѣ предшествовавшихъ „возраженій“ Рише мы нисколько не удивились-бы, если-бы онъ самъ сталъ искать компромисса съ нею. И, въ заключеніе своей „критики“, онъ, дѣйствительно, ищетъ этого компромисса. Правда, Рише продолжаетъ относиться къ религіи свысока и третируетъ ее, какъ бѣдную приживалку всемогущей науки; но въ концѣ концовъ онъ, вопреки своимъ намѣреніямъ, признаетъ ея права и предлагаетъ ей—примиреніе! Вотъ какими словами заканчиваетъ онъ свою замѣтку:

„Впрочемъ, что значатъ эти различія въ мнѣніяхъ, если мы разными путями приходимъ къ одному и тому-же результату? Нравственность, которой въ настоящее время учить церковь, вѣроятно, не очень различна отъ той, какую предлагаетъ намъ наука. Вопросъ о томъ, церковь-ли дала ее наукѣ, или наука церкви, есть историческая проблема, имѣющая, можетъ быть, второстепенный интересъ. Важно то, чтобы между ними существовало согласіе, единеніе. Наука идетъ впередъ; каждый день она дѣлаетъ небывалые успѣхи, каждый день наши познанія раздвигаются въ глубину и широту, и въ то же время развивается нравственный идеалъ. Тщетно будемъ бороться противъ очевидности: міромъ управляетъ наука. *Человѣчество не знаетъ другого вождя.* Что-бы ни говорили съ цѣлью задержать его, оно съ жаромъ устремляется на тѣ вѣчно новые

пути, которые открываетъ ему наука. Судя по нѣкоторымъ признакамъ, церковь, повидимому, поняла опасность неравной борьбы и рѣшительно склонилась къ тому, чтобы идти вмѣстѣ съ наукой, а не противъ нея. Примиреніе или соглашеніе,— что въ томъ, если начинается новая эра“?

Эти слова достаточно краснорѣчивы. Какъ ни подчеркиваетъ Рише свое мнѣніе, что человѣчество не знаетъ другого вождя, кромѣ науки, но онъ самъ призываетъ, что у человѣчества есть еще вождь, религія. Пусть человѣчество идетъ по пути научнаго прогресса, но этотъ прогрессъ не долженъ лишать его стремленія къ вѣчнымъ идеаламъ. Религія не борется противъ науки, если послѣдняя не выходитъ изъ своихъ законныхъ предѣловъ; но и наука не должна бороться противъ религіи, потому что религія имѣетъ такія-же законныя права, какъ и она. Ихъ примиреніе необходимо, потому что только соединенными усиліями онѣ могутъ привести человѣчество къ высшей цѣли его духовнаго развитія.

Намъ остается только подвести результаты критическихъ операцій Рише. Мы видимъ, что, по его мнѣнію, наука имѣетъ своей задачей простое изслѣдованіе явленій и не даетъ человѣчеству ни какихъ обѣщаній, которыя выходили-бы за предѣлы этой скромной задачи. Наука обогатила насъ многими великими открытіями и изобрѣтеніями, но она не рѣшила и никогда не рѣшитъ намъ послѣднихъ вопросовъ дѣйствительности; она много улучшила условія нашего существованія, но она не сказала и никогда не скажетъ намъ, зачѣмъ мы существуемъ, откуда мы приходимъ и что ждетъ насъ за нашей могилой. Даже въ такихъ вопросахъ, какъ вопросы о происхожденіи языка, о происхожденіи общества и о происхожденіи нравственности, сущность и причины явленій останутся для насъ навсегда недоступны. Наука создала цивилизацію, но она не можетъ служить основой морали, потому-что она не рѣшаетъ этическихъ проблемъ и не заботится о нравственности. При всемъ различіи стремленій науки и религіи, между ними въ настоящее время нѣтъ дѣйствительныхъ противорѣчій, и ихъ примиреніе есть задача наступающей новой эры. Вотъ заключенія, къ которымъ въ концѣ концовъ, незамѣтно для себя самого, приходитъ французскій фізіологъ, и намъ

нѣтъ нужды повторять, что эти заключенія не опровергають, а подтверждаютъ идеи Брюнетьера.

Какъ ни далекъ Рише отъ истины, какъ ни равнодушенъ онъ къ вѣчнымъ запросамъ сердца человѣческаго, какъ ни плохо понимаетъ онъ религію, но его взгляды показываютъ, что въ сознаніи ученыхъ происходитъ такой-же переворотъ, какой совершается въ общественномъ міросозерцаніи. Вспомнимъ, какъ была встрѣчена въ 1872 году знаменитая рѣчь Дюбуа Реймона „*О границахъ естествознанія*“. Ему отвѣчали, что естествознаніе не знаетъ границъ, что тѣ вопросы, которые онъ считаетъ неразрѣшимыми, давно и безъ остатка рѣшены наукой; его упрекали не только въ клерикализмъ и обскурантизмъ, но даже въ невѣжество и Гэккель, издѣваясь надъ его „*Ignorabimus*“, гордо противопоставлялъ этой формулѣ свое заявленіе: „*Scimus*“. Теперь Рише признаетъ, что для науки дѣйствительно существуютъ границы, что она не рѣшила и никогда не рѣшитъ тѣхъ вопросовъ, которые выходятъ за предѣлы міра явленій, что она не упразднила религіи и желаетъ примиренія съ нею. Не служитъ-ли это признаніе знаменіемъ времени? Не есть-ли оно невольный отголосокъ все усиливающегося убѣжденія, что разумъ безсиленъ разгадать намъ тайну бытія и вывести насъ изъ лабиринта окружающихъ нашу жизнь противорѣчій? Современный цивилизованный міръ переживаетъ минуты разочарованія и отреченія; онъ отрекается отъ прежнихъ увлеченій и погребаетъ свои несбывшіяся мечты; онъ начинаетъ понимать значеніе трансцендентныхъ идеаловъ для человѣческой мысли и жизни; онъ стремится къ новому, высшему міросозерцанію,—и это настроеніе оказываетъ невольное вліяніе даже на тѣхъ людей, которые ему враждебны. Тотъ вопросъ, который теперь волнуетъ многіе умы и съ которымъ связапо рѣзрѣшеніе современнаго моральнаго кризиса, есть вопросъ объ отношеніяхъ пауки и религіи. Существуютъ признаки, что эти отношенія измѣняются; измѣнятся-ли они въ желательномъ смыслѣ, это покажетъ намъ будущее.

П. Соколовъ.

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕ-РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ.

(Продолженіе *).

Домострой. „Домостроями“ назывались руководства къ разумному и цѣлесообразному устройству домашней, или семейной жизни. Они существовали и въ другихъ странахъ—въ Византіи и въ Западной Европѣ. Въ XVI столѣтіи отдѣльные руководства и правила жизни, составленныя у насъ въ разное время и различными лицами, были переработаны и соединены въ одно цѣлое сочиненіе, какъ предполагаютъ, въ Новгородѣ, причемъ составитель имѣлъ въ виду богатый боярскій домъ. Этотъ Домострой дошелъ до насъ въ двухъ видахъ, или изводахъ: одинъ болѣе подробный, заключающій въ себѣ 63 главы; другой—нѣсколько сокращенный, но зато имѣющій добавочную главу: „Посланіе и наказаніе отъ отца къ сыну“. Эта глава написана священникомъ Сильвестромъ къ своему сыну Анѳиму. Въ нѣкоторыхъ спискахъ краткаго извода имя Сильвестра встрѣчается также въ первой главѣ. Но Сильвестръ, съ именемъ котораго привыкли связывать происхожденіе Домостроя, не былъ его авторомъ; онъ, вѣроятно, сократилъ только Новгородскій изводъ, примѣнилъ его къ московскимъ обычаямъ и прибавилъ къ нему послѣднюю, 64-ую главу. Глава эта заключаетъ въ себѣ повтореніе въ общихъ чертахъ основныхъ положеній Домостроя и потому иногда носитъ названіе „Малаго Домостроя“. Сильвестръ сначала былъ священникомъ въ Новгородѣ. Въ Москву его вызвалъ митро-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1896 г. № 24.

полить Макарій. Здѣсь онъ въ теченіи 6-ти лѣтъ занималъ должность священника въ придворномъ Благовѣщенскомъ соборѣ. Затѣмъ, потерявъ расположеніе царя, онъ удалился въ Кирилловъ монастырь и здѣсь постригся въ иноки съ именемъ Спиридона. Въ 1560 г. Грозный заточилъ его въ Соловецкій монастырь, гдѣ онъ и скончался.

Чуждый строгой системы, Домострой тѣмъ не менѣе можетъ быть, по содержанию, раздѣленъ на три части. *Первая* часть обнимаетъ первыя 15 главъ и имѣетъ слѣдующее заглавіе: „Како вѣровати Богу и кресту Христову и небеснымъ силамъ и святымъ мощемъ поклонитися и святымъ тайнамъ причащатися, царя чтити и его князи и вельможи..... како чтити святительскій чинъ и священническій и мнишескій и пользоваться отъ нихъ“. Изъ этого заглавія видно, что здѣсь главнымъ образомъ указываются правила христіанской вѣры и благочестія. Нельзя не видѣть здѣсь вліянія на составителя книгъ духовныхъ и даже прямо идеаловъ иноческихъ. Поставляя на видъ выполненіе правилъ христіанскаго благочестія во всей строгости, Домострой совѣтуетъ каждому семьянину устроить въ своемъ домѣ подобіе церкви и въ присутствіи семьи своей ежедневно возжигать предъ иконами свѣчи, воскурять ѳиміамъ, совершать утреннюю и вечернюю молитвы, читать и пѣть часы, вечерню, а въ праздники и молебны. „Въ дому своемъ, всякому христіанину, во всякой храмнѣ, святыя и честныя образы, написанныя на иконахъ, по существу ставити на стѣнахъ, устроивъ благолѣпно, со всякимъ украшеніемъ и со свѣтильники. въ нихъ же свѣщи предъ святыми образы возжигаются, на всякомъ славословіи Божіи, и по пѣніи погашаются; завѣсою закрываются, всякія ради чистоты, и отъ пыли всегда чистымъ крылышкомъ ометати и мягкою губкою вытирати ихъ... и храмъ тотъ чистъ держати всегда... на славословіи и святомъ пѣніи и молитвѣ свѣчи вжигати и кадити благовоннымъ ладономъ и ѳиміамомъ; а образы святыя поставляются, иже въ началѣ по чину“ (гл. VIII). Научая благоговѣйному отношенію къ священнымъ предметамъ, Домострой учитъ: „св. крестъ, образа, мощи цѣловать, перекрестясь. духъ въ себѣ удержавъ, губъ не разѣвая; зубами просвиры не кусать, какъ обыкновенный хлѣбъ, но ломать

маленькими кусочками и класть въ ротъ, ѣсть губами и ртомъ не чавкать. Если съ кѣмъ хочешь сотворить цѣлованіе о Христѣ, также долженъ духъ въ себѣ удержать и губами не плюскать. Поразсуди человѣческую немощь: нечувствительнаго духа гнушаемся—чесночнаго, хмѣльнаго, больнаго и всякаго смрада: коль мерзки предъ Господомъ нашъ смрадъ и обоняніе!...“ „По вся дни въ вечерѣ мужъ съ женою и съ дѣтьми и домочадцы, кто умѣетъ грамотѣ, отпѣти вечерню, повечерницу, полунощницу, съ молчаніемъ и со вниманіемъ, съ молитвою и поклоны. А въ полунощи всегда тайно вставъ, со слезами прилежно всегда Богу молитися, елико вмѣстимо, о своемъ согрѣшеніи... А утрѣ вставъ, Богу молитися и отпѣти заутреню и часы, а въ недѣлю и праздникъ молебень. А гдѣ некому пѣти, ино молитися довольно вечере и утре“... (гл. XII). Но одной домашней молитвы не достаточно: нужно, какъ можно чаще, ходить въ церковь и приносить съ собою, по возможности, свѣчи, ладонъ, просфоры и прочія вещи, нужныя для богослуженія (глав. IX). Высшимъ образцомъ христіанской жизни въ древнія времена считалась жизнь иноческая. Многія предписанія монастырскаго устава считались обязательными и для мірскихъ людей. Въ Домостроѣ часто встрѣчаются наставленія мужу, женѣ и всѣмъ въ домѣ не забывать правплекейнаго. Подобно монахамъ, Домострой повелѣваетъ носить всѣмъ четки въ рукахъ и постоянно имѣть въ устахъ молитву Иисусову. Слугамъ, при входѣ въ чужой домъ, приказывается въ сѣняхъ, предъ дверьми, творить вслухъ молитву Иисусову и не входить до тѣхъ поръ, пока „аминя не отдадутъ“, какъ это дѣлается при входѣ въ монашескія кельи. Вмѣстѣ съ соблюденіемъ этой обрядовой стороны благочестія Домострой предписываетъ и самую широкую христіанскую благотворительность. Странники, нищіе, беспомощные люди въ Домостроѣ считаются даже въ числѣ членовъ семейства (гл. VII).

Вторая часть Домостроя заключаетъ въ себѣ слѣдующія 14-ть главъ (16—29) и носитъ такое заглавіе: „О мірскомъ строеніи: како жити православнымъ христіаномъ въ міру съ женами и дѣтьми и съ домочадцы и ихъ наказывать, и учить, и страхомъ спасати“. Здѣсь выясняются взаимныя отношенія

между главою семейства и его членами. Главное лицо въ семьѣ, разумѣется, мужъ, отецъ, хозяинъ дома. Не только слуги, дѣти, но и жена должна „творить все по его наказанію“. Подъ этимъ „наказаніемъ“ разумѣлось поученіе на добро, вразумленіе словомъ (иначе выговоръ) и, наконецъ, наказаніе въ собственномъ смыслѣ. „И увидитъ мужъ, что не порядливо у жены и слугъ, ино умѣлъ бы свою жену наказывати всякимъ разсужденіемъ и учити. Аще жена по тому наказанію и наученію не живетъ, ино достоинъ мужу жену свою наказывати и пользовати страхомъ наединѣ, и наказавъ пожаловати и примолвити, и любовію наказывати, и разсуждати, а мужу на жену не гнѣваться, ни женѣ на мужа: всегда жити въ любви и чистосердечіи. И слуги, и дѣти такожде, по винѣ смотря и по дѣлу, наказывати и раны возлагати, да наказавъ пожаловати. А только жены или сына, или дщери слово или наказаніе неиметь, не слушаетъ и не внимаетъ, и не боится, и не творитъ того, какъ мужъ или отецъ, или мать учитъ, ино плетью постегать, по винѣ смотря, и побить не предъ людьми, наединѣ, поучити да примолвити и пожаловати, а никакоже не гнѣваться ни женѣ на мужа, ни мужу на жену. А только (если) велика вина и кручиновато дѣло и за великое и страшное ослушаніе и небреженіе, ино плеткою вѣжливенько побить, за руки держа, по винѣ смотря, да поучивъ примолвити, а гнѣвъ бы не былъ, а люди бы того не вѣдали и не слышали“ (гл. XXXVIII).—Идеальныя черты жены, по Домострою, выражаются въ слѣдующихъ ея качествахъ: „хвалится жена добрая, молчаливая, трудолюбивая и послушная—сказано въ Домостроѣ; такая жена вѣнецъ мужу своему, дороже камени многоцѣннаго; она удѣлъ боящихся Господа“ (гл. XX). Доброта и кротость жены проявляются въ полномъ подчиненіи ея своему мужу, трудолюбіе—въ заботахъ хозяйственныхъ. Какъ мужу принадлежитъ власть надъ всѣмъ домомъ, такъ дѣло жены распорядительность по дому и хозяйству. Съ ранняго утра и до вечера женщина всецѣло должна быть занята хозяйственными заботами. Эти заботы должны наполнять все ея существо: даже съ гостями и въ гостяхъ она должна думать и говорить только о хозяйствѣ. Вставши и помолившись, хозяйка должна указать служанкамъ

дневную работу; всякое кушанье, мясное и рыбное, всякій при-спѣхъ, скоромпый и постный, и всякое рукодѣлье она должна сама умѣть сдѣлать, чтобъ могла и служанку научить; если все знаетъ мужнимъ наказаніемъ и грозою и своимъ добрымъ разумомъ, это все будетъ споро и всего будетъ много. Сама хозяйка отнюдь никогда не была бѣ безъ дѣла: тогда и служанкамъ, смотря на нее, повадно дѣлать; мужъ ли придетъ, гостя ли придетъ—всегда бѣ за рукодѣльемъ сидѣла сама, то ей честь и слава и мужу похвала; никогда не должны слуги будить хозяйку, хозяйка должна будить слугъ (гл. XXIX). Съ слугами хозяйка не должна говорить пустыхъ рѣчей и пересмѣшныхъ; торговки, бездѣльныя жопки и волхвы чтобъ къ ней не приходили, потому что отъ нихъ много зла дѣлается. Всякій бы день жена у мужа спрашивалась и съ нимъ совѣтовалась о всякомъ обиходѣ; знаться должна только съ тѣмъ, съ кѣмъ мужъ велитъ; съ гостями бесѣдовать о рукодѣльѣ и домашнемъ устройствѣ; примѣчать, гдѣ увидитъ что хорошее; чего не знаетъ, спрашивать вѣжливо; кто что укажетъ—низко челомъ бить и, пришедши домой, все мужу сказать (гл. XXXIV). Съ такими добрыми женщинами пригоже сходиться, ни для ѣды, ни для питья, а для доброй славы и науки, внимать себѣ на пользу, а не пересмѣхать и никого не переговаривать; спросить о чемъ, про кого другіе—отвѣчать: „не знаю, ничего не слыхала и сама о ненадобномъ не спрашиваю, о книгняхъ, боярыняхъ и сосѣдяхъ не пересужаю“. Отнюдь беречься отъ пьянаго питья; должна пить безхмельную брагу и квасъ, и дома, и въ людяхъ. „Необходимаго для возстановленія нравственныхъ силъ развлеченія, перемѣны занятія, перемѣны предмета для разговора нѣтъ и быть не должно, по общественнымъ условіямъ—говоритъ историкъ Соловьевъ. Домострой совершенно правъ, предписывая женщинамъ заниматься только хозяйствомъ и говорить только о хозяйствѣ, ибо другого приличнаго для нея занятія, другого приличнаго для нея разговора нѣтъ: если она не будетъ говорить о хозяйствѣ, то она будетъ пересмѣхать, переговаривать; дома она должна постоянно сидѣть за работою или распорядиться работами другихъ; развлеченія, какимъ она можетъ предаться—все это раз-

влеченія постыдныя, вредныя: пустые, пересмѣшныя разговоры съ слугами, съ торговками, жонками бездѣльными, волхвами. Мы не имѣемъ никакого права упрекать Домострой въ жестокости къ женщинѣ: у него нѣтъ приличныхъ, невинныхъ удовольствій, которыя бы онъ могъ предложить ей, и потому онъ принужденъ отказать ей во всякомъ удовольствіи, принужденъ требовать, чтобы она не имѣла минуты свободной, которая можетъ породить въ ней желаніе удовольствія, неприличнаго, что всего хуже, желаніе развеселить себя хмелемъ¹⁾. Могло быть и помимо хозяйства всегдашнее дѣло, которое слѣдовало поручить женщинѣ матери.—воспитаніе дѣтей; но воспитаніе въ тѣ времена не отличалось много *отъ питанія*²⁾ и было такъ несложно, что для него не требовалось ни особаго времени, ни особой заботы. Относительно обязанностей женщины-матери въ Домостроѣ кратко, въ общихъ выраженіяхъ, говорится, что она вмѣстѣ съ мужемъ должна научать дѣтей страху Божию и вѣжеству, что дочерей она должна учить рукодѣліямъ. Гораздо больше обращено вниманія въ Домостроѣ на тѣ обязанности матери, которыя соприкасаются съ областью хозяйства: подробно говорится о томъ, какъ мать со дня рожденія дочери должна собирать и копить ей приданое. „А у кого дочь родится, ино разсудны люди отъ всякаго приплода на дочь откладывають, на ея имя, или животинку ростятъ съ приплодомъ, а отъ полотень и ширинокъ (платковъ), и убрусовъ (полотенъ), и рубашекъ по вся годы ей въ особый сундукъ кладуть: и платье, и саженье, и монисто, и святость (образа), и суды оловянные и мѣдяные и деревянные прибавлявати по немпожку всегда, а не вдругъ: себѣ не въ досаду, а всего будетъ полно. Ино дочери растутъ, а страху Божию и вѣжеству учатся, а приданое съ ними вдругъ прибываетъ, и какъ замужъ стоворятъ, ино все готово... А по судьбамъ Божиимъ только та дочь преставится, ино ее надѣлкомъ поминають; по ея душѣ сорокоустъ и милостыню изъ того даютъ“ (гл. XVI). Это приготовленіе приданаго было главною, во многихъ семьяхъ едва ли даже не исключительною, заботою при воспитаніи

1) Соловьевъ. Исторія Россіи. VII т. 248.

2) Порфирьевъ. Исторія Русск. Словесн. I ч. 552.

дочерей.—Въ основу воспитанія Домострой полагаетъ страхъ и наказаніе. „Казни сына своего отъ юности, сказано тамъ, и покоить ты на старость твою, и дасть красоту душѣ твоей. И не ослабляй, бѣя младевца; аще бо жезломъ бѣши его, не умретъ, но здравѣе будетъ; ты бо бѣя его по тѣлу, душу его избавляешь отъ смерти. Любя же сына своего, учащай ему раны, да послѣ о немъ возвеселишься. Казни сына своего измлада, и порадуешься о немъ въ мужествѣ: и посреди злыхъ похвалишься и зависть примутъ враги твои. Воспитаи дѣтище съ прещеніемъ и обрящещи въ немъ покой и благословеніе“. Играть съ своимъ ребенкомъ, улыбаться ему, шутить съ нимъ—все это считается въ Домостроѣ непростительною со стороны отца слабостію: „Не смѣйся къ нему, игры твоя: въ малѣ бо ся ослабиши, въ велицѣ поболѣши скорбѣ“ (гл. XVII). Добрыя качества юноши Домострой изображаетъ словами того же ученія Василія Великаго, какое приводитъ и пр. Іосифъ Волоколамскій въ своемъ „Просвѣтителѣ“. Юноша долженъ „душевную чистоту имѣти и безстрастіе тѣлесное, ступаніе кротко, гласъ умѣренъ, слово благочинно“ и т. д. ¹⁾—Слуги въ старину принадлежали также къ семейству и носили названіе „домочадцевъ“. Домострой предписываетъ господамъ заботиться о нихъ, какъ о своихъ чадахъ и присныхъ, имѣть попеченіе о спасеніи ихъ душъ и о матеріальномъ ихъ благосостояніи. „Господинъ или госпожа, сказано въ Домостроѣ, должны всегда дозирать слугъ и спрашивать ихъ о всякой нуждѣ, о пищѣ, питіи, одеждѣ, о всякой потребѣ, скудости, обидѣ и болѣзни, и Бога ради промышлять и имѣть попеченіе о нихъ отъ всей души, какъ о своихъ и присныхъ своихъ. Кто не радить и не болѣзнуетъ о нихъ, дасть Богу отвѣтъ, а кто съ любовію бережетъ и хранитъ ихъ, великую милость получить отъ Бога; ибо рабы и рабыни Богомъ созданы и намъ поручены отъ Бога на службу, да печемся о нихъ. А держать у себя людей по силѣ, чтобы можно было удовлетворить ихъ пищею и одеждою; если же держать людей не по силѣ и не удовлетворять ихъ пищею и одеждою, то тѣмъ слугамъ, которые нерукодѣльны и

¹⁾ См. жур. „Вѣра и Разумъ“, 1896 г. № 23. 714—715.

не умѣютъ сами себѣ что промыслить, по неволѣ придется плакать, красть, лгать, пьянствовать и чинить всякое зло. Надобно людей не только кормить и одѣвать, но и въ страхѣ Божиемъ имѣть и въ добромъ наказаніи, чтобы спасти ихъ души. А въ работу ихъ не продавать, но добровольно ихъ отпускаютъ и надѣлать, сколько можно. Старыхъ слугъ, которые не могутъ работать, также кормить и одѣвать за старую ихъ послугу“ (гл. XXVII).

Третья часть Домостроя (30—63 гл.) содержитъ различные хозяйственные совѣты и имѣетъ такое заглавіе: „О домовнемъ строеніи: какъ наказъ имѣти къ женѣ и дѣтемъ и слугамъ, и како запасъ имѣти всякой хлѣбной и мясной, и рыбной, и овощной, и дворовой порядне“. Здѣсь можно найти самыя разнообразныя и подробныя замѣтки, правила и совѣты относительно экономіи и хозяйства, какъ, на примѣръ, кроить, шить и носить одежду; какъ строить дворъ, лавку, амбаръ; какъ разводить садъ и огородъ, какъ варить пиво, дѣлать годовые запасы всякой провизіи и имѣть дѣло съ торговыми людьми; какъ готовить обѣды и пиры для гостей, какія варить купанья въ постныя и скоромныя дни, какъ и когда подавать ихъ на столъ и т. п. Въ основѣ всѣхъ этихъ совѣтовъ лежитъ правило устраивать жизнь сообразно съ своимъ достаткомъ, при строгомъ соблюденіи возможной выгоды. Всѣ хозяйственные припасы слѣдуетъ покупать въ свое время и притомъ не по мелочамъ, а массой: „у рубля полтина сбудется (сбережется)“ (гл. XII). Заготовленные запасы нужно сберегать, чтобы они не испортились или не были раскрадены. Заготавливать все необходимое для дома долженъ мужъ, сохранять—жена. „Руководясь благоразуміемъ народной пословицы, иногда себялюбивымъ—говорить Буслаевъ—Домострой учить, при соблюденіи экономіи, и гостя употчивать безъ убытка, и милостыню подать съ расчетомъ: что попортилось изъ годовыхъ запасовъ, то напередъ съѣдать или займы отдавать, или на милостыню немущимъ. Изъ самаго гостепріимства Домострой учить извлекать барышъ... Эгоизмъ—порокъ общій всѣмъ временамъ. По крайней мѣрѣ, старина откровенно высказывала своекорыстные виды, и тѣмъ

самымъ обезоруживала ихъ злонамѣренность“¹⁾). Богатымъ людямъ Домострой совѣтуетъ имѣть у себя своихъ мастеровъ, чтобы дома своими средствами готовить все необходимое для хозяйскаго обихода. Въ нѣкоторыхъ спискахъ Домостроя прибавляется еще особое приложеніе, подъ названіемъ: „книги во весь годъ въ столъ яствы подавать“, въ которомъ составлено распредѣленіе кушаній, примѣнительно къ церковнымъ праздникамъ. Особое также встрѣчается иногда приложеніе: „нарядъ гостинный и нарядъ свадебный“, гдѣ излагаются правила, относящіяся къ приему гостей и свадебнымъ церемоніямъ.

Въ послѣдней, 64-й, главѣ Сильвестръ, подобно Мономаху, въ примѣръ своему сыну указываетъ на свою собственную жизнь. „Ты видѣлъ, сынъ мой, говоритъ онъ, какъ я жилъ въ этомъ житіи, во благословеніи и страхѣ Божіемъ, въ простотѣ сердца и церковномъ прилежаніи, всегда пользуясь Божественнымъ Писаніемъ; какъ, Божіею милостію, я отъ всѣхъ былъ почитаемъ и всѣми любимъ, какъ всякому я старался угодить въ потребныхъ случаяхъ и руководѣлемъ, и службою, и покорностію, а не гордынею, ни прекословіемъ. Не осуждалъ я никого, не осмѣивалъ, не укорялъ и ни съ кѣмъ не бранился; приходила отъ кого обида, терпѣлъ ради Бога и на себя вину полагалъ, и чрезъ то враги дѣлались друзьями.... Не пропускалъ я никогда церковнаго пѣнія отъ юности моей и до сего времени, развѣ только по пемощи. Никогда не презрѣлъ ни нищаго, ни страннаго, ни печальнаго, развѣ только по невѣдѣнію: заключенныхъ въ темницы и больныхъ посѣщалъ, плѣнниковъ и должниковъ по силѣ выкупалъ, голодныхъ по силѣ кормил“. Далѣе слѣдуетъ замѣчательное указаніе на освобожденіе рабовъ. „Рабовъ своихъ всѣхъ освободилъ и надѣлилъ, и иныхъ выкупалъ изъ рабства и на свободу отпускалъ. И всѣ тѣ рабы наши свободны и добрыми домами живутъ, какъ видишь, и молятъ за насъ Бога, и всегда добротетвуютъ намъ, а кто изъ нихъ забылъ насъ, да прости его Богъ... Видѣлъ ты, чадо—продолжаетъ Сильвестръ свое наставленіе—какъ многихъ сиротъ, рабовъ и убогихъ, мужескаго пола и жевскаго,

¹⁾ Очерки Русской народной Словесности и Искусства. I т. 475 стр.

и въ Новгородѣ и здѣсь, въ Москвѣ, я вспоилъ и вскормилъ до совершеннаго возраста и научилъ, кто къ чему былъ способенъ; многихъ грамотѣ—писать и пѣть, иныхъ иконному письму, иныхъ книжному рукодѣлю, однихъ серебряному мастерству, другихъ всякому рукодѣлю, а иныхъ научилъ всякой торговлѣ. А мать твоѣя многихъ дѣвицъ и вдовыхъ и убогихъ воспитала въ добромъ наказаніи, научила рукодѣлю и всякому домашнему обиходу, и, надѣливъ, замужь повыдала, и мужчинъ мы поженили у добрыхъ людей... Никому ни въ чемъ я не лгалъ, ни просрочивалъ, ни въ рукодѣли, ни въ торговлѣ: ни кабалы, ни записи на себя ни въ чемъ не давалъ. А видѣлъ ты самъ, какія великія сплетки со многими людьми были, и все то, далъ Богъ, безъ вражды кончилось. Самъ знаешь, что не богатствомъ жилъ я съ добрыми людьми, а правдою да ласкою, да любовію, а не гордостію и безо всякой лжи“. Эта глава прекрасно характеризуетъ личность самого автора. „Въ этомъ наставленіи—говоритъ историкъ Соловьевъ—въ этомъ указаніи на свой образъ мыслей и жизни Сильвестръ обнаруживается передъ нами вполне. Мы понимаемъ то впечатлѣніе, какое долженъ былъ производить на современниковъ подобный человѣкъ: благочестивый, трезвый, кроткій, щедрый, ласковый, услужливый, превосходный господинъ, любившій устраивать судьбу своихъ домочадцевъ, человѣкъ, съ которымъ каждому было пріятно и выгодно имѣть дѣло—вотъ Сильвестръ! Таковъ именно долженствовалъ быть этотъ человѣкъ: иначе мы не поймемъ его нравственнаго вліянія на молодого царя, не поймемъ того, какъ простой священникъ могъ собрать около себя остатки боярства“¹⁾.

Въ какомъ отношеніи стоитъ Домострой къ современной ему жизни русскаго общества: есть ли это точная копія, чисто историческая картина современныхъ нравовъ, приведенная въ извѣстную систему, или это только идеальный образецъ, который не отражался въ самой жизни, къ которому составитель Домостроя хотѣлъ только привести общество своего времени²⁾?

¹⁾ Исторія Россіи. VII т. 242 стр.

²⁾ Своеобразный взглядъ на Домострой, какъ на тенденціозный трактатъ партійнаго характера, см. въ статьѣ А. А. Кизеветтера: „Основная тенденція древне-русскаго Домостроя“. Русск. Богатство. 1896 г. Январь.

Утверждать, что Домострой представляет только копию современнаго ему быта, что въ жизни строго выполнялись все предписываемыя имъ правила, нѣтъ основанія: ни самъ Домострой, ни другіе русскіе литературные и историческіе памятники того времени, не говоря уже о свидѣтельствахъ иностранныхъ писателей, не подтверждаютъ такого взгляда. Въ Домостроѣ не рѣдко послѣ изложенія того или другаго правила или наставленія слѣдуютъ предостереженія и увѣщанія не дѣлать противнаго. При этомъ иногда съ большими подробностями изображаются разныя уклоненія отъ законовъ добропорядочнаго житія, такъ что нельзя не видѣть, что многія положительныя правила, напримѣръ, относительно поведенія за столомъ, трезвости, воздержанія отъ клеветъ и пересудовъ, зависти и мотовства—вызваны были именно отрицательными явленіями жизни. Эта обратная сторона жизни особенно рѣзко выразилась въ гл. XXIII и XXIV: „О неправедномъ житіи“. Такимъ образомъ Домострой не историческій рассказъ о томъ, какъ идетъ жизнь, а сборникъ наставленій и правилъ о томъ, какъ должно жить, и походитъ больше на дидактическую поэму, гдѣ главный элементъ не историческій, а дидактическій ¹⁾. Но если нельзя признать Домострой точною копіей современнаго ему житія, то нельзя также считать его и чисто идеальнымъ образцомъ, не имѣвшимъ никакихъ основъ въ жизни, предносившимся только воображенію его составителя. Правда, большая часть правилъ Домостроя, особенно правила вѣры и благочестія, сложившіяся главнымъ образомъ подъ вліяніемъ памятниковъ церковной письменности, были выше общаго состоянія нравовъ того времени; но, несомнѣнно, во многихъ наставленіяхъ Домостроя отразились преданія, обычаи и примѣры самой жизни. Изображая идеалы добраго отца-хозяина, доброй матери-хозяйки, добраго мужа, доброй жены, добрыхъ дѣтей и слугъ, Домострой въ самыхъ наставленіяхъ своихъ принимаетъ иногда историческій тонъ и, предписывая тѣ или другія правила, прибавляетъ, что такъ водится у добрыхъ и разумныхъ людей. Вы-

¹⁾ Порфирьевъ. Истор. Хр. Покровск. III ч. 92 стр.

раженія: „а у добрыхъ разсудныхъ людей... а богобоязливые люди... а домовитая добрая жена... а у доброй порядливой хозяйки“ и т. п., часто встрѣчающіяся въ Домостроѣ, показываютъ, что и сама жизнь, въ лицѣ лучшихъ людей, представляла примѣры, достойные подражанія. Поучая своего сына, Сильвестръ не обинуясь, ставитъ ему въ образецъ собственную жизнь: „видѣлъ еси, чадо, говоритъ онъ, како въ житіи семъ живомъ во всякомъ благоговѣніи и страхѣ Божіи и въ простотѣ сердца и церковномъ прилежаніи со страхомъ и Божественнымъ Писаніемъ пользующися всегда“ (гл. LXIV).

Кромѣ преданій и обычаевъ, сложившихся издавна, въ течение всей древне-русской жизни, источниками при составленіи Домостроя служили, какъ сказано, преимущественно памятники церковной письменности. Не только основной взглядъ и мысли, которыя высказываетъ Домострой въ своихъ правилахъ, но даже самыя выраженія, въ которыхъ передаются эти правила, постоянно указываютъ на священные и богослужебныя книги, житія святыхъ и сборники отеческихъ твореній—эти главные источники книжнаго образованія нашихъ предковъ. Вліяніе ихъ особенно замѣтно въ первыхъ 25 главахъ Домостроя. Наставленія о почитаніи родителей, о воспитаніи дѣтей, изображеніе доброй и умной жены хозяйки взяты изъ книгъ Священнаго Писанія: Притчей, Премудрости Соломона и Премудрости Иисуса, сына Сирахова. Есть также указанія на житія святыхъ (Отъ старчества. Гл. XXV). Но болѣе всего изъ произведеній церковной письменности оказали вліянія на Домострой сборники отеческихъ сочиненій. Наставленія Домостроя о хожденіи въ церковь и поведеніи во время церковной службы, о домашней молитвѣ, о почитаніи отца духовнаго, о воспитаніи дѣтей, о почитаніи родителей, о содержаніи слугъ, о воздержаніи отъ лихоимства, о трезвости и т. п. очень сходны, иногда въ самыхъ выраженіяхъ, съ поученіями „Златоуста“ и „Измарагда“¹⁾ („какъ въ церкви приходити съ вѣрою и молитися“, „како востати въ нощи молитися“, „о глаголющихъ въ церкви“, „како чтити пресвитера“, „како чтити дѣтемъ роди-

¹⁾ Порфирьевъ. Истор. Русск. Слов. I ч. стр. 546.

телей," „како имѣти челядь," „о берущихъ много имѣнія и неправедномъ богатствѣ," „о воздержаніи отъ пьянства" и т. д.). Кромѣ этихъ поученій, нужно отмѣтить также несомнѣнное вліяніе на Домострой Поученія Владиміра Мономаха: ваставленія въ LXIV главѣ о домашней и церковной молитвѣ и гостепріимствѣ выражены почти словами этого Поученія. Наконецъ, для хозяйственнаго отдѣла Домострою могли служить источниками домашнія записи, или памяти, которыя издревле велись разумными домохозяевами и передавались отъ отцовъ дѣтямъ въ руководство для жизни, а также монастырскіе обиходники (напр. Сійскаго монастыря, Волоколамскаго, Кирилло-Бѣлозерскаго), гдѣ преподавались правила благочинія и вмѣстѣ съ тѣмъ приводились весьма обширныя росписи разныхъ кушаній ¹⁾).

Характеръ Домостроя чисто *практическій*: его правила и совѣты имѣютъ непосредственную цѣлю благоустройство жизни; въ области нравственной—указаны въ немъ опредѣленныя добродѣтели, въ которыхъ должно выражаться праведное житіе, причемъ къ высшпмъ, чисто духовнымъ побужденіямъ присоединены и практическія соображенія: добропорядочная жизнь награждается похвалою отъ людей, а неправедное житіе влечетъ за собою посмѣхъ, поношеніе и другія тяжелыя послѣдствія. Такъ, на примѣръ, воспитывать дѣтей въ страхѣ Божіемъ нужно потому, что дурныя, пенаказанныя (невоспитанныя) дѣти отъ Бога грѣхъ, а отъ людей укоръ и посмѣхъ, а дому тщета, а себѣ скорбь и убытокъ, а отъ людей продажа и соромота" (глав. XV и XVIII). Возставая противъ невоздержанія и пьянства, особенно на пирахъ, Домострой говоритъ: „не мози упиватися до пьянства и долго сидѣти; занеже во мнозѣмъ пьянствѣ и долзѣмъ сидѣніи бываетъ брань и свары и бой притчею и кровопролитіе; и ты, бывъ тутъ же, аще и не бранишия, ни дерещися, будещи въ той брани не послѣдній, по и предній, занеже долго сѣдшии и браня дождаеши. Аще ли упіешися до пьяна... и въ томъ во своемъ пьянствѣ и небреженіи платье на себѣ изгрядиши и колпакъ или шапку истеряеши; аще ли будетъ денегъ въ мошнѣ, или калитѣ,

¹⁾ А. Н. Пыпинъ. Итоги стараго Московскаго царства. Вѣсти. Евр. 1894 г. Августъ. 798 стр.

то выймутъ. Видиши ли, каковъ срамъ и укоръ и тцета имѣнію во мнозѣ пьянствѣ“ (глав. XI). Еще рѣзче этотъ практическій или, лучше сказать, житейскій характеръ проявляется въ тѣхъ наставленіяхъ Домостроя, которыя касаются различныхъ житейскихъ отношеній. Здѣсь иногда видно полное приспособленіе къ обстоятельствамъ, къ требованіямъ людей и времени. Въ основу отношеній къ людямъ въ Домостроѣ поставлено слѣдующее общее правило: „со всѣми надобно вести себя такъ, чтобы не только не навлечь на себя ненависти, вражды, обиды и разныхъ непріятностей, но и заслужить у всѣхъ расположеніе и доброе мнѣніе о себѣ“. Такія отношенія достигаются обыкновенно всегдашнею уклончивостію и даже угодливостію другимъ. И Домострой прямо совѣтуетъ дѣлать угодное другимъ, хотя бы это было и не согласно съ правдою. „Аще людямъ твоимъ случится съ кѣмъ брань гдѣ-нибудь, и ты на своихъ брани; а кручиновато дѣло, то и ударь, хотя и правъ твой; тѣмъ брань утолиши, также убытокъ и вражда не будетъ“ (гл. LXIV). Для сохраненія добрыхъ отношеній къ другимъ, по Домострою, иногда полезно говорить и неправду: „разсудительный слуга, гдѣ слышалъ брань—миръ скажетъ, а гдѣ слышалъ вражду—любовь скажетъ, а гдѣ клянутъ и лаютъ, и онъ похвалу и благодареніе повѣдаетъ; и отъ таковыхъ слугъ, промежъ добрыхъ людей, любовь сводится и миръ вѣчный“ (гл. XXXV). Лучшимъ же средствомъ къ приобрѣтенію расположенія и добраго мнѣнія о себѣ другихъ было гостепримство, которое Домострой считаетъ необходимымъ условіемъ при обращеніи со всѣми людьми. Во время пути онъ велитъ накормить даже хозяина, у котораго въ домѣ остановишься, и всѣхъ проходящихъ къ нему (гл. LXIV). Домострой совѣтуетъ угостить, а иногда и подарить заѣзжаго купца, у котораго что нибудь покупаешь (гл. XL). Сильно возставая противъ неумѣренности, Домострой въ то же время велитъ на пиру угощать гостей такъ, чтобы всѣ оставались довольны, и совѣтуетъ только хозяину въ это время назначать особаго *береженнаго* челоуѣка „гостя пьянаго беречи, чтобы не истерялъ чего и не избяся, и брань бы не была ни съ кѣмъ“ (гл. L). По обычаямъ гостепримства нельзя было оставить безъ угощенія виномъ и молодыхъ женщинъ, которымъ однако

пить при всѣхъ что нибудь хмѣльное считалось неприличнымъ. Это затрудненіе Домострой совѣтуетъ обойти такимъ образомъ: „старой гостѣ подносить чару при всѣхъ: ей та чара не въ укоръ. Молодую гостью вызвать послѣ обѣда, будто на совѣтъ, да тутъ одной подносить чару съ поклономъ и почетомъ. А то все дѣлать въ утай, чтобы было безъ зазора и безъ укора отъ злыхъ людей“. Во всѣхъ этихъ совѣтахъ и наставленіяхъ явно проводится принципъ уклончивости, измѣнчивости и угодливости людямъ. Принципъ этотъ образовала и развила сама древне-русская жизнь съ укоренившимися въ ней неправедными обычаями, въ силу которыхъ человѣку приходилось, служа правдѣ, угождать въ то же время и неправдѣ, и такимъ образомъ служить двумъ господамъ ¹⁾. Такую двойственность въ нравственно-практической жизни русскаго общества особенно развило страшное время Іоанна Грознаго, когда вмѣсто закона вездѣ царилъ произволъ; когда нужно было постоянно беречься, чтобы не оскорбить чьего нибудь самолюбія, не возбудить чьей нибудь вражды и чрезъ то не подвергнуться клеветѣ и опалѣ. Но всетаки „смѣшеніе чистаго съ нечистымъ— скажемъ словами историка Соловьева—смѣшеніе правилъ мудрости небесной съ правилами мудрости житейской мало приносить и житейской пользы человѣку, что видно всего лучше изъ примѣра Сильвестра; онъ говорилъ сыну: „подражай мнѣ: смотри, какъ я отъ всѣхъ почитаемъ, всѣми любимъ, потому что всѣмъ упоровилъ“. Но подъ конецъ вышло, что не всѣмъ упоровилъ, ибо всѣмъ упоровать дѣло невозможное; истинная мудрость велитъ работать одному господину“ ²⁾.

Домострой въ нѣкоторыхъ рукописяхъ называется завѣщаніемъ отъ отца къ сыну, но въ сущности это есть завѣщаніе всего древне-русскаго человѣка своимъ потомкамъ. Какъ сборникъ вѣковыхъ преданій Русскаго народа, Домострой пережилъ даже такой рѣшительный переворотъ въ нашей исторіи, какъ переворотъ, произведенный въ XVIII вѣкѣ Петромъ Великимъ, и дошелъ до нашего времени, не въ рукописяхъ только, но въ самой жизни множества людей, которые живутъ еще до сихъ

¹⁾ Порфирьевъ. Истор. Русск. Слов. I ч. 547—549 стр.

²⁾ Исторія Россія. VII т. 244.

поръ по его правиламъ. Въ среднемъ и низшемъ сословіи, особенно въ мѣстахъ, удаленныхъ отъ столичныхъ центровъ, основной взглядъ на жизнь, складъ семейныхъ отношеній и даже самый внѣшній образъ жизни очень нерѣдко проникнуты духомъ Домостроя. Еще во многихъ домахъ передніе углы комнатъ сверху до низу уставлены образами; во многихъ семьяхъ принимаются за дѣло не иначе, какъ сдѣлавъ нѣсколько поклоновъ предъ иконами; на столъ смотрятъ, какъ на предметъ священный, а на обѣдъ, какъ бы на обрядъ религіозный, во время котораго говоритъ много и громко считается грѣхомъ. Домохозяйство во многихъ мѣстахъ тоже ведется по правиламъ Домостроя: тѣ же заготовленія впрокъ въ извѣстное время года хозяйственныхъ припасовъ, тѣ же кушанья скоромныя и постныя, то же празднованіе за обильной до излишества трапезой церковныхъ праздниковъ и знаменательныхъ дней въ жизни и та же скупость въ обыкновенное время. Да, Домострой еще господствуетъ, по словамъ профессора Порфирьева—въ жизни средняго и низшаго классовъ нашего общества, „хотя живутъ здѣсь, не справляясь съ нимъ, какъ съ книгою; не знаютъ можетъ быть даже имени его и никогда не слышали о его составителѣ; его правила суть преданія предковъ,—и вотъ причина его такой силы и живучести. Никто, конечно, не будетъ сожалѣть о томъ, что еще до сихъ поръ сохраняются начала нашей древней жизни, наша древняя набожность и древніе благочестивые обычаи, какъ основа нашей народности“¹⁾. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ во многихъ мѣстахъ существуютъ также и тѣ недостатки въ пониманіи истиннаго христіанскаго благочестія, въ характерѣ воспитанія и складѣ семейной жизни, которые въ старину были естественнымъ послѣдствіемъ недостатка образованія и которымъ въ настоящее время пора бы уничтожиться.

Н. Протопоповъ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Истор. Хр. Покровскаго. III в. 104—105 стр.

ИЗЪ ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОЙ РУМЫНІИ.

(Окончаніе *)

Давно замѣчено, что неправда граничитъ съ безсердечіемъ и жестокостію, да и сама по себѣ составляетъ видъ безсердечія. Это особенно открывается тогда, когда неправда стремится замаскироваться, стараясь представить злое дѣяніе свое дѣломъ справедливымъ или законнымъ. Это же со всею ясностію открылось, какъ въ самомъ актѣ осужденія митрополита Геннадія, такъ и въ печальной судьбѣ, которой подвергся онъ послѣ осужденія, пока наконецъ православный румынскій народъ, совершенно неожиданно и для либераловъ, и для консерваторовъ, не возсталъ на защиту поправныхъ правъ митрополита.

Стурдзѣ не достаточно было лишить преосвященнаго Геннадія его высокыхъ митрополичьихъ преимуществъ, его епископскаго достоинства и даже простого священническаго званія; онъ захотѣлъ еще представить его въ глазахъ народа тяжкимъ или опаснымъ преступникомъ, заслуживающимъ всей строгости наказаній. И вотъ президентъ министровъ, глава либеральной партіи въ Румыніи, не постыдился не только оклеветать митрополита, но и примѣнить къ нему суровыя мѣры, которыми такъ славились нѣкогда средневѣковые инквизиторы.

По требованію Стурдзы, 22 мая 1896 года, въ 8 часовъ вечера, префектъ полиціи, вмѣстѣ съ главнымъ прокуроромъ апелляціонной палаты и главнымъ прокуроромъ судебной палаты, въ сопровожденіи взвода жандармовъ, прибыли въ келіи

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 3, за 1897 г.

митрополита и потребовали, чтобы онъ немедленно оставилъ свое мѣстопробываніе въ столицѣ, и въ качествѣ простого монаха отправился въ монастырь Кальдарушанъ въ сорока верстахъ отъ Букарешта. При этой унижительной и варварской сценѣ присутствовали два епископа: Гушскій и Аргешскій и много свѣтской знати, принадлежавшей, какъ къ консервативной, такъ и либеральной партіи. Не говоря уже о членахъ правительственной или либеральной партіи, при этой сценѣ присутствовалъ и Лазарь Катарджи, бывший глава консервативной партіи, королевскій намѣстникъ въ 1866 году и затѣмъ неоднократно президентъ министровъ въ Румыніи. Митрополитъ не былъ смущенъ или подавленъ этою грозною коалиціею. Онъ совершенно спокойно отвѣчалъ явившимся къ нему, что, будучи возведенъ въ свое достоинство королевскимъ декретомъ, онъ не можетъ отказаться отъ исполненія своихъ обязанностей, не имѣя новаго декрета, устраняющаго его отъ этихъ обязанностей. Тогда ему представили правительственное предписаніе и въ его покои ввели вооруженную силу. Что могъ значить самый энергичный протестъ митрополита предъ подобными аргументами насилія? Митрополитъ не протестовалъ больше; и вотъ, будучи окруженъ конными жандармами, онъ былъ отправленъ ночью, окольною дорогою, въ монастырь Кальдарушанъ, въ которомъ разставлены были жандармы для постоянного наблюденія за нимъ; и жандармы сопровождали его, даже когда онъ отправлялся въ церковь, на молитву. Ему не позволили взять съ собою ни какихъ вещей, ему не дали даже перемѣннаго бѣлья. Но и этого мало. Митрополитъ оставилъ въ помѣщеніяхъ своихъ въ Бухарестѣ многіе документы, письма, векселя, кареты, лошадей и пр. Лица, зная, что въ числѣ митрополичьихъ бумагъ существуетъ много документовъ весьма важныхъ и опасныхъ для его враговъ, испросили у правительства разрѣшеніе опечатать ихъ и произвести опись всего его частнаго имущества; точь въ точь какъ это дѣлается по смерти покойника или при банкротствѣ несостоятельнаго должника. Черезъ своихъ повѣренныхъ митрополитъ неоднократно протестовалъ противъ подобныхъ незаконныхъ дѣйствій, запрещенныхъ и румынскими за-

конами, но все было напрасно. Подъ предлогомъ опечатанія или описи, взламывали его ящики, его денежные шкатулки, грабили его драгоценности, одѣяніе, бѣлье; и все, чѣмъ можно было завладѣть, или присвоили себѣ, или подмѣняли. Его лишили имущества, бумагъ, переписки, не представляя даже никакого предлога или мотива. Митрополита фактически лишили правъ состоянія, какъ преступника, его личность превратили въ ничто. Если бы факты, которые мы изложили и которые скорѣе представляются блѣдными, чѣмъ какими были въ дѣйствительности, происходили въ какомъ либо феодальномъ средневѣковомъ государствѣ, то и тогда они должны были вызывать всеобщее негодованіе и отвращеніе. И однакожь все это совершается въ наши дни, въ свободной и конституціонной Румыніи!...

Лишенный правительственной защиты, низверженный и ограниченный во всѣхъ правахъ своихъ, митрополитъ рѣшился наконецъ обратиться къ верховной, т. е., королевской власти, испрашивая правосудія и справедливости. Изъ своего заточенія опъ писалъ къ королю:

„Ваше Величество,

„Какъ Вамъ извѣстно, 22 мая, незаконно и безчеловѣчно я былъ сверженъ (аггаче́) съ моей кафедрѣ митрополита-примаса Румыніи,—съ святой кафедрѣ нашей христіанской православной церкви, съ усвоенными ей политическими правами. На эту кафедру я возведенъ былъ страною и утвержденъ Вашимъ Величествомъ.

„Несправедливый и антиканоническій судъ, заговоръ и скрытая рука, злоупотребляя добротою Вашего Величества, отняли у меня эти права, дарованныя страною и утвержденныя Вами, избранникомъ народа.

„Способъ, при посредствѣ котораго я былъ лишенъ этихъ правъ, безъ законной авторизаціи Вашего Величества, вопіетъ къ небу объ отмщеніи.

„Спокойно и терпѣливо, уповая на Бога, я ожидаю, что Ваше Величество окажетъ мнѣ справедливость.

„Теперь же, будучи лишенъ моихъ правъ митрополита-при-

маса, я прошу Ваше Величество приказать по своей добротѣ, чтобы въ мое распоряженіе отдали по крайней мѣрѣ одежду, въ которой я ежедневно нуждаюсь. Я просилъ этого по праву, и живымъ голосомъ, и письменно, но я не былъ услышанъ. Я ввергнуть въ нищету, подобно преступнику, и ношу ту же самую рубашку, которую я имѣлъ на себѣ, когда меня исторгли изъ митрополичьяго жилища.

„Фактъ безпримѣрный въ нашей исторіи.

„Проданный моими братьями, подобно Іосифу, я нахожусь здѣсь, въ Кальдарушанскомъ монастырѣ, куда меня нашли нужнымъ заключить,—подъ стражею подобно величайшему злодѣю. Но будучи силенъ миромъ и спокойствіемъ моей совѣсти, я ожидаю, что скоро мои братья сознаютъ свою ошибку и что Ваше Величество окажете мнѣ справедливость, возвративши мнѣ мои права“.

Сдѣлалъ ли что нибудь король для облегченія участи пострадавшаго, остается неизвѣстнымъ. Но если посредничество главы государства и могло принести нѣкоторое облегченіе осужденному, то оно было незначительно и не могло переступать границъ, опредѣляемыхъ для преступныхъ монаховъ, какимъ признали низверженнаго митрополита. Тайная рука, которая наносила удары митрополиту, позаботилась о томъ, чтобы лишить его и королевскаго великодушія. Дѣло въ томъ, что, по интригамъ Стурдзы, преосвященнаго Геннадія признали преступнымъ монахомъ и подвергли его всей строгости монашескихъ правилъ Кальдарушанскаго монастыря, ссыльнаго мѣста для мнимаго преступника. Конституціонный король и притомъ ипославный, вмѣшиваясь во внутреннюю монашескую жизнь, конечно, не могъ вліять на монастырскіе порядки безъ униженія своей высокой власти.

Еще въ 1873 году румынскій Синодъ составилъ правила добраго поведенія для всѣхъ монаховъ и монахинь румынскихъ монастырей. Сущность этихъ правилъ вообще состоитъ въ отреченіи отъ своей воли и ежедневной исповѣди предъ духовникомъ. Сообразно съ этими правилами была составлена теперь и отослана настоятелю Кальдарушанскаго монастыря инструкция, по которой онъ долженъ былъ поручить монаха Ген-

надія Петреско опытному духовнику (старцу), чтобы тотъ слѣдилъ за его монастырскою жизнью.

„Если до сихъ поръ, предписывала инструкція, монахъ Геннадій забывалъ свое монашеское призваніе и былъ жертвою себялюбія, суетности и гордости, то вы должны исхитить его отъ этого заблужденія, въ которое онъ впалъ, и вразумить его, чтобы онъ не признавалъ унижительнымъ для себя монашеское состояніе, избранное имъ въ юности, какъ путь ко спасенію“. Сообразно съ этимъ монахъ Геннадій долженъ ежедневно присутствовать при всѣхъ монастырскихъ богослуженіяхъ и совершать всѣ монашескія духовныя упражненія.

„Обязавши монаха Геннадія, продолжаетъ инструкція, присутствовать при всѣхъ богослужебныхъ дѣйствіяхъ наравнѣ со всею братіею, вы потребуете отъ него должнаго исполненія монашескихъ послушаній соотвѣтственно съ его личными силами, напоминая ему, что кто не подчиняется распоряженіямъ (*conseils*) своихъ настоятелей, тотъ подвергается наказанію по монастырскимъ правиламъ.

„Общежительная жизнь въ монастырѣ содержитъ въ себѣ главныя обязанности монашества. Поэтому, обязавши монаха Геннадія Петреско присутствовать въ церкви съ его братіею и утѣшаться молитвами и ночными бдѣніями (*veilles*), вы распорядитесь, чтобы онъ всегда съ братіею раздѣлялъ общую трапезу, необходимую для поддержанія тѣла, сообразно съ 21 правиломъ монастырской жизни: „Да будетъ трапеза общою для всѣхъ, безъ различія; исключеніе допускается только для больныхъ и для тѣхъ, которые подвергаются различнымъ послушаніямъ.

„Если же монахъ Геннадій, обладающій богатствомъ и одержимый любовью къ суетной славѣ, станетъ пренебрегать общою трапезою, то вы будете наблюдать за его помѣщеніемъ и заставите его строго соблюдать слѣдующія монастырскія правила:

Правило 22.—„Общественныя трапезы всегда должны быть подчинены правиламъ, установленнымъ святыми отцами, равно какъ и времена молитвъ, пѣснопѣній и чтеній, предписанныхъ монастырскимъ регламентомъ.

Правило 23.—„Пощенія, установленныя Церковію и заповѣданныя святыми отцами относительно монашеской жизни, должны быть строго соблюдаемы. Пища должна быть приготовляема однокачественная (*également*), сообразно съ правилами, установленными святыми отцами и церковнымъ регламентомъ.

Правило 24.—„Никому не позволительно, за исключеніемъ болѣзни и случаевъ, предусмотрѣнныхъ 21 правиломъ, брать блюдо съ общей трапезы и приносить его въ келію.

„Монахъ, освобождающій себя отъ исполненія этого долга, нарушаетъ 25-ое правило, которое говоритъ: „Всѣ монахи, помѣщающіеся въ монастырѣ, должны блюсти единеніе духа и любви между собою и единеніе во Іисусѣ Христѣ.

„Слѣдовательно, примѣняя ко всѣмъ монахамъ дисциплинарныя правила монашеской жизни, дабы всѣхъ привести къ единству духа и къ союзу любви, вы озаботитесь, чтобы никто не уклонялся отъ исполненія ихъ; а потому вы побудите и монаха Геннадія Петреско стараться, въ достохвальной борьбѣ съ увлекающимъ его искушеніемъ лѣности и пустыхъ мыслей, быть бдительнымъ, избѣгать дурныхъ сообществъ и печестивыхъ (*infidèles*) совѣщаній; ибо 26-ое правило говоритъ: „Сходбища въ келіяхъ, пустые разговоры и всякаго рода безполезныя и вредныя для души развлеченія безусловно воспрещаются. Самымъ пріятнымъ для монаха препровожденіемъ времени должны быть молитва, богослуженіе и послушаніе. Кто не испытываетъ духовнаго удовольствія во всемъ этомъ и ищетъ мірскихъ развлеченій, тотъ дурной монахъ.

„Никто также изъ монаховъ не долженъ ни словомъ, ни дѣломъ, ни своею жизнью отвращать отъ этихъ обязанностей своихъ братьевъ, живущихъ въ одномъ и томъ же монастырѣ.

„Надобно также, чтобы монастырское спокойствіе не было возмущаемо ни имъ, ни его друзьями, ни его знакомыми, ни даже его родственниками; такъ какъ по требованію монашеской жизни онъ отказался отъ нихъ для посвященія себя Богу.

„Вотъ почему вы потребуете безусловнаго исполненія этого отъ монаха Геннадія, и въ случаѣ надобности примете необходимыя мѣры, чтобы онъ не принималъ болѣе, какъ это было

до сихъ поръ, стороннихъ людей, не подчиняющихся закону Божию (*des infidèles étrangers a la loi de Dieu*); такъ какъ они заражены грѣхомъ (*fruit du péché*), дѣти злого духа и виновники возмущенія внѣ и внутри монастыря.

„Съ особенною силою предлагаемъ вамъ поступать такъ, чтобы монахъ Геннадій понялъ, что монашескія занятія, независимо отъ присутствія при богослуженіяхъ и совершенія молитвъ, предписанныхъ святыми отцами, могутъ состоять лишь въ чтеніи, въ сочиненіи, рукодѣліи и въ исполненіи приказаній монастырской власти.

„Слѣдовательно, если монахъ Геннадій будетъ упорствовать въ своемъ прежнемъ поведеніи, то онъ тяжко согрѣшитъ не только противъ монашескаго образа жизни, но и противъ духовнаго единенія и братской любви, отъ которыхъ онъ не долженъ уклоняться, дабы не уготовить себѣ болѣе тяжкаго жребія. Одна изъ первыхъ обязанностей монашеской жизни, отъ которой зависитъ исполненіе всѣхъ другихъ, состоитъ въ полномъ повиновеніи приказаніямъ настоятеля.

„Если же, къ нашему великому огорченію, вы увидите, что монахъ Геннадій Петреско не захочетъ соблюдать святыхъ правилъ, содержащихся въ вышеупомянутомъ нами регламентѣ, или потому, что онъ забылъ его вполне, или потому, что полагаетъ, будто монашеская жизнь можетъ быть подобна жизни свѣтской, или же наконецъ потому, что, провоздая въ теченіе многихъ лѣтъ жизнь чуждую монашескаго житія,—теперь, когда изложеніе привело его къ жизни простого монаха ради покаянія въ его грѣхахъ, онъ думаетъ, что правила монашеской дисциплины совершенно не касаются его,—вы постоянно должны стараться и ежечасно и ежеминутно имѣть въ виду пріучить его къ дѣламъ монашеской жизни всѣми средствами, предоставляемыми вамъ властію, святыми канонами, правами начальника монашескаго общежитія и дисциплинарными распоряженіями регламента, пзъ котораго мы привели наиболѣе важныя правила.

„Вы все это доведете до свѣдѣнія монаха Геннадія Петреско, объяснивши ему, что святой Синодъ послалъ его въ тотъ святой монастырь, гдѣ онъ произнесъ свои обѣты. Здѣсь онъ вравнѣ со всѣми монахами обязанъ подчиняться монастырской

дисциплинѣ и не пренебрегать никакою монашескою обязанностью, дабы достигнуть спасенія своей души.

„Такимъ образомъ, когда по требованію монастырскаго правила или по вашему приказанію, поданъ будетъ призывъ къ церковному служенію или всякому другому дѣлу, монахъ Геннадій обязанъ, подобно остальной его братіи, отправиться на свое мѣсто и на опредѣленную работу; ибо: „кто захочетъ, безъ законной причины, говоритъ 85 правило регламента, освободить себя отъ подобныхъ занятій, тотъ подлежитъ наказанію, предусмотрѣнному правилами 58, 59, 60 и 61.

Этого требуетъ правило 58, которое говоритъ:

„При неисполненіи монастырскихъ правилъ, настоятель съ цѣлію исправить виновнаго брата, принимаетъ слѣдующія мѣры:

a) При первомъ поступкѣ онъ преподаетъ ему духовный совѣтъ или дѣлаетъ замѣчаніе на-единѣ, преимущественно тогда, когда проступокъ не сопровождается публичнымъ соблазномъ.

b) При повтореніи проступка, онъ дѣлаетъ публичное замѣчаніе въ монастырской столовой.

c) Если эта мѣра окажется недѣйствительною, дѣло переносится на рѣшеніе духовнаго совѣта.

Духовный же совѣтъ можетъ примѣнять слѣдующія мѣры:

d) Чтеніе молитвъ въ церкви, во время богослуженій.

e) Лишеніе порціи за столомъ, за исключеніемъ хлѣба, на одинъ день или на многіе дни.

f) Удержаніе денегъ, предназначаемыхъ на одежду; деньги эти должны поступать въ монастырскую кассу.

g) Обязательство исполнять черныя работы.

h) Выселеніе на опредѣленное время въ монастырскую пустыню (скитъ), если таковая пустыня существуетъ. Если же подобной, принадлежащей монастырю, пустыни нѣтъ, то дѣло переносится на разсмотрѣніе епископа, который дѣлаетъ распоряженіе объ отсылкѣ виновнаго въ какую-либо другую пустыню.

Правило 59 говоритъ: „Всякій разъ, когда духовный совѣтъ примѣняетъ къ монаху какое-либо изъ выше упомянутыхъ наказаній, виновность монаха, равно какъ и примѣненное къ нему наказаніе должны быть вносимы въ протоколъ, подписанный настоятелемъ и членами духовнаго совѣта; а въ то же время фактъ этотъ долженъ быть внесенъ въ книгу наказаній.

Правило 60 говоритъ: если же послѣ всѣхъ мѣрь и всѣхъ вышеупомянутыхъ наказаній не произойдетъ никакого исправленія, то настоятель созываетъ совѣтъ, вноситъ въ протоколъ всѣ поступки виновнаго, равно какъ и примѣненные къ нему наказанія, которыя однако же не исправили его; затѣмъ доноситъ объ этомъ епархіальному епископу, который, смотря по важности проступковъ, опредѣляетъ или переводъ виновнаго въ другой монастырь, какъ къ послѣдней мѣрѣ исправленія, или непосредственно изгоняетъ изъ монашескаго общества.

Правило 61 говоритъ: „Въ случаѣ изгнанія, осужденному запрещается носить монашескую одежду; объ этомъ доводится до свѣдѣнія правительства и печатается въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ (Moniteur Officiel) во всеобщую извѣстность.

„А чтобы облегчить монаху Геннадію Петреско исполненіе правилъ монашеской дисциплины, вы теперь же, безъ замедленія, назначьте ему частную келію, дабы онъ, подобно остальной братіи, имѣлъ собственное помѣщеніе, гдѣ могъ бы въ тишинѣ и уединеніи совершать свои молитвы и чтенія, предписанныя для живущихъ въ келіяхъ,—занятія, которыхъ онъ, какъ вамъ извѣстно, не можетъ исполнять въ теперешнемъ своемъ помѣщеніи,—домѣ настоятеля,—гдѣ ежедневно разбираются монастырскія дѣла и гдѣ, слѣдовательно, монахъ Геннадій никакимъ образомъ и ни подъ какимъ предлогомъ не долженъ оставаться. Что же касается гостей и вѣрующихъ, посѣщающихъ эти мѣста, то вы будете принимать ихъ и поступать съ ними согласно съ монастырскими правилами (89 и 90).

„Взамѣнъ этого, всѣ эти гости и вѣрующіе должны пребывать въ этихъ мѣстахъ благочестиво, не позволять себѣ дѣйствій постыдныхъ или безпорядочныхъ; ибо все это позоритъ это святое убѣжище и возмущаетъ монашеское спокойствіе. Поэтому вы позаботитесь, чтобы всѣ эти гости и вѣрующіе, кто бы они ни были, строго сообразовались съ слѣдующими монастырскими предписаніями:

„Правило 91.—Каждый гость или вѣрующій, посѣщающій монастырь, долженъ быть принимаемъ завѣдывающимъ братомъ со всякою учтивостію. Въ случаѣ, если бы въ монастырской гостинницѣ не оказалось помѣщенія, то онъ долженъ увѣдо-

мить объ этомъ настоятеля (или настоятельницу), который и укажетъ мѣсто, гдѣ гость долженъ быть принятъ.

„Гостямъ не позволительно останавливаться въ какихъ либо нныхъ монастырскихъ помѣщеніяхъ, кромѣ указанныхъ настоятелемъ или настоятельницею.

„Гости, желающіе посѣтить монастырь или одну какую-либо келію, всегда должны быть сопровождаемы завѣдывающимъ или какою-либо почтенною личностію, избираемою среди монаховъ и назначаемою настоятелемъ или настоятельницею. При подобныхъ же условіяхъ и монахи должны посѣщать гостей въ ихъ помѣщеніяхъ.

„Никому не позволительно нарушать порядокъ и монастырскій миръ поступками, запрещенными монашескими правилами.

„Правило 93 говоритъ: „Если посѣтитель нарушитъ эти правила, то завѣдующій сдѣлаетъ ему замѣчаніе; если же гость не послушаетъ его, онъ доведетъ объ этомъ до свѣдѣнія настоятеля, который съ своей стороны призоветъ гостя къ порядку.

„Въ случаѣ надобности настоятель обратится къ гражданской власти, чтобы сохранить монастырскій порядокъ.

„Правило 94 говоритъ: „Гость не можетъ требовать въ монастырѣ гостепріимства болѣе трехъ дней.

„Для достиженія цѣли, преслѣдуемой монастырскими порядками, вы распорядитесь также, чтобы съ одной стороны это приказаніе было напечатано и вывѣшено въ монастырѣ, а именно: предъ покоями настоятеля, при входѣ въ монастырь и въ столовую, дабы чтеніе этого распоряженія вразумляло братію, какъ надобно держать себя; вы будете наконецъ бдительно и неукоснительно слѣдить за исполненіемъ всего этого и пр., и пр.“.

Безъ сомнѣнія, сами по себѣ всѣ эти правила и распоряженія безукоризненны; но они не приложимы къ низложенному митрополиту уже потому одному, что не доказаны усвоеныя ему преступленія. Во всякомъ случаѣ ясно, что инструкція, подъ предлогомъ общаго монашескаго поведенія, преимущественно имѣетъ въ виду митрополита Геннадія, за которымъ хочеть установить самый строгій надзоръ; такъ чтобы каждая минута его жизни, всѣ лица, посѣщающія его, ихъ интимная бесѣда,—все было извѣстно настоятелю или постановленнымъ

отъ него довѣреннымъ наблюдателямъ; инструкція требуетъ даже ежедневной исповѣди отъ низложеннаго митрополита, желая проникнуть во внутренній міръ его мыслей.

Строгій монашескій режимъ, которому подвергли теперь осужденнаго митрополита, не только не унизилъ его въ глазахъ народа, но еще способствовалъ къ усиленію и пробужденію сожале́нія и состраданія къ нему. Чѣмъ болѣе прибѣгали къ строгостямъ въ отношеніи къ осужденному, тѣмъ сильнѣе развивалось общенародное негодованіе противъ явной несправедливости и тѣмъ глубже оскорблялось религіозное чувство православныхъ румынъ. Именно теперь со стороны народа стали появляться протесты, заявленія, адреса и демонстративныя паломничества въ Кальдарушанскій монастырь съ цѣлю выразить свое сочувствіе осужденному или заявить порицаніе правительству. Изъ этихъ протестовъ и заявленій укажемъ преимущественно на два, какъ наиболѣе характеризующіе религіозное настроеніе православныхъ румынъ, и ихъ взглядъ на верховныхъ представителей власти, какъ свѣтской, такъ и духовной.

Еще въ началѣ этого дѣла, когда представители „народовластія“, стоявшіе у кормила правленія, готовили общественное мнѣніе къ низложенію митрополита,—богатые собственники, землевладѣльцы, купцы и промышленники, за подписью нѣсколькихъ тысячъ лицъ, подали правительству слѣдующій протестъ. Установивши свой взглядъ на свободу румынскаго народа, они говорятъ далѣе: „Печать, пользующаяся наиболѣе безусловною свободою, есть великій и могущественный проповѣдникъ совершенной цивилизаціи, поскольку печать распространяетъ истину, воодушевляясь вѣчными евангельскими началами, коихъ хранительницею есть Церковь.

„Не безъ печали и скорби мы видимъ однако же, что съ нѣкотораго времени извѣстныя гозеты почти ежедневно извращаютъ свою роль, наполняя свои столбцы самыми безчестными клеветами, обыкновенно появляющимися подъ наружнымъ видомъ истины.

„Эти газеты не довольствовались тѣмъ, что въ теченіе долгаго времени издѣвались (bafouer) надъ нашимъ возлюбленнымъ

королемъ Карломъ I; теперь равнымъ образомъ, безславятъ религію, презирая духовенство и преимущественно митрополита Геннадія, котораго они не болѣе ни менѣе—поставляютъ въ рядъ обыкновенныхъ преступниковъ.

„Да будетъ стыдно, тройнѣе стыдно, тому роду печати, которая простираетъ своеволие и дерзость до безславія самаго честнаго, самаго благочестиваго и самаго возлюбленнаго епископа, котораго Церковь когда либо имѣла и котораго нація за его добродѣтели возвела въ достоинство архипастыря христіанской православной Церкви.

„Преисполненные негодованія и преимущественно за то, что всѣ клеветы, направленные противъ нашего возлюбленнаго архипастыря, оказываются ничтожными, мы нижеподписавшіеся собственники, купцы и промышленники столицы со всею нашею энергіею протестуемъ противъ этихъ газетъ, злоупотребляющихъ свободою печати, дѣлая изъ права, дарованнаго ей конституціею страны, низкое орудіе спекуляціи при посредствѣ безчестныхъ клеветъ.

„Въ то же время мы просимъ святѣйшаго отца Геннадія, примаса Румыніи, румына чистой крови, вознесеннаго изъ нѣдръ народа на высочайшую степень церковной іерархіи, относиться съ апостольскимъ равнодушіемъ ко всѣмъ этимъ смущеніямъ, пронстекающимъ изъ зависти, и продолжать идти путемъ Господнимъ, какъ подобаешь доброму пастырю румынскаго народа.

„Премудрый Сирахъ сказалъ: „если хочешь служить Богу, приготовь твое дѣло и твою душу противъ діавольскихъ стрѣлъ“.

„Поэтому, святѣйшій отецъ, во все то время, когда вы будете ратовать за безопасность Церкви и за наученіе народа согласно наставленію Спасителя, сыны тьмы не перестанутъ возмущать вашу душу, чтобы затруднить ваши благодѣянія.

„Оставайтесь же, святѣйшій отецъ, непоколебимымъ, подобно мудрому и мужественному вождю (capitaine) предъ лицомъ врага; ибо христіанскій народъ столицы, семь епархій святой митрополіи, равно какъ и весь народъ создадутъ вокругъ достойнаго пастыря православной Церкви живую стѣну, которая не разрушится.

„Православная Церковь и примасъ составляютъ для насъ нераздѣльное единство.

„Церковь наша должна обладать достоинствомъ и непотемняемымъ блескомъ.

„Мы же признаемъ врагами Церкви и народа тѣхъ, которые будутъ имѣть настолько дерзости, чтобы продолжать нападки на нашего добраго архипастыря.

„Мы именно знаемъ, что онъ архипастырь честный, справедливый, благочестивый, любвеобильный, достойный занимаемаго имъ мѣста; и надобно, чтобы онъ жилъ многіе годы, не будучи оскорбляемъ никѣмъ, дабы въ тишинѣ могъ исполнить свое высокое призваніе.

„Таково наше желаніе“.

Замѣчательно, что подъ этимъ многочисленнымъ протестомъ существуютъ подписи не только консерваторовъ, но и либераловъ. По нашему мнѣнію, это обстоятельство всего яснѣе доказываетъ, какъ неестественно и какъ непримѣнимо къ православнымъ народностямъ искусственное дѣленіе народовъ на двѣ категоріи: консерваторовъ и либераловъ. Конечно, можно держаться тѣхъ или другихъ убѣжденій, но въ дѣлахъ патріотическихъ или, такъ сказать, общенациональных, это дѣленіе не имѣетъ смысла. Особенно оно не примѣнимо къ религіозной жизни православныхъ народовъ, потому что православному народу, вопреки его историческимъ преданіямъ, нельзя навязывать своихъ убѣжденій, хотя бы они въ то или другое время и могли представляться нѣкоторымъ личностямъ болѣе истинными и болѣе совершенными. Но что сказать, если къ этимъ воззрѣніямъ примѣшиваются партійныя цѣли или партійная интрига?... Справедливо поэтому многіе румыны утверждали, что высшій духовный санъ и званіе іерарха Православной Церкви нельзя приравливать къ министерскимъ портфелямъ, раздаваемымъ политическимъ приверженцамъ той или другой правительственной партіи. Между тѣмъ, къ соблазну благочестиваго румынскаго населенія, министерство Стурдзы задумало воспользоваться властію митрополита въ интересахъ своей партіи, и встрѣтивши мужественный отпоръ, посмотрѣло на эту власть, какъ на простую политическую

комбинацію, выгодную или невыгодную для даннаго момента. Въ этомъ состояла глубокая ошибка министерства Стурдзы.

Но еще замѣчательнѣе протестъ, поданный преосвященному Геннадію румынскими дамами въ формѣ почтительнаго письма и затѣмъ напечатанный въ румынскихъ газетахъ. Дамы писали:

„Святѣйшій Отецъ!

„Христіанскія души нашей святой Церкви, отъ вѣковъ достохвальныя, проникнуты глубокою скорбію въ виду святотатственнаго и безпримѣрнаго въ исторіи Церкви и народности румынской осужденія, коего вы сдѣлались жертвою.

„Не имѣя возможности доставить утѣшенія священной главѣ нашей Церкви, напоенной немилосердо горечью человѣческихъ страстей, мы васъ просимъ, святѣйшій отецъ, принять отъ насъ признательность, предназначенную облегчить вашу скорбь, какъ свидѣтельство нашего глубокаго уваженія и нашей духовной любви“.

Адресъ этотъ подписанъ многочисленными дамами Букарешта, Яссы и другихъ румынскихъ городовъ. Замѣчательно, что въ числѣ подписавшихся существуютъ подписи многихъ аристократическихъ дамъ, родственницъ какъ либеральныхъ, такъ и консервативныхъ членовъ румынскаго парламента, и даже существуетъ подпись родной тетки Стурдзы. Но и этого мало. Одновременно съ этимъ лига румынскихъ женщинъ сдѣлала слѣдующее постановленіе:

„Посредствомъ незаконнаго осужденія, жертвою котораго сдѣлался нашъ святѣйшій пастырь Геннадій, большинство членовъ св. Синода впали въ самое низкое увлеченіе человѣческихъ страстей; а нѣкоторые прелаты даже продали своего благодѣтеля и своего священнаго господина за чечевичную похлебку!...

„А такъ какъ истинновѣрующіе, сообразно съ ученіемъ Спасителя нашего Іисуса Христа и сообразно съ постановленіями святыхъ апостоловъ и святыхъ соборныхъ отцевъ, отъ вѣковъ учредившихъ нашу святую православную Церковь, въ своихъ святыхъ выраженіяхъ предоставили намъ право высказываться о достоинствахъ прелатовъ, безъ чего эти послѣдніе не могутъ исполнять обязанностей въ Церкви Спасителя.

„И такъ какъ большинство членовъ Синода, своимъ страстнымъ, интриганскимъ и революціоннымъ образомъ дѣйствій, со всѣхъ точекъ зрѣнія оскверняющимъ ихъ святое призваніе, сдѣлались недостойными нашего святаго и древлеотеческаго вѣрованія; то

„Всѣдствіе всего этого, мы дѣлаемъ извѣстнымъ всѣмъ истинно вѣрующимъ христіанамъ, чтобы они не участвовали болѣе во всѣхъ церковныхъ священнодѣйствіяхъ, какъ-то: бракахъ, крещеніяхъ, погребеніяхъ, парастасахъ и всѣхъ богослужебныхъ дѣйствіяхъ, совершаемыхъ митрополитомъ Іосифомъ Молдавскимъ, епископами: Сильвестромъ Гушскимъ, Іеронимомъ Романскимъ, Пароеніемъ Вижне-Дупайскимъ, Діонисіемъ Бузевскимъ, Герасимомъ Аргешскимъ, Геннадіемъ Нулъ-Северинскимъ; а также викарными епископами (in partibus): Іоанникіемъ Флоръ-Бакананульскимъ, Калистратомъ Барладеанскимъ, Пименомъ Питештинскимъ, Аѳанасіемъ Краіовскимъ и Мелетіемъ Краіовскимъ, *адже*-викаріемъ митрополита Букарештскаго.

„Мы увѣщаемъ христіанъ не призывать этихъ прелатовъ для совершенія церковныхъ священнодѣйствій и держаться отъ нихъ вдали, предоставивъ ихъ правосудію Божію, какъ людей, которые по своему преступному поведенію, изъ-за недостойной и временной цѣли, запятнали нашу святую національную церковь и ввергли въ глубокое смущеніе и въ великую скорбь души истинно вѣрующихъ.

Подпись: „Комитетъ православныхъ румынскихъ дамъ въ Букарештѣ“.

На ряду съ этими коллективными протестантами мы должны еще упомянуть о митингахъ или народныхъ сходкахъ, на которыхъ ораторствовали многіе талантивые люди. Сходки происходили во многихъ румынскихъ городахъ. Конечно, сходки эти были въ рукахъ консервативныхъ ораторовъ орудіемъ для борьбы съ либеральнымъ правительствомъ. Это обычный приѣмъ взаимной борьбы политическихъ партій въ конститучіонныхъ государствахъ. Но эти же сходки выяснили интригу, направленную противъ митрополита Геннадія, и представили его дѣло въ надлежащемъ свѣтѣ. И вотъ именно одновременно съ этими сход-

ками, или непосредственно за ними начинается паломничество румынъ въ Кальдарушанскій монастырь, къ осужденному митрополиту, какъ къ мученику за народныя начала жизни и защитнику православной румынской церкви. Особенно сильное впечатлѣніе произвело паломничество Букарештскихъ жителей отъ 23-го іюня 1896 г. Правительство старалось остановить его; но признано было уступить народному желанію, не смѣя запретить дѣла, имѣвшаго религіозный характеръ.

Что же дѣлалъ Стурдза вмѣстѣ съ своими единомышленниками въ виду совершившихся фактовъ? Онъ не могъ конечно дать другого направленія теченію дѣлъ, но онъ не хотѣлъ и отступить, или сознаться въ своей несправедливости, не отрекаясь отъ власти, которою злоупотребилъ. Ему надобно было или сознать свою вину и вмѣстѣ съ этимъ передать политическую власть въ руки консервативной партіи, или попытаться во чтобы то ни стало доказать правильность своихъ дѣйствій и виновность низложеннаго митрополита. И онъ рѣшился на послѣднюю мѣру. Онъ соглашался съ тѣмъ, что въ процессѣ митрополита допущена была нѣкоторая каноническая или юридическая неточность нѣ формальномъ отношеніи; но онъ старался доказать, что, не смотря на эту неточность, румынская церковь должна радоваться, освободившись отъ іерарха недобросовѣстнаго, преступнаго и позорившаго ее своимъ поведеніемъ. Открылось небывалое зрѣлище въ судебныхъ лѣтописяхъ. Министръ-президентъ рѣшается доказывать преступность уже низложеннаго и осужденнаго митрополита!... На какомъ же основаніи?

Еще въ началѣ возведенія преосвященнаго Геннадія на митрополичью кафедру, въ газетахъ появилось слѣдующіе извѣстіе. Въ пенитенціальной тюрьмѣ въ Сланикѣ, въ древней Созійской обители, перестроенной въ тюрьму, чѣмъ и объясняется присутствіе въ ней настоятеля и нѣсколькихъ монаховъ,—содержался преступникъ, по имени Маргаритеско, который вмѣстѣ съ смотрителемъ тюрьмы (*greffier comptable de la prison*) Загонеско рѣшились экспонатировать священника Георгеско и доктора Бецеско. Съ этою цѣлію Маргаритеско доставилъ священнику Георгеско письмо, будто бы написанное тогда еще занимавшимъ кафедру митрополитомъ, въ каковомъ письмѣ митрополитъ проситъ его войти въ сношеніе съ Маргаритеско, пред-

ложить ему большую сумму денегъ и достать у него какіе то документы, будто бы весьма компрометирующие митрополита.

Кто хотя немного знакомъ съ тюремными порядками, тотъ, конечно, долженъ знать, что содержащій въ тюрьмѣ преступникъ не можетъ писать писемъ къ кому бы то ни было безъ контроля смотрителя. Такимъ образомъ, это письмо, составленное Маргаритеско, не могло быть доставлено въ Букарешть и оттуда въ Сланикъ, безъ содѣйствія Загонеско.

Священникъ Георгеско, получивши это подложное письмо, вошелъ въ переговоры съ Маргаритеско, который началъ съ того, что потребовалъ денегъ. Въ то же время преступникъ захотѣлъ однимъ выстрѣломъ убить двѣ дичи; онъ сообщилъ доктору Бецеско, что священникъ Георгеско получилъ отъ митрополита письмо съ вышеуказаннымъ содержаніемъ и успѣлъ увѣрить доктора, что митрополитъ дѣйствительно былъ авторомъ подобнаго письма къ священнику.

Докторъ Бецеско, будучи знакомъ съ преосвященнымъ Геннадіемъ еще въ то время, когда послѣдній былъ епископомъ Аргешскимъ, рѣшился оказать митрополиту услугу; но, будучи человѣкомъ осторожнымъ, захотѣлъ непосредственно узнать отъ самого митрополита, дѣйствительно ли существуютъ подобные документы о Маргаритеско. Съ этою цѣлію онъ отправился въ Бухарешть и тамъ, конечно, узналъ лишь то, что ничего подобнаго нѣтъ.

Въ то же время и священникъ Георгеско, видя, что преступникъ постоянно требуетъ у него четыре или пять тысячъ франковъ за доставленіе этихъ документовъ, съ своей стороны отправился на свиданіе съ митрополитомъ и къ удивленію своему услышалъ отъ него дружескій совѣтъ заниматься своимъ дѣломъ и не вѣрить ложнымъ вымысламъ.

Таковы были первоначальныя газетныя извѣстія о какихъ то документахъ, будто бы хранящихся у преступника, и будто бы компрометирующихъ митрополита. Мошенническая продѣлка преступника была ясна для всѣхъ, и на нее не обратили никакого вниманія. Подобныя же извѣстія были помѣщены отъ 27 іюля 1894 года и въ органѣ Стурдзы: *Vointa Nationala*. Этимъ мошенническимъ фактомъ, давно забытымъ, захотѣлъ воспользоваться теперь Стурдза, чтобы доказать преступность митрополита и правоту своихъ отношеній къ нему.

И вотъ, не смотря на совершившееся уже изложеніе и заточеніе митрополита, къ удивленію всѣхъ, въ правительственныхъ органахъ стали появляться статьи, усиливавшіяся доказать документально присвоеніе митрополитомъ церковныхъ или общественныхъ денегъ и даже сношеніе его съ завѣдомымъ убійцею. Особенно важно было послѣднее обвиненіе.

Въ печатномъ органѣ перваго министра одновременно опубликованы были два письма, въ которыхъ будто бы митрополитъ еще въ 1893 году просилъ настоятеля Созійскаго монастыря, гдѣ убійца несъ наказаніе, быть посредникомъ между нимъ и убійцею и добыть отъ него какіе то, компрометирующие митрополита документы. Два минимыя письма дополнены были разъясненіями пастоятеля Созійскаго монастыря. Въ разъясненіяхъ излагалась фантастическая исторія о какихъ то таинственныхъ женщинахъ, имена которыхъ не были однако же обнародованы; разъясненіе не объясняло также и того, почему митрополиту не были возвращены компрометирующие его документы. Остается также неизвѣстнымъ и содержаніе компрометирующихъ документовъ. Существуютъ только намеки, будто этими документами подтверждается участіе митрополита въ преступленіяхъ убійцы, совершенныхъ имъ лѣтъ 10—20 тому назадъ. Что же касается разъясненій настоятеля Созійскаго монастыря, то достаточно сказать, что этотъ монахъ въ іерархическомъ отношеніи находился въ зависимости отъ епископа Рымникскаго, перваго и самаго сильнаго врага митрополита Геннадія. Уже это одно обстоятельство разъясняетъ все.

Поэтому друзья митрополита, даже не расслѣдывая дѣла, объявили упомянутыя письма подложными и потребовали обнародованія ихъ подлинниковъ. Правительство этого не сдѣлало, да и не могло сдѣлать. Это еще больше возмутило друзей митрополита и увѣрило ихъ въ подложности писемъ и лживости настоятельскихъ разъясненій. Въ самомъ дѣлѣ, представляется страшнымъ и необъяснимымъ, какимъ образомъ митрополитъ, знавшій въ теченіи 10—20 лѣтъ о существованіи компрометирующихъ его документовъ, могъ оставлять ихъ въ рукахъ убійцы; и только въ 1893 году, ставши митрополитомъ, признаетъ нужнымъ добыть ихъ и для этого посылаетъ по почтѣ письмо къ какому то неизвѣстному ему монаху, дѣлая такимъ

образомъ третье лицо повѣреннымъ своей тайны? На страницахъ исторіи можно встрѣчаться со всякаго рода жестокостями и несправедливостями; но кажется, это еще первый случай, когда правительство при помощи подложныхъ писемъ и ложныхъ документовъ старается покоичить съ своимъ противникомъ, уже осужденнымъ, низложеннымъ и несправедливо наказаннымъ. Не удивительно послѣ этого, если одинъ изъ членовъ дипломатическаго румынскаго корпуса, во время разъясненія этого дѣла сказалъ: „если доказано будетъ, что письма, опубликованныя правительствомъ, подложны; то мнѣ остается только сложить свои пожитки и бѣжать отсюда; потому что въ страчѣ, гдѣ возможны подобныя дѣла, нѣтъ больше личной безопасности“.

И однако же было доказано, что письма были подложными. Друзья митрополита потребовали наконецъ, чтобы допросили убійцу, того самаго, который зналъ о существованіи этихъ документовъ у какой-то таинственной женщины, въ траурѣ, известной затѣмъ двумъ другимъ женщинамъ, уже не столь таинственнымъ. Съ этою цѣлію призываютъ въ Букарешть самаго преступника; и чтобы заставить его рассказать все, ему обѣщаютъ помилованіе въ будущемъ; но несчастный преступникъ не могъ ничего раскрыть, потому что не зналъ ничего, да ничего и не было.

Вызываютъ также въ Букарешть медика—монаха, который жилъ при преосвященномъ Геннадіи, когда тотъ управлялъ Аргешскою епархіею, и который будто бы былъ главнымъ посредникомъ въ переговорахъ съ преступникомъ по дѣлу о приобрѣтеніи компрометирующихъ митрополита документовъ. Прежде всего, ему предлагаютъ очень хитрые вопросы и затѣмъ угрожаютъ тяжкимъ наказаніемъ, чтобы заставить его рассказать все, что онъ знаетъ по этому дѣлу. Честный монахъ всегда отвѣчалъ одно и то же: „пусть меня убьютъ, но я не стану клеветать на митрополита“. Отъ него узнаютъ только, что, живя въ Аргешѣ, онъ бесплатно лечилъ поселянъ, которыхъ тоже совершенно бесплатно снабжалъ лекарствами бывшій Аргешскій епископъ, митрополитъ Геннадій. Послѣ восьмидневнаго инквизиторскаго допроса его наконецъ объявляютъ свободнымъ. Таковъ былъ конецъ всего этого позорнаго

дѣла. Но еще позорнѣе, или даже комичнѣе, окончилось дѣло о мнимомъ присвоеніи бывшимъ митрополитомъ церковныхъ вещей и денегъ. Были разсланы по монастырямъ официальные запросы, съ требованіемъ назвать всѣ церковныя вещи или деньги, увезенныя или присвоенныя преосвященнымъ Геннадіемъ. Но всѣ эти запросы, равно какъ и многіе другіе, не привели ни къ чему. Было лишь доказано, что преосвященный продалъ когда-то одному монастырю свой фотографическій портретъ дороже его предполагаемой стоимости!... Таковъ былъ единственный результатъ этого единственнаго въ своемъ родѣ разслѣдованія, которое вели ревностные судьи, приверженцы Стурдзы. Впрочемъ, достигнутъ были и еще одинъ результатъ: для всѣхъ сдѣлалось яснымъ, что правительство Стурдзы не постыдилось фабриковать ложные документы съ цѣлію обезчестить человѣка высокоуважаемаго и невинно подвергнутаго уже тяжкому наказанію.

Легко понять, какъ все это должно было подѣйствовать на православныхъ румынъ, особенно, когда газеты и народные ораторы постарались представить все это дѣло въ надлежащемъ освѣщеніи. Православныя народности привыкли видѣть въ дѣятельности высшихъ правителей выраженіе высшей правды; но въ осужденіи митрополита Геннадія предъ православнымъ румынскимъ народомъ раскрылась одна лишь систематическая неправда. Конечно, ошибки, недоразумѣнія и заблужденія всегда возможны въ дѣлахъ человѣческихъ; но въ дѣлѣ митрополита Геннадія не было ничего другого, кромѣ партійной борьбы, сдѣлленія интригъ и возмутительной неправды съ одной стороны, и желанія отстоять свободное и независимое положеніе высшаго іерарха Румынской церкви, съ другой стороны. Понятно послѣ этого то возбужденіе и то негодованіе, которыя, можно сказать, охватили собою всѣхъ православныхъ румынъ и въ особенноти простой народъ, какъ наиболѣе религіозный. Православныя народности признаютъ высшую церковную власть, основанною на Божественномъ началѣ; и это ставятъ ее выше случайныхъ и темныхъ колебаній „народной воли“. Только такая власть, по возрѣнію румынъ, имѣетъ и право, и обязанность охранять и поддерживать въ странѣ то религіозно-нравственное начало, которое составляетъ его на-

слѣдственное сокровище. Правительство Стурдзы не поняло этого, или не хотѣло понять, и собственными руками вырыло для себя пропасть, куда затѣмъ безславно низверглось.

Начались народныя волненія, особенно сильныя въ столицѣ Румыніи. Напрасно правительство Стурдзы не пропускало за границу никакихъ, даже частныхъ телеграммъ о движеніи, возникшемъ въ послѣднее время во всѣхъ слояхъ населенія въ защиту низложеннаго митрополита. Волненіе или по крайней мѣрѣ, негодованіе распространилось и внѣ королевства, среди венгерскихъ, или трансильванскихъ румынъ; и митрополитъ ихъ Романъ торжественно объявилъ, что рѣшеніе румынскаго Синода не есть правильное или каноническое, и поэтому постановилъ по прежнему признавать митрополита Геннадія, какъ единственнаго законнаго первенствующаго епископа румынской церкви. Дѣло такимъ образомъ угрожало церковнымъ расколомъ среди одной и той же румынской народности. Возникла опасность церковнаго раскола и внутри самаго румынскаго королевства, гдѣ многія духовныя лица заявили себя безусловными сторонниками „мученика“ митрополита. Но Стурдза съ какимъ то непонятнымъ легкомысліемъ или упорствомъ не хотѣлъ ничего видѣть или признавать. Его оффиціальный органъ, газета *Agence Romaine*, даже за нѣсколько дней предъ паденіемъ его кабинета, пыталась доказать, что шумныя народныя демонстраціи въ столицѣ суть дѣло рукъ какихъ то темныхъ людей, и что благомыслящіе румыны не принимаютъ въ этомъ никакого участія. Но, разумѣется, этому уже никто не вѣрилъ. И вотъ 28-го ноября прошлаго года, г. Флева юристъ, адвокатъ и одинъ изъ искреннихъ почитателей и друзей низложеннаго митрополита, созвалъ въ столицѣ большой митингъ, на которомъ предсѣдательствовалъ архимандритъ Корнелій. По окончаніи митинга толпа въ нѣсколько тысячъ народа отправилась на площадь къ палатѣ депутатовъ съ цѣлію подать петицію о возстановленіи на митрополичьей кафедрѣ „мученика“ митрополита. Близъ зданія парламента полиція остановила эту толпу: но такъ какъ толпа продолжала настаивать на своемъ желаніи подать петицію, то явились конные жандармы и атаковали ее. Открылось настоящее сраженіе. Стычка продолжалась около двухъ часовъ, и оказалось

много раненыхъ. Конечно, раненыхъ было гораздо болѣе среди безоружной толпы, производившей демонстрацію, чѣмъ среди вооруженныхъ жандармовъ ¹⁾. Это тоже было глубокою ошибкою правительства Стурдзы. Религіозныя волненія нельзя прекращать одною физическою силою; здѣсь необходимы еще нравственныя увѣщанія или убѣжденія, достаточно сильныя разувѣрить толпу. Безъ этого же условія религіозное волненіе легко можетъ перейти или въ открытое гоненіе, или въ мученичество за вѣру. Разумѣется, Стурдза не могъ предложить своему народу какихъ либо нравственно-религіозныхъ убѣжденій; его газеты, защищавшія его варварскіе поступки съ преосвященнымъ Геннадіемъ, потерпѣли полное пораженіе. Негодованіе усиливалось, и дѣло принимало все болѣе и болѣе грозный оборотъ. Поэтому народная демонстрація и протестъ, не смотря на жандармское побоище, повторились на другой день еще съ большею силою и уже предъ зданіемъ Сената, засѣдающаго въ актовомъ залѣ Букарештскаго университета. Сюда, въ зданіе университета, проникли петиціонеры-ходатаи за митрополита Геннадія; но сюда же вслѣдъ за ними ворвались полицейскіе и палочники съ цѣлію разогнать явившихся просителей. Полицейскіе и палочники усердно исполнили свою службу; они не только изгнали просителей, но разогнали и толпившихся въ корридорахъ студентовъ университета и при этомъ творили такія безобразія, что заставили наконецъ ректора университета по телеграфу довести о случившемся королю Карлу, находившемуся въ Синайѣ ²⁾.

Трудно сказать, зналъ ли король до этого момента о религіозномъ волненіи своего народа. Увѣряютъ, что Стурдза, желая выйти изъ затруднительнаго положенія, неоднократно докладывалъ королю Карлу о необходимости немедленнаго избранія новаго главы румынской церковной іерархіи и предлагалъ для этой цѣли назначить духовную избирательную коллегію; но король постоянно отказывался отъ подобнаго шага, противъ котораго высказывался и предсѣдатель палаты, Аврелианъ. Если это вѣрно, то нельзя не отдать справедливости безпристрастію и благоразумію короля. Дав-

¹⁾ „Москов. Вѣдом.“ 1896 г. № 323.

²⁾ „Московск. Вѣдом.“ 1896 г. № 331.

но ходили слухи, что на мѣсто низложеннаго митрополита Стурдза прочтѣ своего главнаго пособника и помощника въ этомъ темномъ дѣлѣ, епископа Аргешскаго Пароенія, что легко могло бы совершиться при наличномъ составѣ членовъ румынскаго Синода и при вліяніи Стурдзы на избирательную коллегію. Но если бы это произошло, то это было бы официальнымъ или правительственнымъ закрѣпленіемъ церковнаго раскола среди румынъ.

Какъ бы то ни было, только король, получивши телеграмму отъ ректора университета, не замедлилъ прибыть въ столицу и при личномъ свиданіи съ Стурдзою отнесся крайне неодобрительно къ мѣрамъ, принятымъ правительствомъ противъ народной демонстраціи въ зданіи университета. Стурдза убѣдился наконецъ, что ему нельзя болѣе оставаться въ должности министра—президента, и онъ подалъ вмѣстѣ со всѣми членами своего кабинета просьбу объ отставкѣ, которая тотчасъ же и была принята королемъ.

Новый министр—президентъ, Аврелианъ, который еще и прежде не вполнѣ соглашался съ мѣрами Стурдзы, направленными противъ преосвященнаго Геннадія, позаботился прежде всего успокоить взволнованныхъ румынъ. 3-го декабря прошлаго года, чрезъ новаго министра исповѣданій, Морзеску, онъ предложилъ совѣту министровъ созвать экстренное засѣданіе румынскаго Синода для пересмотра синодальнаго опредѣленія о митрополитѣ Геннадіи, и въ тотъ же день получилъ утвержденный королемъ Карломъ декретъ о созывѣ этого засѣданія. Дѣло закипѣло и совершилось быстро, безъ всякихъ пререканій. Уже на другой день по полученіи королевскаго декрета состоялось засѣданіе Синода, члены котораго (большинство тѣхъ самыхъ, которые осудили митрополита) отмѣнили свое постановленіе, состоявшееся 18-го мая, и такимъ образомъ возстановили честь невинно осужденнаго. Но кто вознаградитъ его за тѣ страданія, которыя онъ невинно потерпѣлъ?... 5-го декабря постановленіе Синода уже было официально опубликовано вмѣстѣ съ просьбою митрополита Геннадія объ увольненіи его на покой (заранѣе поданною), а еще черезъ день Синодъ снова собрался и избралъ митрополитомъ-примасомъ румынъ преосвященнаго Іосифа Георгіана, уже зани-

мавшаго этотъ высокій санъ, до избранія Геннадія, но добровольно отказавшагося отъ него тоже изъ за личныхъ противъ него интригъ нѣкоторыхъ представителей либеральной партіи ¹⁾. Великодушный митрополитъ Геннадій, перенесшій такъ много оскорбленій и огорченій во время своего низложенія, не помянулъ зломъ своихъ недоброжелателей и враговъ. Онъ не только отказался отъ престола румынской церкви, но не пожелалъ подавать и дальнѣйшаго повода къ раздорамъ среди румынъ; а потому добровольно оставилъ свое отечество и отправился паломничать по святымъ мѣстамъ Сиріи, Палестины, Египта и пр. Такъ окончилась либеральная интрига, направленная противъ румынскаго митрополита и вооруженная всѣми прерогативами народовластія. Какое же участіе во всемъ этомъ дѣлѣ принималъ румынскій король, конституціонный и инославный? Онъ только порадовался счастливому, или лучше—мирному исходу дѣла. 8-го декабря минувшаго года происходило нареченіе новаго митрополита. Отвѣчая на рѣчь Георгіана, король указалъ на особое значеніе торжества, во время котораго на ряду съ Синодомъ, парламентомъ и властями присутствовали всѣ выдающіеся люди страны, оказавшіе великія услуги возвышенію Румыніи. По мнѣнію короля, это доказываетъ, что всѣ румыны единодушны, когда идетъ рѣчь о національныхъ вопросахъ и отечество требуетъ помощи всѣхъ своихъ сыновъ. Король поэтому довѣрчиво взираетъ на будущее, убѣжденный, что, благодаря единодушію, будутъ улажены всѣ затрудненія и устранена всякая опасность ²⁾. Очевидно, въ сущности король выражалъ радость свою по тому поводу, что обѣ правительственныя партіи, либеральная и консервативная, въ виду опаснаго пароднаго движенія нашли наконецъ средство прекратить развивавшійся всеобщій протестъ и при посредствѣ компромисса успокоили возмущенную совѣсть православныхъ румынъ. Но этотъ компромиссъ есть ли выраженіе высшей правительственной мудрости и правды въ отношеніи къ пострадавшему митрополиту?...

1) „Московск. Вѣдом.“ 1896 г. № 344.

2) „Московск. Вѣдом.“ 1896 г. № 340.

Мы не станемъ входить въ критическій разборъ этого процесса ни съ канонической, ни съ юридической, ни съ общечеловѣческой точки зрѣнія. Полагаемъ, что лучшею критикою его должно служить рѣшеніе самаго румынскаго Синода, отмѣнившего всѣ свои постановленія отъ 18-го мая: Конечно насъ интересуетъ въ данномъ случаѣ высокая личность митрополита, столь мужественно, стойко и благородно отстаивавшаго права родной церкви (слава Богу, православный Востокъ не скуденъ доблестными архипастырями; и мы за послѣднее время достаточно видѣли примѣровъ доблести восточныхъ іерарховъ...); но преимущественно интересуетъ насъ въ смыслѣ изученія отношенія къ церкви парламентаризма то легкомысліе, съ какимъ министерство Стурдзы, по чисто политическимъ соображеніямъ, подвергло глубоко возмутительному суду высшаго іерарха румынской церкви. Какъ надобно смотрѣть на это легкомысліе? Гдѣ скрывается главная причина его? Намъ кажется, что коренную причину этого непормальнаго явленія надобно искать въ неестественномъ смѣшеніи воззрѣній на высшую власть православныхъ народностей съ конституціонными воззрѣніями на нее западно-европейской жизни. Если бы при этомъ смѣшеніи происходило только злоупотребленіе властью, то это было бы явленіемъ печальнымъ, но случайнымъ; потому что злоупотребленіе властію, какъ мы замѣтили уже, возможно при всякихъ воззрѣніяхъ на власть и при всякихъ формахъ жизни. Но здѣсь происходитъ нѣчто другое; здѣсь происходитъ то, что такъ справедливо К. П. Побѣдоносцевъ называетъ *гипертрофіею власти*, когда сознаніе достоинства власти расшпряется не въ мѣру и доходитъ даже до потемненія *дома* власти. Намъ кажется, что именно это потемненіе или забвеніе долга власти и есть явленіе почти неизбѣжное при конституціонныхъ формахъ правленія православныхъ народностей, воспитанныхъ своею церковью въ духѣ началъ вселенской жизни. Извѣстно, что въ каждомъ конституціонномъ государствѣ существуетъ двѣ организованныя партіи—консервативная и либеральная, иногда съ различными оттѣнками въ своихъ воззрѣніяхъ. И если сущность первой партіи надобно полагать, какъ говорятъ, въ идеальномъ бюрократизмѣ, предназначенномъ охранять сословныя, служебныя и имущественныя

права: то сущность второй партіи надобно полагать въ идеальной равноправности на фантастическихъ основахъ свободы, равенства и братства; такимъ образомъ, въ основѣ и той, и другой партіи лежитъ извѣстная теорія, извѣстная доктрина, которыми ни та, ни другая партія поступиться не можетъ или не хочетъ, не измѣняя своей организаціи. Само собою разумѣется, что представитель высшей іерархической власти въ православной Церкви по существу своего призванія не можетъ быть ни идеальнымъ бюрократомъ, ни идеальнымъ эгалитаторомъ; онъ можетъ быть и долженъ быть лишь стражемъ и хранителемъ вселенскихъ преданій и народныхъ началъ жизни, поскольку въ нихъ отражаются и живутъ эти преданія. И вотъ при этомъ то различіи основныхъ началъ власти, православной и конституціонной, чаще всего и происходитъ та *гипертрофія власти*, о которой говоритъ К. П. Побѣдоносцевъ. Если консервативная партія, замыкаясь въ желѣзныхъ путахъ текущей формальности, не обнаруживаетъ ни малѣйшаго желанія двигаться впередъ и этимъ задерживаетъ развитіе общецерковной жизни: то партія либеральная, даже сознавая необходимость этого развитія, иногда присвоиваетъ себѣ такіа полномочія, которыя не могутъ быть ей даны, или даже думаетъ идти въ этомъ отношеніи впереди народа и направляетъ общее русло нравственно-религіозной жизни вопреки его желаніямъ. Такова обычная гипертрофія власти въ конституціонныхъ государствахъ. То же явленіе происходитъ и въ Румыніи. Извѣстный румынскій церковный писатель г. Самурянъ справедливо говоритъ, что въ Румыніи и либералы, и консерваторы—всѣ одинаково индифферентно, а иногда и враждебно относятся къ нуждамъ и интересамъ Церкви: ради своекорыстныхъ цѣлей они оказываютъ иногда ей ту или другую поддержку, но чаще всего по требованію партійной или личной нужды ограничиваются лишь простыми обѣщаніями и посулами; такъ что нельзя сказать, чтобы либеральная партія была хуже или лучше консервативной по отношенію къ православной Церкви: обѣ партіи—„обѣ лучшія“, если можно такъ выразиться, т. е., одинаково индифферентно или враждебно относятся къ Церкви, смотря по обстоятельствамъ ¹).

¹) „Церковн. Вѣсти“. 1897 г. № 5.

Стурдза впалъ въ двойную погрѣшность въ этомъ отношеніи. И прежде всего, онъ думалъ, что исторически сложившіяся воззрѣнія народа на митрополичью власть извращены или устарѣли и что народъ сочтетъ его даже своимъ благодѣтелемъ, коль скоро онъ поведетъ его по пути либеральныхъ преобразованій, хотя ни народъ, ни государственная конституція, а тѣмъ болѣе—церковь не уполномачивали его къ подобнымъ преобразованіямъ. Извѣстно, что въ массѣ религіозныя представленія, обычаи и чувства выражаются иногда во множествѣ обрядностей и преданій, которыя съ какой-либо либеральной точки зрѣнія могутъ казаться несовременными или даже суевѣрными. Стурдза хотѣлъ улучшить все это и реформировать; и онъ рѣшился заставить митрополита идти рядомъ съ собою по пути своихъ либеральныхъ реформъ. Это лучшее, что можно предположить въ его отношеніяхъ къ митрополиту. Но онъ не хотѣлъ принять во вниманіе, что „въ оболочкѣ народныхъ вѣрованій, нерѣдко грубой, таится, какъ говоритъ К. П. Побѣдоносцевъ, самое зерно вѣры, способность къ развитію и одухотворенію, таится та же вѣчная истина. Въ обрядахъ, въ преданіяхъ, въ символахъ и обычаяхъ—масса народная видитъ реальное и дѣйствительное воплощеніе того, что въ отвлеченной идеѣ было бы для него не реально и бездѣйственно. Что, если, разбивъ оболочку, истребимъ и самое зерно истины; что, если, исторгая плевелы, исторгнемъ вмѣстѣ съ ними и пшеницу? Что, если, стремясь разомъ очистить народное вѣрованіе подъ предлогомъ суевѣрія, истребимъ и самое вѣрованіе? Если формы, въ которыхъ простые люди выражаютъ свою вѣру въ живаго Бога, иногда смущаютъ насъ,—подумаемъ, не къ намъ ли относится заповѣдь Божественнаго Учителя: „блюдите, да не призрите единого отъ малыхъ сихъ вѣрующихъ въ Мя“¹⁾). Митрополитъ отказался идти по скользкому пути либеральныхъ реформъ; напротивъ того, онъ даже явился защитникомъ и хранителемъ народныхъ преданій и правъ своей власти; и министр-президентъ, чтобы сломить его волю, легкомысленно впалъ въ гипертрофію народовластія. Такова была первая погрѣшность либеральнаго министерства Стурдзы.

1) „Московск. Сборн“. 1896 г. Изд. второе стр. 151.

Но на ряду съ этою погрѣшностью Стурдза впалъ еще въ другую—болѣе грубую и болѣе непростительную. Для достиженія своихъ партійныхъ цѣлей онъ не постыдился прибѣгнуть къ интригѣ, къ устраненію и даже къ безсердечному преслѣдованію митрополита,—человѣка достойнѣйшаго и высшаго іерарха румынской церкви. Это такой возмутительный поступокъ, которому нѣтъ извиненія ни въ какихъ либеральныхъ комбинаціяхъ. Это есть дерзкое пограніе Божеской и человѣческой правды. И однако же это пограніе, какъ показываетъ опытъ, всего легче и всего чаще проявляется въ конституціонныхъ государствахъ, гдѣ правители „волею народа“ свою *личную правду*, свое личное пониманіе, поставляютъ нерѣдко на мѣсто *общенародной правды*, общенароднаго пониманія, т. е., на мѣсто историческихъ условій народнаго быта и вѣковаго теченія народной жизни. Почему же это всего чаще замѣчается въ конституціонныхъ государствахъ? Потому что произволъ партій, ставшихъ у кормила правленія, прикрываясь конституціонными правами, не находитъ себѣ ограниченія въ царствующемъ государѣ; и конституціонный государь, по требованію конституціи, не является воплощеніемъ народныхъ началъ порядка и правды, верховнымъ судіею, старшимъ сыномъ и защитникомъ родной церкви. По крайней мѣрѣ такъ это происходитъ въ наши дни въ православныхъ конституціонныхъ государствахъ.

К. Истоминъ.

Разборъ философскихъ ученій о чувствѣ, какъ основѣ нравственности.

(Окончаніе *).

Мы закончили первый отдѣлъ своей критической оцѣнки ученія Шопенгауэра признаніемъ узости его принципа. Со-страданіемъ не исчерпывается содержаніе нравственныхъ предписаній, такъ какъ изъ этого состоянія духа нельзя вывести ни добродѣтели справедливости, ни нѣкоторыхъ сторонъ добродѣтели любви. Перейдемъ теперь къ ученію Шопенгауэра объ отношеніи добродѣтели любви къ аскетизму.

II. Состраданіе въ формѣ справедливости и челоѵколюбія имѣетъ въ нравственной системѣ Шопенгауэра второстепенное и преходящее значеніе. Состраданіе ведетъ къ познанію бѣдственности жизни, по скольку справедливость препятствуетъ челоѵку освободить себя отъ скорбей личнаго бытія и возлагать ихъ на плеча ближнихъ, а любовь дѣлаетъ его участникомъ въ страданіяхъ всего міра. Изъ познанія же бѣдственности жизни вытекаетъ подлинная и единственно-цѣнная нравственность—аскетизмъ. Такимъ образомъ добродѣтели любви являются средствомъ для воспитанія добродѣтелей аскетизма.

Здравое сужденіе нравственнаго сознанія, чуждаго крайностей пессимизма, представляетъ отношеніе между аскетизмомъ и добродѣтелями любви въ совершенно обратномъ видѣ. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ люди въ большей или меньшей мѣрѣ согласны между собою въ признаніи нравственно цѣннымъ справедливаго и благожелательнаго отношенія къ ближнимъ, но нравственная цѣнность постовъ, добровольной бѣдности и безбрачія

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1897 г. № 3.

пользуется далеко не всеобщимъ признаніемъ. Но и въ сознаніи тѣхъ, которые признають цѣнность этихъ добродѣтелей, послѣднія занимають второстепенное мѣсто. Это видно изъ того, что обязательность добродѣтелей любви признается ими въ качествѣ истины непосредственно очевидной, тогда какъ необходимость аскетическихъ добродѣтелей доказывается и при томъ по большей части путемъ ссылки на ихъ необходимость въ качествѣ средства для воспитанія первыхъ.

Все это убѣждаетъ въ томъ, что первенствующее значеніе въ нравственности имѣють общественныя добродѣтели, аскетизмъ же есть наиболѣе прямой и цѣлесообразный путь воспитанія въ себѣ этихъ добродѣтелей ¹⁾.

Прилагая къ аскетизму Шопенгауэра имъ же самимъ указанный критерій нравственно цѣннаго, мы должны признать его не соответствующимъ требованіямъ нравственнаго сознанія. Стремленіе погасить въ себѣ волю къ жизни съ цѣлію успокоенія отъ ея бѣдствій въ нѣдрахъ небытія не имѣетъ никакого отношенія къ благу другого, но отличается чисто эгоистическимъ характеромъ. Получивши чрезъ справедливость и любовь познаніе бѣдственности жизни, подвижникъ пессимизма обращаетъ свое состраданіе на самого себя и всецѣло поглощается мыслию, какъ бы чрезъ самоотреченіе погасить въ себѣ волю къ жизни и достигнуть нирваны. Цѣлью его дѣятельности становится теперь онъ самъ, а не другіе, и онъ превращается въ эгоиста. Такимъ образомъ то, что Шопенгауэръ признаетъ состояніемъ святости, съ его же точки зрѣнія слѣдуетъ признать нравственнымъ паденіемъ.

Далѣе, достигши этой ступени развитія, аскетъ Шопенгауэра, оставаясь вѣрнымъ пріобрѣтенному познанію о бѣдственности жизни, долженъ совершенно перемѣнить свои отношенія къ людямъ, если бы въ немъ осталось еще участіе къ ихъ судьбѣ. Если признаніе жизни сплошнымъ бѣдствіемъ ведетъ къ отрицанію воли и блаженству небытія и если съ другой

1) Подробное выясненіе значенія аскетизма и его христіанскаго смысла см. въ книгѣ *Θ. Гусева*—Изложеніе и критическій разборъ нравственнаго ученія Шопенгауэра. Москва. 1877 стр. 163—167. Короче въ брошюрѣ *В. Кober'a* Das Mitleid als die moralische Triebfeder. Leipzig, 24—26.

стороны это признаніе воспитывается страданіями, то разумно ли поддаваться слѣпому сочувствію и освобождать ближнихъ отъ этихъ спасительныхъ страданій? Не цѣлесообразнѣе ли напротивъ предоставить людей ихъ собственной горькой участи, даже попытаться усилить ихъ страданія для того, чтобы они тѣмъ скорѣе убѣдились, что жизнь есть зло и поспѣшили погасить въ себѣ желаніе жить?

Наконецъ, и помимо своего эгоистическаго характера, помимо выводовъ, которые можно изъ него сдѣлать, аскетизмъ, рекомендуемый Шопенгауэромъ, есть нравственность отчаянія и упадка духа. Самоотреченіе высоко, если оно имѣетъ своею цѣлію достиженіе положительнаго идеала, но воздержаніе, налагаемое на себя съ единственною цѣлію самоуничтоженія, есть бѣгство съ поля битвы. Это—нравственность пассивнаго востока, подавленнаго противорѣчіемъ идеала и дѣйствительности и потерявшаго надежду на лучшее будущее. Народы Европы, еще не растратившіе своихъ силъ и бодрости духа, смѣло смотрятъ въ глаза силамъ, враждебнымъ высшимъ запросамъ челоуѣка, и цѣною борьбы, личныхъ страданій и временныхъ пораженій стремятся купить осуществленіе своихъ идеаловъ.

III. Въ заключеніе нашего критическаго обзорѣнія нравственной философіи Шопенгауэра коснемся его метафизическаго оправданія состраданія ¹⁾. Имъ не достигается никакой цѣли. Понятія реальности существъ въ единствѣ ихъ метафизической основы и призрачности ихъ отдѣльнаго существованія не связаны логически съ понятіями добра и зла. Допустимъ, что множественность недѣлимыхъ—призракъ и что реально существуетъ лишь единое. Но единое—безсознательно, призраки же надѣлены сознаніемъ, слѣдовательно первое не можетъ имѣть ни какой нравственной цѣнности и преимущество въ этомъ отношеніи принадлежитъ второму. Далѣе, если множественность и есть призракъ, то этимъ еще не сказано, что она есть зло. Воображаемый рай лучше дѣйствительнаго ада. Отрицая дѣйствительность, мы можемъ съ тоской преклониться предъ неосуществимымъ идеаломъ. Въ нецѣлесообразности ме-

¹⁾ Ср. по этому вопросу разсужденія Fouillié, Critique des systemes de morale contemporains. Paris, 1883, pp. 256—261.

тафизическаго оправданія состраданія не трудно убѣдиться, сдѣлавъ попытку получить противоположный выводъ изъ посылокъ Шопенгауэра. Шопенгауэръ говоритъ эгоисту: зачѣмъ ты заботишься только о себѣ, какъ будто ты существуешь реально въ своей обособленности? Это заблужденіе. Обольщенный формами своего познанія, ты не узнаешь себя въ другихъ, а между тѣмъ ты и твои братья, враги, животныя, вселенная—одно. Пусть же твоя дѣятельность простирается на всего тебя. Но на эту аргументацію эгоистъ съ полнымъ правомъ могъ бы отвѣтить: нѣтъ, будемъ лучше заботиться лишь о себѣ лично, будемъ утолять лишь собственные страданія. Если наши ближніе лишь кажутся намъ отдѣльными существами, въ дѣйствительности же тождественны съ нами, то избавляя себя самихъ отъ страданій, мы тѣмъ самымъ утоляемъ и ихъ страданія. Съ Шопенгауэромъ повторяется то же, что мы отмѣтили и въ системѣ утилитаризма, только въ обратномъ видѣ. Утилитаристы, желая оправдать эгоизмъ, ссылаются на то, что другіе люди суть лишь наши представленія, призраки, существующіе въ единой реальности—нашемъ „я“, Шопенгауэръ съ цѣлю оправдать состраданіе утверждаетъ наоборотъ, что наше „я“ въ его отдѣльности отъ другихъ есть призракъ, дѣйствительно же существуетъ единая реальность—„не я“. Изъ того и другого положенія можно дѣлать выводы въ ту и другую сторону.

Безуспѣшность такой аргументаціи объясняется тѣмъ, что нравственность интересуется лишь отношеніями, данными въ опытѣ, а не ихъ метафизической основой. Метафизическое оправданіе состраданія; данное Шопенгауэромъ, имѣетъ видъ основательности потому, что Шопенгауэръ, самъ того не замѣчая, подмѣниваетъ теоретическія понятія единства сущности индивидуумовъ и призрачности ихъ обособленнаго существованія, совершенно чуждыя всякаго моральнаго смысла, нравственными понятіями согласія или борьбы воли. Когда онъ говоритъ, что великодушный не полагаетъ различія между собою и другимъ, а эгоистъ считаетъ это различіе дѣйствительнымъ, тогда тираннія языка заставляетъ читателя впадать въ термины смыслъ, въ нихъ не заключающійся. Услышавъ слова:

великодушный эгоистъ, съ которыми мы привыкли соединять не только нравственный смыслъ, но и чувства одобренія или неодобренія, мы произвольно влагаемъ нравственный смыслъ и начинаемъ относиться съ одобреніемъ или неодобреніемъ и къ тѣмъ предикатамъ, которые связаны съ этими подлежащими. Такимъ образомъ подъ признаніемъ тождественности всѣхъ существъ мы разумѣемъ не холодное, теоретическое убѣжденіе, а челоуѣколюбивую дѣятельность, подъ непризнаніемъ же этой тождественности—служеніе собственному я, т. е., предикаты мы понимаемъ по аналогіи съ субъектами и подходимъ къ нимъ уже предубѣжденные, съ готовой оцѣнкой.

Сдѣлаемъ теперь общее заключеніе критическаго обзорѣнія системъ нравственности, указывающихъ основу ея въ одномъ изъ второстепенныхъ элементовъ совѣсти.

Прежде всего нужно отмѣтить ихъ *узость*. Принципомъ объясненія нравственности во всемъ разнообразіи ея проявленій онѣ берутъ одинъ изъ слагающихъ ее элементовъ. Само собою разумѣется, что подобныя теоріи обязаны своимъ происхожденіемъ поверхностному и поспѣшному обобщенію явленій нравственнаго порядка. По причинамъ, не имѣющимъ ни какого отношенія къ логикѣ, подобные мыслители выбираютъ какую-нибудь склонность, одобряемую нравственностью, и хотятъ объяснить изъ нея какъ содержаніе нравственнаго закона, такъ и нравственныя чувствованія. Ясно, что то и другое можетъ быть объяснено изъ этой склонности лишь отчасти, какъ мы убѣдились въ этомъ при разборѣ ученія Кирхмана и Шопенгауэра. Во вторыхъ, подобныхъ системъ можетъ быть такъ же много, какъ и склонностей, входящихъ въ содержаніе нравственности. Въ самомъ дѣлѣ, если являлись попытки объяснить всю нравственность изъ такихъ узкихъ принциповъ, какъ уваженіе, состраданіе, симпатія, то почему не сдѣлать еще одной попытки и не постараться объяснить нравственность напр. изъ естественной склонности къ правдивости. Принципъ этотъ ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ ранѣе указанныхъ, только узость его нѣсколько нагляднѣе.

Въ самомъ дѣлѣ, правдивость, искренность, откровенность точно также входятъ въ содержаніе нравственнаго закона, какъ и состраданіе къ несчастнымъ, уваженіе къ высшимъ или благожеланіе по отношенію къ радующимся и счастливымъ. Это могло бы послужить основой для объясненія содержанія нравственности.

Узость принципа тѣхъ системъ нравственности, которыя указываютъ основу ея въ случайныхъ элементахъ совѣсти можно до нѣкоторой степени устранить. Въ душѣ человѣка есть склонность, которая гораздо шире уваженія, состраданія, симпатіи и т. п. Склонность эта—любовь. Тѣсно связанная съ самою жизнью и активностію души, любовь, разъ возникши, входитъ въ самое тѣсное отношеніе со всѣмъ ея содержаніемъ. Она оказываетъ свое вліяніе на всю жизнь чувства, ума и воли. Поэтому-то любовь всегда отличается индивидуальнымъ характеромъ. Если мы сравнимъ ее въ этомъ отношеніи съ болѣе простыми состояніями духа, каковы гнѣвъ, сочувствіе, уваженіе, то легко убѣдимся въ ея сложности. Внѣшнія выраженія напр. гнѣва и самый его характеръ у всѣхъ людей одинаковы, различіе ограничивается лишь способностію испытывать болѣе или менѣе сильный гнѣвъ и сводится такимъ образомъ къ степени. То же нужно сказать и относительно симпатіи. Въ сущности сочувствіе у всѣхъ отличается однимъ и тѣмъ же характеромъ, разница сводится опять таки только или къ степени его живости или къ различію предметовъ, возбуждающихъ его. Известно, что живѣе всего мы сочувствуемъ тому горю, съ которымъ знакомы по опыту. Напротивъ, любовь крайне разнообразна въ своихъ проявленіяхъ. Это старая, по вмѣстѣ съ тѣмъ и вѣчно новая исторія. Вся новая литература образованныхъ народовъ вращается около этой темы. Если бы любовь была такимъ же простымъ и несложнымъ состояніемъ, какъ тѣ склонности, съ которыми мы ее сравниваемъ, то изображеніе ея было бы исчерпано двумя—тремя романами. Напротивъ, любовь представляетъ собою такой обширный предметъ для изученія, что романистамъ нѣтъ никакихъ основаній опасаться исчезновенія интереса къ ней въ читателяхъ. И дѣйствительно, сравненіе различныхъ писателей показываетъ, что любовь у

каждаго изъ нихъ изображается своеобразно, каждый отмѣчаетъ въ этомъ состояніи такія черты, которыя ускользаютъ отъ вниманія другихъ. Далѣе, каждой эпохѣ свойственъ извѣстный типъ любви. Любовь, изображаемая натуралистами нашихъ дней, сильно отличается отъ любви эпохи Людовика XV ¹⁾.

Такое разнообразіе проявленій любви возможно лишь потому, что это состояніе занимаетъ центральное положеніе въ душѣ, овладѣваетъ всѣмъ ея содержаніемъ, тѣсно сростается со всѣмъ, что не противорѣчитъ ей, и направляетъ всю душевную дѣятельность къ одной цѣли. Но такъ какъ содержаніе душевной жизни у cadaго человѣка свое особенное, принадлежащее лишь ему лично, то и любовь, тѣсно сливающаяся съ нимъ, у cadaго пріобрѣтаетъ свою индивидуальную окраску. Итакъ, уже индивидуальный характеръ любви показываетъ, что эта склонность захватываетъ собою всю душевную жизнь человѣка, поскольку она соотвѣтствуетъ скрытому въ ней стремленію, и потому является самой широкой изъ нихъ. При критическомъ разборѣ системы Кирхмана и Шопенгауэра мы показали на частныхъ примѣрахъ, насколько любовь шире уваженія и состраданія и насколько тѣсно сливается она съ этими чувствами, нравственное значеніе которыхъ стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія. Мы не говорили только объ отношеніи любви къ склонности человѣка говорить правду. Но и здѣсь любовь является новымъ побужденіемъ къ искренности, оживляя собою эту естественную склонность. Извѣстно, насколько любовь располагаетъ къ откровенности. Люди, связанные любовью, не могутъ имѣть тайнъ другъ отъ друга, потому что самая сущность любви состоитъ въ стремленіи къ взаимному и всестороннему общенію.

Такимъ образомъ системы, исходящія изъ второстепенныхъ элементовъ совѣсти при объясненіи явленій нравственнаго порядка, были бы гораздо ближе къ истинѣ, если бы приняли въ качествѣ принципа объясненія не уваженіе или состраданіе, занимающія такое незначительное мѣсто въ душевной жизни человѣка, а любовь, захватывающую всѣ силы духа и

¹⁾ Объ индивидуальномъ характерѣ любви и разнообразіи ея проявленій смотр. Fr. Paulhan. *L'activité mentale et les elements de l'esprit*. Paris 1889 pp. 459—476.

оказывающую на нихъ отрицательное или положительное вліяніе, усваивая все соотвѣтствующее ея сущности и подавляя противорѣчащее ей. Изъ этого принципа—изъ любви—дѣйствительно легко вывести все содержаніе нравственности, а не большую или меньшую часть ея. Анализъ фактовъ нравственнаго сознанія легко могъ бы убѣдить насъ въ томъ, что всѣ нравственныя предписанія въ концѣ концовъ сводятся къ любви. Такимъ образомъ изъ любви легко объяснить содержаніе нравственности.

Но если къ любви сводится все *содержаніе* нравственности, то эта склонность оказывается совершенно недостаточной для полнаго объясненія ея формальной стороны, т. е., нравственныхъ чувствъ. По теоріи разбираемыхъ системъ совѣсть есть пріятное или непріятное состояніе, вытекающее изъ удовлетворенія или неудовлетворенія различныхъ склонностей. Выразителемъ этого взгляда является Гоппе въ своей книгѣ о совѣсти и Шопенгауэръ. „Если мы видимъ передъ собою, говоритъ Гоппе, почтеннаго старца, который вслѣдствіе своего преклоннаго возраста нуждается въ нашей поддержкѣ, и не поспѣшимъ къ нему на помощь, то совѣсть наша возмущается, т. е., поясняетъ онъ, чувства состраданія и уваженія, которыя привиты намъ съ дѣтства, оставшись неудовлетворенными, протестуютъ противъ нашего поступка“¹⁾.

Съ такимъ объясненіемъ совѣсти нельзя однако согласиться. Состоянія, возникающія вслѣдствіе удовлетворенія или неудовлетворенія склонностей любви и уваженія, совершенно чужды чувствъ долженствованія, нормальности и нравственнаго одобренія, которыя признаны нами въ качествѣ постоянныхъ элементовъ совѣсти. Допустимъ, что при дурномъ поступкѣ склонности любви, не получивъ удовлетворенія, причиняютъ чловѣку страданія, но съ другой стороны при дурномъ и эгоистическомъ поступкѣ не получаютъ удовлетворенія себялюбивыя стремленія, что точно также является источникомъ страданія. Если непріятное состояніе неудовлетворенной любви называть совѣстію, то съ такимъ же правомъ можно назвать совѣстію

1) *Hoppe. Das Gewissen. Regensburg, 1875 s. 133; 180—186.*

и непріятныя чувствованія отъ неудовлетворенія эгоистическихъ потребностей. Ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ въ душѣ человѣка нѣтъ никакихъ основаній для возникновенія чувства долга, обязанности, чувства одобренія или порицанія. Приведенное мнѣніе опускаетъ изъ вниманія самую существенную сторону нравственности—ея нормативный характеръ. Вообразимъ себѣ человѣка съ исключительно любвеобильнымъ сердцемъ, но лишеннаго высшихъ способностей, творящихъ идеалы. Его дѣйствія и поступки въ общемъ будутъ опредѣляться его преобладающею склонностью и по внѣшности будутъ носить всѣ признаки поведенія нравственности. Если мы станемъ смотрѣть на нихъ совнѣ, то намъ будетъ казаться, что воображаемое нами лицо дѣйствуетъ по тѣмъ самымъ нравственнымъ принципамъ, которые признаются обще-обязательными. Но внутренняя основа этихъ дѣйствій вовсе не будетъ нравственною.

Это будетъ поведеніе, управляемое слѣпымъ влеченіемъ природы, не сознаваемымъ въ качествѣ должнаго или нормальнаго, не возведеннымъ въ идеаль. Потому-то оно въ той же мѣрѣ можетъ быть названо нравственнымъ, какъ и рѣдкіе поступки того же лица, вытекающіе изъ его ослабленныхъ эгоистическихъ побужденій. Тѣ и другія побужденія одинаково слѣпы и не освящены никакимъ разумнымъ отношеніемъ къ нимъ, никакой нравственной оцѣнкой. Самому влеченію, какъ бы благородно оно ни было, вовсе не присуща нравственная оцѣнка. Послѣдняя вытекаетъ изъ другихъ сторонъ духа и, присоединяясь къ нему въ формѣ чувства одобренія, сообщаетъ ему авторитетность и нравственную цѣнность.

Чтобы убѣдиться въ справедливости приведенныхъ соображеній, остановимъ свое вниманіе не на воображаемомъ человѣкѣ, лишенномъ способности, созидающей идеалы, образъ котораго довольно трудно представить, а на существахъ, дѣйствительно лишенныхъ этой способности—животныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, допустить, что нравственность сводится къ дѣйствіямъ, совершаемымъ по какому бы то ни было влеченію, значитъ признать ея существованіе и у животныхъ¹⁾. Нѣкоторые изъ нихъ,

¹⁾ Натуралисты приводятъ много примѣровъ, доказывающихъ, что животныя способны даже на акты самопожертвованія. „Бремъ встрѣтилъ въ Абиссиніи, го-

обладающіе сильно развитыми социальными инстинктами, каковы напр. пчелы, муравьи и др., даже превосходили бы человека въ этомъ отношеніи. Однако, если волчица воспитываетъ своихъ дѣтенышей, носить имъ пищу, защищаетъ ихъ отъ нападенія враговъ, то ея поведеніе никто не назоветъ нравственнымъ, хотя по своему содержанию оно совпадаетъ съ тѣмъ, что считается нравственнымъ у человека. Далѣе, дѣйствуя такимъ образомъ, волчица получаетъ пріятное чувство удовлетвореннаго материнскаго инстинкта. Но это удовольствіе никто не назоветъ совѣстію, потому что оно не соединяется съ чувствомъ цѣнности и законности этого удовольствія. Въ данномъ случаѣ волчица слѣпо повинуетъ своимъ инстинктамъ, какъ и въ тѣхъ, когда безжалостно терзаетъ свою добычу. Ни тотъ, ни другой образъ дѣйствія не является для нея предпочтительнѣе; а потому она совершенно лишена всякаго побужденія творчески измѣнять свою природу по идеаламъ добра, подавляя одни влеченія и воспитывая другія, въ чемъ собственно и заключается существенный моментъ нравственнаго. Такимъ образомъ дѣйствіе по какой бы то ни было склонности, хотя бы и по любви, не можетъ еще составить поступка, въ собственномъ смыслѣ нравственнаго.

Могутъ возразить, что перечисленные чувства обусловлены сознаніемъ соотвѣтствія или несоотвѣтствія дѣятельности нравственнымъ идеаламъ, и эти послѣдніе суть не что иное, какъ правила поведенія, добытыя путемъ обобщенія дѣйствій, которыя вытекаютъ обыкновенно изъ благожелательныхъ стремленій. Образование такихъ обобщеній конечно возможно, но

ворить Дарвинъ, стадо бабуиновъ, которое переходило долину; одни изъ нихъ уже вскарабкались на противоположную гору, другіе еще оставались въ долинѣ, и на этихъ послѣднихъ напали собаки, но старые самцы немедленно спустились съ горы и подняли такой непостоянный ревъ, что собаки тотъ-часъ же обратились въ бѣгство; охотники снова науськали ихъ, но въ это время всѣ бабуины взобрались уже на скалы за исключеніемъ одного дѣтеныша, мѣсяцевъ шести; онъ громко завывалъ, вскарабкался на уступъ скалы и былъ окруженъ собаками. Вдругъ одинъ изъ самыхъ крупныхъ самцовъ, истый герой, сошелъ внизъ къ дѣтенышу, погладилъ его и съ торжествомъ увелъ съ собою,—собаки такъ ошшипъ, что не рѣшились напасть на него“ (Происхожденіе человека и половой подборъ, переводъ подъ редакціей Благосвѣтлова ч. I стр. 102). Въ книгѣ Letourneau L'evolution de la morale Paris 1887) приводится много подобныхъ примѣровъ. См. стр. 53—66.

только они никогда не могутъ быть нормами нравственности, связанными съ чувствомъ цѣнности. Путемъ обобщенія можно получить правило, служащее выраженіемъ того, что есть, по не того, что должно быть. Обобщеніе можетъ отличаться нормативнымъ характеромъ лишь въ томъ случаѣ, если этотъ элементъ присущъ самымъ частнымъ фактамъ, на основаніи которыхъ оно сдѣлано. Но пріятное чувство удовлетворенной любви, равно какъ и частные поступки, опредѣляемые имъ, сами по себѣ чужды этого элемента. При такихъ условіяхъ обобщеніе будетъ констатировать отношенія, данныя въ дѣйствительности, по они не будутъ идеалами, возвышающимися надъ дѣйствительностію. Рядомъ съ такими обобщеніями поступковъ, вытекающихъ изъ благожелательныхъ наклонностей, могли бы быть сдѣланы и другія обобщенія, которыя служили бы правилами дѣятельности по эгоистическимъ побужденіямъ. Это поставило бы насъ въ необходимость произвести выборъ между этими двумя противоположными и другъ друга исключаящими правилами. Но никакого критерія для различенія поступковъ, соотвѣтствующихъ тѣмъ и другимъ правиламъ со стороны ихъ нравственнаго достоинства не было бы. Если одинъ былъ бы въ правѣ сказать о себѣ: я дѣйствую въ интересахъ любви къ ближнему, потому что къ такой дѣятельности влекутъ меня мои благожелательныя наклонности, то другой съ такимъ же правомъ сказалъ бы: а я дѣйствую въ собственныхъ интересахъ для удовлетворенія своихъ эгоистическихъ побужденій. Вы дѣйствуете сообразно съ одними человѣческими наклонностями, а я сообразно съ другими. Основаніе для предпочтенія однихъ другимъ я не вижу. Я не стѣсняю вашихъ вкусовъ, предоставьте и вы мнѣ поступать согласно съ моими сильнѣйшими желаніями. Такимъ образомъ правила, возникшія изъ обобщеній альтруистическихъ и эгоистическихъ поступковъ, констатировали бы лишь данныя отношенія и ни тѣ, ни другія не имѣли бы цѣнности, не могли отличаться характеромъ долженствованія, что составляетъ отличительный признакъ нравственныхъ принциповъ.

Итакъ благожелательныя наклонности сами по себѣ безъ нѣкотораго дополненія со стороны высшихъ чувствъ, могутъ

служить причиною поступковъ нравственныхъ лишь по внѣшности, но онѣ не могутъ дать нравственной оцѣнки, чувства цѣнности. Поэтому онѣ могутъ быть приняты въ содержаніе нравственности, но для этого нуженъ иной дѣятель, который намъ предстоитъ еще открыть среди разнообразныхъ свойствъ и способностей человѣческой природы. Этотъ дѣятель, взявшій, такъ сказать, благожелательныя стремленія подъ свое покровительство, долженъ сообщить имъ цѣнность и оградить ихъ отъ нарушенія чувствомъ этой цѣнности. Для того, чтобы поведеніе было нравственнымъ, необходимо включить въ него сознательную дѣятельность духа, полагающую для себя извѣстныя цѣли и дающую оправданіе для тѣхъ или другихъ слѣпыхъ склонностей. Въ области морали чувства нравственное значеніе чувствъ цѣнности и одобренія отмѣчено и выяснено шотландскою школою—Шафтсбюри и Гутчесономъ. Къ разбору системъ этихъ мыслителей мы теперь и переходимъ.

III.

Этика нравственныхъ чувствованій.

Разнообразныя склонности человѣческой природы входятъ въ содержаніе нравственности и, составляя это содержаніе, могутъ служить однимъ изъ второстепенныхъ ея мотивовъ. Но спрашивается: что даетъ этимъ склонностямъ авторитетность и превосходство предъ другими противными нравственности склонностями? Что возвышаетъ ихъ на степень содержанія нравственности? Какъ показалъ намъ анализъ понятія совѣсти эти склонности получаютъ перевѣсъ надъ другими и являются въ нашихъ глазахъ особенно цѣнными потому, что ихъ, такъ сказать, берутъ подъ свое покровительство высшія чувства—чувства нормальности извѣстной склонности, согласія ея съ тѣмъ, что должно быть, чувство одобренія ея. Вслѣдствіе этого весь вопросъ о психологическихъ основахъ нравственности сводится къ вопросу о происхожденіи и источникѣ этихъ высшихъ чувствъ. Эту правильную постановку вопроса впервые сдѣлалъ Шафтсбюри, а подробнѣе развилъ его ученіе Гутчесонъ.

А. Шафтсбюри.

Исходною точкою Этики Шафтсбюри служитъ ученіе объ аффектахъ. Послѣдніе раздѣляются имъ на: 1) благожелательныя, т. е., направляющіеся на благо и сохраненіе той общественной единицы, къ которой принадлежит данное лицо;— 2) эгоистическіе, т. е., имѣющіе своимъ предметомъ лишь собственное благополучіе, и 3) неестественныя. Подъ неестественными склонностями разумѣются тѣ, которыя бесполезны, или, что еще хуже, вредны какъ для самаго чловѣка, такъ и для той общественной группы, часть которой онъ составляетъ. Не трудно замѣтить, что въ своемъ раздѣленіи аффектовъ Шафтсбюри согласенъ съ Шопенгауэромъ, допускавшимъ на ряду съ состраданіемъ и эгоизмомъ еще существованіе въ чловѣкѣ безкорыстной злобы.

Неестественныя склонности безусловно порочны и всецѣло отрицаются нравственностію. Благожелательныя наклонности, стремящіяся къ благу другого помимо всякаго соображенія о личной пользѣ, напротивъ, составляютъ зерно нравственности. Изъ нихъ вытекаетъ дѣятельность на благо общества, мотивомъ которой служитъ не надежда на награду или страхъ наказанія, а безкорыстное чувство любви къ другому. Эгоистическія стремленія сами по себѣ не могутъ еще быть названы злыми. Дѣйствія, вытекающія изъ нихъ, съ нравственной точки зрѣнія безразличны. Даже болѣе—они становятся нравственно цѣнными, когда получаютъ санкцію со стороны склонностей благожелательныхъ: чловѣкъ долженъ хранить свою жизнь, чтобы своимъ трудомъ быть полезнымъ обществу, въ которомъ онъ живетъ. Себялюбивыя стремленія становятся порочными только въ тѣхъ случаяхъ, когда они настолько преобладаютъ въ душѣ, что подавляютъ собою благожеланіе или подавляютъ личныя побужденія для дѣятельности, направленной ко благу общества.

Но этимъ не исчерпывается нравственность. „Если живое существо благородно, благожелательно, вѣрно, сострадательно, однако не способно къ обсужденію того, что дѣлаетъ оно само или другіе, если оно не можетъ этимъ путемъ составить себѣ

представленія о томъ, что нравственно, цѣнно и справедливо, и сдѣлать представленія объ этой цѣнности и справедливости предметомъ своей склонности, то оно чуждо добродѣтели, потому что лишь посредствомъ этого, а не иначе оно способно различать справедливость отъ несправедливости, имѣть чувство или сужденіе о томъ, что нѣчто совершенно изъ справедливыхъ, одобряемыхъ, добрыхъ склонностей, а не противоположныхъ“. Наоборотъ, „если кто-нибудь по своему темпераменту гнѣвливъ, страстенъ, боязливъ, сладострастенъ, но противится этимъ страстямъ и не смотря на ихъ силу слѣдуетъ добродѣтели, то мы говоримъ въ этомъ случаѣ, что его добродѣтель тѣмъ выше“¹⁾.

Откуда же возникаютъ сужденіе и чувство, указывающія, что однѣ склонности цѣнны съ нравственной точки зрѣнія, другія заслуживаютъ порицанія? Нравственные сужденія зависятъ отъ способности человѣка къ самосознанію и рефлексіи. Изъ этого обсужденія своего настроенія и поступковъ и возникаютъ новыя чувствованія одобренія или отвращенія. Эти послѣднія и опредѣляютъ собою, въ чемъ состоитъ добро и зло. Но для того, чтобы объяснить возникновеніе одобренія или неодобренія при обсужденіи собственныхъ или чужихъ намѣреній и поступковъ, необходимо допустить особое чувство, составляющее неотъемлемую принадлежность человѣческой природы и способное различать добро и зло такъ же, какъ глазъ различаетъ свѣтъ и мракъ. Это *нравственное чувство* или *вкусъ*, на который опираются нравственные сужденія, есть „естественное отвращеніе къ несправедли-

1) Essay on Man. II, 31, 36—38. Не имѣя подъ руками полныхъ сочиненій Шафтсбюри, мы были вынуждены познакомиться съ его воззрѣніями по курсамъ исторіи этики:

1) *Fr. Söll.* Geschichte der Ethik in der neueren Philosophie. Stuttgart. 1882. B. I. S. 169—179.

2) *Fr. Vorländer.* Geschichte der Philosophischen Moral—Rechts und Staats-Lehre der Engländer und Französer. Marburg 1855 г.

3) *Fr. Jas. Stein.* Historisch—kritische Darstellung der Patrologischen Moralprincipien. Würzburg 1879 и наконецъ по спеціальному изслѣдованію о философіи Шафтсбюри:

Dr Georg v. Sizycki—Die Philosophie Shaftesbury's Leipzig und Huderberg 1876. Приведенная цитата взята изъ послѣдняго сочиненія, стр. 100—101.

ности и злу и дѣйствительная любовь къ правдѣ ради нея самой, ради свойственной ей естественной красоты, ради ея собственной цѣнности“¹⁾).

Въ ученіи Шафтсбюри замѣтенъ сильный наклонъ въ сторону сближенія нравственнаго чувства съ эстетическимъ. Онъ постоянно возвращается къ сопоставленію прекраснаго и нравственнаго, къ сравненію нравственнаго чувства съ эстетическимъ вкусомъ. Это же отразилось и въ ученіи Шафтсбюри о содержаніи нравственности. Нравственность состоитъ, по его мнѣнію, въ правильномъ отношеніи между склонностями, каковы бы онѣ ни были. Ни одна страсть не должна развиваться въ ущербъ другой, хотя бы она и отличалась благожелательнымъ характеромъ. Симметрия, гармонія и пропорція суть опредѣляющія начала не только для произведеній искусства, но и для нравственной дѣятельности²⁾).

В. Г у т ч е с о н ъ.

Принципы, положенные Шафтсбюри въ основу объясненія фактовъ нравственнаго сознанія, были развиты и выражены гораздо опредѣленнѣе Гутчесономъ. Шафтсбюри, хотя и употреблялъ выраженіе „нравственное чувство“ для обозначенія аффектовъ размышленія, каковы одобреніе или неодобреніе, однако его понятія объ истинной природѣ этой способности были довольно смутны. Только изъ сопоставленія различныхъ мѣстъ въ его сочиненіяхъ и различныхъ выраженій можно придти къ заключенію, что онъ допускалъ особое чувство, предназначенное для нравственныхъ различеній. Гутчесонъ уже ясно и сознательно отнесъ способность нравственныхъ различеній къ особому нравственному чувству.

Природа человѣка, по ученію Гутчесона, очень сложна. Въ ней множество склонностей и инстинктовъ. Однако все ихъ разнообразіе можно свести къ двумъ основнымъ группамъ—къ самолюбію и благожеланію. Чувства и склонности перваго порядка побуждаютъ человѣка заботиться о своемъ личномъ

¹⁾ Взято изъ F. I. Stein'a op. cit. S. 335. (An inquiry concerning virtue or merit. V. I. P. III § I, p. 33--34).

²⁾ См. Sizycki Op. cit. S. 96—97; Jahl Op. cit. S. 163.

благосостояніи и счастіи. Склонности второго порядка наоборотъ направляють нашу дѣятельность къ достиженію счастія той системы, членами которой мы состоимъ ¹⁾. „Эти двѣ великихъ склонности—одна къ возможно большому личному счастію, другая къ возможно большому общему благополучію—совершенно независимы другъ отъ друга“ ²⁾. Склонности, имѣющія своимъ объектомъ общее благо, врождены намъ и отличаются совершенно безкорыстнымъ характеромъ. Ни самолюбіе, ни выгода не принимаютъ въ нихъ никакого участія ³⁾. Но какъ инстинкты, какъ врожденные свойства, онѣ совершенно равноправны. Съ этой точки зрѣнія ни тому, ни другому нельзя оказать предпочтенія. Почему же склонности, имѣющія своимъ объектомъ общее счастіе, имѣютъ въ нашихъ глазахъ такой высокій авторитетъ и нравственную цѣнность, какихъ не имѣютъ инстинкты эгоистическіе? ⁴⁾. Ихъ высокая цѣнность не зависитъ отъ пользы, которую онѣ приносятъ ихъ носителю или тому, кто ихъ оцѣниваетъ ⁵⁾, не зависитъ отъ согласія съ волей Божіей или съ правильно понятою сущностію вещей ⁶⁾, но зависитъ отъ нравственнаго чувства, существующаго въ насъ въ качествѣ отдѣльной способности. Когда человѣкъ размышляетъ о своемъ настроеніи и вытекающемъ изъ него поведеніи, то это чувство непосредственно отзывается своимъ одобрительнымъ или неодобрительнымъ сужденіемъ. Каждая способность наша имѣетъ соотвѣтствующее ей чувство, которое доставляетъ намъ пріятное ощущеніе, когда способность эта правильно функціонируетъ. Способность къ нравственной дѣятельности также имѣетъ соотвѣтствующее ей нравственное чувство, которое при нравственно-добромъ поступкѣ получаетъ удовлетвореніе, выражающееся въ пріятномъ ощущеніи одобренія совѣсти, при дурномъ наоборотъ не получаетъ удовлетворенія и доставляетъ намъ нравственные

¹⁾ Hutcheson. Systeme de philosophie morale. Lyon. 1752 an. T. I. Chap. I, § VI. P. 15—18.

²⁾ Ibid. B. I. Chap. III, § VI, p. 88.

³⁾ Ibid. B. I. Chap. III, § III—V, pp. 74—87.

⁴⁾ Ibid. B. I, Chap. III § VI p. 88—89.

⁵⁾ Ibid. B. I, Chap. IV, § II, p. 94.

⁶⁾ Ibid. B. I, § III, p. 96—99.

страданія ¹⁾. Въ этомъ процессѣ разумъ имѣетъ совершенно второстепенное значеніе. Цѣль нашей дѣятельности поставляется не разумомъ, а чувствомъ: напр. естественное самолюбіе побуждаетъ насъ заботиться о сохраненіи жизни безъ всякаго участія разума. Разумъ или указываетъ средство къ осуществленію цѣлей, поставляемыхъ чувствомъ, или сравниваетъ между собою самыя цѣли и этимъ помогаетъ чувству установить между ними правильную градацію ²⁾.

Въ одобреніи со стороны нравственнаго чувства различныхъ свойствъ человѣческой природы существуютъ слѣдующія степени: 1) оно одобряетъ такія способности, которыя не имѣютъ никакой необходимой связи съ добродѣтелью, но принадлежатъ къ той сторонѣ человѣческой природы, которая возвышается надъ чувственностью и грубымъ эгоизмомъ, напр. занятія наукой, искусствомъ и т. п. Онѣ отличаются тѣмъ, что стоятъ не въ столь рѣзкой враждѣ съ общественнымъ благомъ, какъ низшіе инстинкты. 2) Оно болѣе одобряетъ такіе природные задатки, которые стоятъ въ непосредственномъ отношеніи къ добродѣтели, напр. искренность, чистота, чувство чести и т. п. 3) Наконецъ высшая степень одобренія нравственнаго чувства связана съ благоволеніемъ или социальными чувствами. Но ихъ здѣсь ссть степени: а) Нравственное чувство предпочитаетъ постоянныя или продолжительныя привязанности, напр. родительскую и супружескую любовь минутной вспышкѣ любви. б) Изъ привязанностей равныхъ въ первомъ отношеніи оно оказываетъ предпочтеніе тѣмъ, которыя имѣютъ своимъ объектомъ болѣе обширный кругъ лицъ, напр. патріотизмъ предпочтительнѣе любви семейной. Отсюда слѣдуетъ, что душевное расположеніе, наиболѣе достойное нравственнаго одобренія, есть всеобщее (универсальное) благожеланіе. Такова любовь Божія. Съ этимъ благожеланіемъ неразрывно связано нравственное превосходство. Поэтому оно пользуется наибольшимъ нравственнымъ одобреніемъ ³⁾.

Въ ученіи объ аффектахъ Шафтсбюри и Гутчесонъ вполне

¹⁾ Ibid. § IV, p. 100—103.

²⁾ Ibid. § IV, p. 101.

³⁾ Ibid. § X, p. 117—121.

согласны между собою. Они расходятся лишь въ классификаціи страстей: въ то время, какъ Шафтсбюри дѣлитъ ихъ на три группы, допуская на ряду съ эгоистическими и благожелательными еще безкорыстную злобу и злорадство, Гутчесонъ различаетъ только два вида склонностей: эгоистическія и благожелательныя. Въ логическомъ отношеніи раздѣленіе Шафтсбюри полнѣе Гутчесонова, хотя практически, для этики, это имѣетъ мало значенія, такъ какъ безкорыстная злоба есть явленіе болѣзненное и потому имъ должна заниматься не столько этика, сколько психіатрія. Во всякомъ случаѣ ученіе Гутчесона въ этомъ вопросѣ должно быть исправлено на основаніи ученія Шафтсбюри и Шопенгауэра.

Что касается нравственнаго значенія склонностей, то оба мыслителя держатся по этому вопросу того самого убѣжденія, къ которому пришли и мы путемъ критическаго обсужденія системъ морали, полагающихъ въ основу нравственности одну какую-либо склонность. Именно они утверждаютъ во первыхъ то, что благожелательныя склонности составляютъ собою содержаніе нравственности. Послѣдняя требуетъ, чтобы отношенія между людьми были братскими, правдивыми и пр. не только по внѣшности, но чтобы въ душѣ каждаго господствовали соотвѣтствующія побужденія и чувства, изъ которыхъ бы естественно вытекали эти отношенія, какъ необходимыя слѣдствія ихъ.

Во вторыхъ, они признаютъ, что содержаніе нравственности не можетъ быть сведено къ одной какой нибудь склонности, но слагается изъ всей совокупности склонностей, соотвѣтствующихъ верховному принципу нравственности, склонностей, среди которыхъ благожелательныя занимаютъ самое выдающееся положеніе. Различіе состоитъ въ томъ, только, что мы представляемъ себѣ благожелательныя склонности, объединенными въ любви, а не въ видѣ простой суммы, многообразія не имѣющихъ между собою внутренней связи, какъ это дѣлаютъ разбираемые мыслители.

Уже вслѣдствіе этого одного разсматриваемыя ученія представляютъ собою высшій типъ по сравненію съ системами, стремящимися объяснить всю обширную область нравственнаго

изъ одной какой нибудь частной склонности. Но преимущество ихъ этимъ не ограничивается. Оно заключается главнымъ образомъ въ томъ, что оба мыслителя поняли недостаточность однѣхъ склонностей для объясненія возникновенія чувства авторитетности и одобренія, съ которыми у насъ связываются представленія о благожеланныхъ стремленіяхъ и дѣйствіяхъ. Болѣе проникательный взглядъ въ сущность совѣсти позволилъ имъ правильнѣе поставить вопросъ: откуда возникаютъ эти чувства авторитетности и одобренія? Наконецъ, правильно поставивъ вопросъ, они угадали и направленіе, въ которомъ онъ можетъ быть разрѣшенъ. Опираясь на то, что животныя лишены этихъ чувствъ, они указали на ту связь, которая существуетъ между высшею дѣятельностію человѣческаго разума и нравственными чувствами. Поэтому и самое нравственное чувство Шафтсбюри называлъ—*reflex affections*. Но этимъ и ограничиваются достоинства ученія Шафтсбюри и Гутчесона. Сознавъ задачу, они выполнили ее далеко не удовлетворительно, что, конечно, вполне естественно и извинительно для перваго опыта. Неудовлетворительность выполненія этой задачи касается двухъ пунктовъ: 1) признавъ существованіе особыхъ нравственныхъ чувствъ и ихъ связь съ дѣятельностію разума, они не могли сдѣлать понятнымъ возникновеніе этихъ чувствъ изъ ихъ предполагаемаго источника; 2) признавъ нравственные чувства началомъ, опредѣляющимъ содержаніе нравственности, они не могли указать логической связи между тѣми и другимъ. Разъяснимъ тотъ и другой пунктъ подробнѣе.

1. Мыслители, о которыхъ у насъ идетъ рѣчь, обратили вниманіе на чувства нравственнаго одобренія и порицанія, представляющія собою важнѣйшую составную часть сложнаго явленія совѣсти, и безъ дальнѣйшаго изслѣдованія предположили для объясненія этого явленія особую самостоятельную способность. Но этотъ незамысловатый пріемъ не можетъ быть названъ объясненіемъ. Это просто тавтологія: въ отвѣтъ только въ другой формѣ повторяется то, что дано уже въ вопросѣ. Человѣкъ хочетъ жить, потому что имѣетъ стремленіе къ жизни. Такое же *idem per idem* сразу бросается въ глаза и въ разбираемыхъ системахъ. Человѣкъ чувствуетъ при извѣстныхъ

условіяхъ нравственное одобреніе или порицаніе, потому что онъ имѣетъ особую способность къ этому, называемую нравственнымъ чувствомъ. Вотъ ученіе Шафтсбюри и Гутчесона въ его схематическомъ видѣ. Если нравственныя различенія, въ формѣ чувствъ одобренія или порицанія существуютъ въ нашемъ внутреннемъ опытѣ, никто, конечно, не станетъ сомнѣваться въ томъ что у насъ есть способность къ этому. Но чтобы сдѣлать для насъ до нѣкоторой степени это явленіе понятнымъ, пужно свести его къ болѣе простымъ и всеобщимъ свойствамъ человѣческаго духа и указать его отношеніе къ другимъ сроднымъ явленіямъ.

Правда, видъ объясненія нравственныхъ чувствованій можетъ имѣть здѣсь сведеніе ихъ къ чувствамъ эстетическимъ, явленію болѣе общаго характера, но мысль эта не имѣетъ большого значенія въ этихъ системахъ. Она случайно проскальзываетъ здѣсь, въ видѣ простого сопоставленія нравственнаго чувства съ эстетическимъ, не оставляя на себѣ вниманія этихъ мыслителей.

Наконецъ, этика Шафтсбюри и Гутчесона не только не даетъ объясненія нравственныхъ чувствъ, но упускаетъ изъ вниманія одну изъ ихъ важнѣйшихъ сторонъ. Въ нравственномъ чувствѣ они отмѣчаютъ лишь одинъ моментъ,—именно чувство одобренія или порицанія *послѣ* совершенія извѣстнаго поступка, но совершенно оставляютъ въ сторонѣ предупреждающую дѣятельность совѣсти. Отъ нихъ ускользаетъ ея повелительная (императивная) форма. Между тѣмъ нравственное чувство въ виду предполагающагося дѣйствія проявляется главнымъ образомъ какъ чувство должнаго.

2. Вторымъ недостаткомъ разсматриваемыхъ системъ мы признали то, что въ нихъ не указано необходимаго отношенія между формальнымъ принципомъ, за которымъ признается опредѣляющее значеніе, и содержаніемъ нравственности. По ученію обоихъ философовъ нравственное чувство указываетъ, что должно быть принято въ содержаніе нравственности и что должно быть отвергнуто, какъ заслуживающее порицанія. Нравственное чувство ощущаетъ доброе и злое, какъ глазъ свѣтъ и мракъ. Такимъ образомъ между представленіемъ объ извѣстномъ поступкѣ и чувствомъ, связаннымъ съ нимъ, должно

существовать необходимое отношеніе, т. е., нравственныя сужденія, основывающіяся на возбужденіяхъ нравственнаго чувства должны отличаться характеромъ необходимости. Сужденія съ характеромъ необходимости раздѣляются на двѣ группы: аналитическія и синтетическія. Подъ первыми разумѣются такія, въ которыхъ предикатъ повторяетъ или весь субъектъ или часть его. Напр. сужденія АВ есть АВ или АВ есть В—будутъ сужденіями аналитическими. Наоборотъ, если предикатомъ служитъ свойство, которое не дано въ самомъ субъектѣ, то сужденіе называется синтетическимъ. Таково напр. было бы сужденіе А есть В. Необходимость аналитическихъ сужденій основывается на логической принудительности мыслить вполнѣ или отчасти тождественное связаннымъ, сопринадлежащимъ. Необходимость синтетическихъ сужденій основывается на внѣшнемъ или внутреннемъ созерцаніи, въ которомъ субъектъ и предикатъ являются необходимо связанными. Напр. по ученію Канта необходимость пространственныхъ опредѣленій покоится на томъ, что въ силу свойствъ нашихъ внѣшнихъ воспріятій мы не можемъ наблюдать ни одного изъ явленій внѣшняго опыта иначе, какъ въ пространствѣ. Здѣсь основою необходимости сужденія является уже принудительность эмпирическаго мышленія, въ силу которой мы не можемъ мыслить иначе, какъ связаннымъ и сопринадлежащимъ того, что дано вмѣстѣ во внѣшнемъ или внутреннемъ созерцаніи. Такимъ образомъ всякій моралистъ, вѣрящій въ необходимость нравственнаго закона, долженъ доказать, что нравственныя сужденія суть или сужденія аналитическія или необходимыя синтетическія сужденія, или же найти какую нибудь иную основу необходимаго отношенія между ихъ субъектомъ и предикатомъ. Но довольно бросить одинъ бѣглый взглядъ на природу нравственныхъ сужденій, чтобы понять всю непрігодность двухъ первыхъ путей для достиженія намѣченной цѣли. Въ самомъ дѣлѣ, нравственными сужденіями называются такія, въ которыхъ подлежащимъ служитъ объективное и холодное представленіе о волѣ, а сказуемымъ—понятіе, въ которомъ связано чувство, выражающее собою отношеніе къ нему нашего я ¹⁾). Къ понятію предиката присоединяется

1) Съ очень многими представленіями связываются чувства, выражающія наше отношеніе къ ихъ содержанію. Лестъ, коварство, низкопоклонство являются

чувство такъ же, какъ первый присоединяется къ субъекту. Возьмемъ напр. нравственное сужденіе: предательство омерзительно. Подлежащимъ здѣсь служитъ представленіе объ извѣстнаго рода дѣятельности воли. Сказуемымъ понятіе, съ которымъ связано соотвѣтствующее ему чувство. Говоря: предательство омерзительно, мы конечно, хотимъ сказать, что представленіе о такомъ поведеніи возбуждаетъ въ нашей душѣ чувство омерзения. Такимъ образомъ настоящимъ предикатомъ въ этомъ сужденіи является наше чувство, представленіе же, съ которымъ оно сливается, служитъ какъ бы связкою. Такимъ образомъ въ нравственныхъ сужденіяхъ подлежащимъ служитъ представленіе, а сказуемымъ чувство. Ясно, что при такихъ условіяхъ нравственныя сужденія не могутъ быть аналитическими. Теоретическія сужденія могутъ быть аналитическими, потому что ихъ составныя части—субъектъ и предикатъ—принадлежатъ къ одной и той же области—къ области познанія (интеллекта) и потому однородны. Въ нравственныхъ же сужденіяхъ субъектъ принадлежитъ къ познавательной области, предикатъ же относится къ области чувства и потому не только не могутъ быть признаны тождественными, но и однородными. Слѣдовательно нравственныя сужденія не могутъ быть аналитическими. Но чтобы обосновать ихъ необходимость, нужно доказать изъ общей природы чувства съ одной стороны и характера представленій, служащихъ для нихъ объектомъ, необходимость ихъ совмѣстнаго существованія во внутреннемъ опытѣ. Такимъ образомъ задачею моралиста, признающаго безусловность нравственнаго закона, служитъ доказательство необходимаго соотношенія между субъектомъ и предикатомъ нравственныхъ сужденій, выясненіе необходимой связи между представленіемъ объ извѣстнаго рода намѣреніи или поступкѣ и чувствомъ его одобренія или порицанія.

Возвратимся теперь къ ученію Шафтсбюри и Гутчесона. Ни

въ нашемъ сознаніи уже съ извѣстною окраскою чувства. Съ этимъ явленіемъ приходится бороться проповѣдникамъ новыхъ идеаловъ. Слово *miseriordia* въ дохристіанской латыни послало въ себѣ презрительный отбѣнокъ. Проповѣдники милосердія вслѣдствіе этого находили душу слушателей уже наполненной отрицательнымъ отношеніемъ къ этой добродѣтели и все усиліе должны были направить противъ такого отношенія.

тотъ, ни другой мыслитель не только не далъ удовлетворительнаго рѣшенія этой задачи, но даже не ставилъ себѣ этого вопроса. Изъ нихъ Шафтсбюри утверждалъ, что нравственное чувство отзывается своимъ одобреніемъ на представленія о гармоническомъ развитіи аффектовъ, а Гутчесонъ устанавливаетъ постепенное возрастаніе силы нравственнаго одобренія по мѣрѣ развитія силы (интенсивности) и распространенія (экстенсивности) благожелательнаго настроенія. Но ни тотъ, ни другой не объясняетъ, почему нравственное чувство одобряетъ эти именно явленія, а не противоположныя дѣйствія и состоянія духа, почему это чувство соединяется съ представленіемъ о гармоніи аффектовъ или съ представленіемъ о благожеланіи, почему универсальное благожеланіе пользуется большею степенью одобренія со стороны нравственнаго чувства, чѣмъ благожеланіе, заключенное въ узкихъ предѣлахъ семьи, сословія или племени. На этотъ существенный вопросъ они не даютъ никакого отвѣта, кромѣ ссылки на первоначальность и потому необъяснимость этой связи между представленіемъ о свойствахъ воли и его оцѣнкой.

Въ заключеніе сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній относительно ученія Шафтсбюри и Гутчесона о *содержаніи* нравственности. По ученію перваго мыслителя таковымъ служитъ гармонія аффектовъ эгоистическихъ и благожелательныхъ. Мысль эта имѣетъ извѣстныя основанія въ нравственномъ опытѣ, но требуетъ осторожности.

Полнота добродѣтели возможна лишь при гармоническомъ развитіи всѣхъ добрыхъ склонностей. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть лучше и цѣннѣе справедливости и милосердія? Однако, кому не извѣстно, что эти добродѣтели рѣдко уживаются въ мирѣ и на равныхъ правахъ въ одной и той же душѣ? Обыкновенно преобладаніе получаетъ или та, или другая, а это ведетъ къ одинаково нежелательнымъ послѣдствіямъ. Правдивость, служеніе идеѣ—эти чисто мужскія добродѣтели нравственной мощи и несокрушимой силы характера—часто дѣлаютъ человѣка сухимъ и безсердечнымъ, склоннымъ жертвовать живою личностію человѣка въ пользу отвлеченной идеи. Наоборотъ, милосердіе и сердечность часто грѣшатъ противъ правды, близоручко поражаясь только видимой и кричащей нуждой

и жертвѣ интересами общаго злоупотребленію единицъ. Истинная добродѣтель должна быть чужда той и другой крайности.

Но гармонія склонностей не можетъ быть принципомъ, опредѣляющимъ содержаніе нравственности, потому что требованіе ея не заключаетъ въ себѣ никакой опредѣленности. Допустимъ, что сущность нравственности состоитъ въ гармоніи склонностей и что каждый долженъ стремиться къ ея достиженію. Но спрашивается, въ чемъ же состоитъ самая эта гармонія? Въ какой степени должны быть развиты разнообразныя склонности нашей природы, чтобы образовать собою гармоническое цѣлое? Если допустить въ ихъ развитіи полную равномерность, то высшимъ идеаломъ должны будемъ признать посредственность, чуждую всякой своеобразности, осужденную на застой, не способную ни къ чему истинно великому и прекрасному и дѣлающую изъ общества, въ которомъ она преобладаетъ, ---стоячее болото. Запасъ силъ у человѣка очень ограниченъ и потому творчество его достигаетъ наивысшаго успѣха не тогда, когда онѣ равно распредѣляются между разнообразными стремленіями, но когда идутъ по какому нибудь одному направленію. Итакъ, въ видахъ полноты осуществленія человѣчествомъ его нравственныхъ задачъ необходимо, чтобы въ единицахъ однѣ склонности преобладали надъ другими. При этомъ не можетъ быть общаго правила, выведеннаго изъ самаго понятія гармоніи, которое было бы одинаково примѣнимо ко всѣмъ людямъ безъ различія ихъ личныхъ особенностей и общественнаго положенія.

Гармонія душевныхъ свойствъ опредѣляется нравственною цѣлію, для которой она необходима. Гармонія склонностей, необходимая для ученаго, не похожа на гармонію, необходимую для плодотворной практической дѣятельности. Необходимость такого разнообразія характеровъ чувствуется все болѣе и болѣе по мѣрѣ возрастающей сложности жизни и потребности въ раздѣленіи труда. Но опредѣливъ нравственность какъ гармонію склонностей, Шафтсбюри не могъ уже опредѣлить самую гармонію при помощи нравственныхъ цѣлей, потому что это было бы для него логическимъ кругомъ.

Въ ученіи Гутчесона о содержаніи нравственности нужно отмѣтить двѣ вѣрныя черты. Во первыхъ, различныя склонности онъ признаетъ цѣнными лишь въ той мѣрѣ, въ какой

онѣ необходимы для добродѣтелей любви, во вторыхъ, добродѣтели любви признаются имъ тѣмъ цѣннѣе, чѣмъ онѣ постояннѣе и чѣмъ шире кругъ ихъ распространенія. Но этой градаціи онѣ не могъ поставить въ связь съ принципомъ своей этики—нравственнымъ чувствомъ. Принимая эти два наблюденія Гутчесона, мы съ своей стороны попытаемся указать связь этихъ явленій съ коренною основою нравственности.

Заклучимъ вторую главу краткимъ перечисленіемъ выводовъ, полученныхъ изъ критическаго обзрѣнія морали чувства.

Разнообразныя склонности человѣческой природы, входящія въ составъ совѣсти въ качествѣ ея второстепеннаго элемента таковы: уваженіе, состраданіе, сочувствіе, естественное стремленіе къ правдивости, взятая въ отдѣльности, являются слишкомъ узкими принципами для объясненія всей совокупности явленій нравственнаго порядка. Къ нимъ сводится лишь часть содержанія нравственнаго закона. Болѣе объясняютъ онѣ, будучи взяты во всей своей совокупности, объединяемая любовью—склонностью, распространяющею свое отрицательное и положительное вліяніе на всю душевную жизнь. Объединенная любовью, всѣ эти склонности исчерпываютъ собою содержаніе нравственности. Но и въ такомъ пополненномъ видѣ системы, принимающія основою объясненія нравственности второстепенные элементы совѣсти, остаются еще слишкомъ узкими. Изъ принципа любви онѣ могутъ вывести (дедудировать) лишь содержаніе нравственности, но не ея форму. Изъ любви нельзя объяснить чувство цѣнности и долженствованія, соединяющіяся въ нашемъ сознаніи съ этою склонностью. Между тѣмъ это—существенное свойство нравственности, безъ котораго сама любовь и вытекающее изъ нея поведеніе перестаетъ быть нравственнымъ.

Значеніе чувства цѣнности въ дѣлѣ нравственности было понято и выяснено шотландскою школою—Шафтсбюри и Гутчесономъ. Сверхъ того они указали и источникъ этихъ чувствъ въ разумѣ. Но указавъ его, они 1) не объяснили, какимъ образомъ они (т. е., эти чувства) возникаютъ и 2) не показали, почему они соединяются съ опредѣленными дѣйствіями, намѣреніями и склонностями, а не какими либо иными.

И. Поповъ.

ЦѢННОСТЬ ЖИЗНИ.

(Продолженіе *).

ГЛАВА XVIII.

Новыя затрудненія.

Я искалъ въ неизбѣжныхъ требованіяхъ разума того, чѣмъ могъ бы обезопасить себя со стороны опыта. Я исходилъ при этомъ изъ идеи добра, проясненной и укрѣпленной размышленіемъ. Но мною скоро опять овладѣваетъ безпокойство: вѣдь, въ концѣ концовъ, опытъ все таки существуетъ и я имъ не могу пренебрегать. Волей или неволей, по миѣ приходится съ нимъ сообразовываться въ своихъ утвержденіяхъ и выводахъ.

Припоминается здѣсь теорія, которая обладаетъ какою то непонятною обаятельною силою. Конечно,—говорять,—добро есть цѣль всего. Однако, такъ какъ слишкомъ очевидно, что жизнь человѣческая, рассматриваемая въ каждомъ индивидуумѣ, часто дурна нравственно или, по крайней мѣрѣ, очень скудна; такъ какъ много жизней неудачныхъ и даже въ лучшихъ случаяхъ—много несовершеннаго: то почему не брать ихъ (индивидуальныя жизни) только отчасти и съ одной стороны (по скольку въ нихъ все таки осуществлено добро)? Почему вмѣсто индивидуума, не принимать въ соображеніе родъ, —вмѣсто жизни каждаго въ отдѣльности, жизнь всего человѣчества? Почему намъ не расширить и еще болѣе нашъ горизонтъ и не охватить взглядомъ такъ-же и весь міръ? Тогда то возраженіе, которое можно выставить противъ оптимизма на

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, за 1897 г. № 3.

основаніи отдѣльныхъ неудачъ и горестей жизни, можетъ вызвать развѣ лишь улыбку. Безобразіе, нищета, скудость жизни не будутъ уже тогда имѣть важности. Тогда останется твердымъ положеніе, что, такъ какъ идеальной цѣлью вселенной служитъ добро, то вселенная *идетъ* къ этой цѣли. Добро творится; оно на пути къ образованію и именно въ его развитіи и состоитъ смыслъ міра—самая его жизнь. Добро это существо, имѣющее болѣе полное сознаніе о самомъ себѣ или,—лучше,—цѣль міра есть мысль, разумъ. Міръ, путемъ непримѣтнаго, но вѣрнаго прогресса приближается все къ болѣе и болѣе совершенному сознанію,—къ мысли, разуму и можно надѣяться, что въ концѣ концовъ разумъ восторжествуетъ.

Прекрасная перспектива! Возвышенное назначеніе! А пока, зачѣмъ намъ черезчуръ заботиться объ индивидуумахъ? Великія научныя теоріи внушаютъ намъ не придавать индивидуумамъ преувеличеннаго значенія. Вспомните объ естественномъ подборѣ: развѣ природа не расточаетъ зародышей. Только весьма малое число ихъ вырастаетъ. Но пусть выростутъ хотя нѣкоторые изъ нихъ и—этого будетъ достаточно. Существуетъ въ природѣ удивительная расточительность; она употребляетъ громадныя усилія, чтобы возрастить хотя бы лишь нѣкоторые изъ этихъ зародышей. Это законъ природы. Что тутъ остается дѣлать? Ничего другаго, какъ констатировать этотъ законъ и удивляться этой безумной роскоши, которая бросаетъ зародыши и сѣмена безъ счету, съ изумительной расточительностью. Точно также и во всей вселенной и въ исторіи человѣчества. Цѣлыя поколѣнія трудятся, страдаютъ умираютъ ради рожденія и процвѣтанія нѣсколькихъ великихъ людей,—ради произведенія одного избранника.

Добро есть цѣль. Это—говорятъ—вполнѣ справедливо; однако,—лишь при одномъ условіи,—именно, чтобы мы не понимали этого выраженія узко и односторонне. Надо различать „цѣль общественную (соціальную)¹⁾, человѣческую и цѣль міровую. У вселенной есть свои цѣли и онѣ хороши. Природа

¹⁾ Ренанъ: Философскіе діалоги, ст. 27. Не трудно догадаться, что теорія, изложенная въ настоящей главѣ, есть та теорія, которую развивалъ Ренанъ, особенно въ своихъ „Діалогахъ“.

также имѣетъ свои цѣли и онѣ также хороши. Все въ ней идетъ къ добру. И въ каждомъ существѣ есть „тайная пружина, которая побуждаетъ всѣхъ жить согласно законамъ эстетики и гармоніи“¹⁾).

Пусть природа, направляясь къ своей цѣли, обманываетъ насъ, чтобы успѣшнѣе ея достигъ: что намъ до этого за дѣло? Пусть говорятъ, сколько хотятъ, о ея „коварствѣ“, „хитрости“; пусть мы „одурачены“ и „обмануты“²⁾: *что намъ* за дѣло до всего этого, если природа вѣрно идетъ къ своей цѣли? Да къ тому же отъ насъ зависитъ не быть обманутыми³⁾. Сознать и признавать, что мы обмануты, значитъ, покоряясь неизбежности этого обмана, вмѣстѣ съ тѣмъ освободиться отъ него. Тотъ, кто видитъ хитрость, не бываетъ обманутъ. Кто угадываетъ обманъ, тотъ, въ концѣ концовъ, обыкновенно ускользаетъ отъ него.

Слѣдовательно, намъ нужно только хорошо проникнуться убѣжденіемъ, что индивидуальный человѣкъ въ извѣстномъ смыслѣ есть совершенное ничто и что ни въ началѣ, ни въ концѣ міроваго процесса не было и не будетъ такого человѣка, который бы осмѣлился равняться съ Божествомъ. Есть природа, есть вселенная, есть полная жизнь и есть прогрессъ въ мысли. Добро въ концѣ концовъ, есть всемірная цѣль. Что же касается насъ, то, если мы признаемъ добро и покорно станемъ его слугами,—то въ этомъ и будетъ заключаться наше величіе, наше достоинство и, въ нѣкоторомъ смыслѣ, наше пожалуй даже счастье⁴⁾).

Вотъ теорія, которая гармонируетъ, повидимому, и съ науками о природѣ, и съ опытомъ,—столь часто печальнымъ, безобразнымъ и жалкимъ. Тѣ затрудненія, которыя воздвигаетъ передъ нами дѣйствительность, повидимому, отступаютъ предъ

1) Философскіе діалоги ст. 26.

2) Философскіе діалоги, *passim*, а именно стр. 31, 32, 39, 40.

3) Философскіе діалоги стр. 42, 43, 46. „Примѣнимся къ цѣлямъ природы, будемъ добровольными жертвами ея макіавелизма; выйдемъ въ ея цѣли и безропотно покоримся ей“.

4) Философскіе діалоги стр. 38. „Повиноваться природѣ значитъ сотрудничать въ божественномъ твореніи“...

этой теоріей и добро восстанавливается въ своемъ значеніи, ему обеспечивается торжество.

Однако если вникнуть въ теорію ближе и рассмотретьъ ее трезвѣе, то покажется удивительнымъ, какъ можно до того поддаться ея обаянію, чтобы повѣрить, будто въ ней заключается рѣшеніе вопроса. Не ясно-ли, въ самомъ дѣлѣ, что эта теорія въ сущности есть оскорбленіе добру,—посягательство на него?

И прежде всего, говоря о добрѣ, теорія употребляетъ такія выраженія и образы, которые совершенно недостойны его. „Благодѣтельные плутни (fourberies), которыя природа употребляетъ,—говорятъ намъ,—для того, чтобы достигнуть своей цѣли, заключающейся въ нравственности индивидуума, суть нѣчто изумительное, когда изучаешь ихъ въ подробностяхъ“¹⁾. Допустимъ. Но еще болѣе изумителенъ, конечно, этотъ языкъ. Я долженъ былъ бы сказать, что онъ возмутителенъ. Природа имѣетъ въ виду добро и достигаетъ его лишь благодаря чему то вродѣ комедіантскаго ремесла, въ которомъ она, повидимому, находитъ удовольствіе, или же благодаря макіавеліевской политикѣ (слово это встрѣчается намъ нѣсколько разъ). Право не стоитъ протестовать „во имя разума“, противъ будто бы черезчуръ „человѣкообразнаго“ понятія, которое человѣкъ составилъ себѣ о Богѣ,—не стоитъ протестовать противъ этого понятія для того только, чтобы прибѣгать къ подобнымъ метафорамъ, когда дѣло идетъ о томъ, что-бы дать понять, что „міръ имѣетъ цѣль и трудится для выполненія этой таинственной задачи“²⁾.

Вникнемъ, однако, въ эту теорію глубже и всмотримся ближе въ ея недостатки.

Она не признаетъ цѣнности нравственной личности. Оставимъ въ сторонѣ эти метафоры, заимствованныя изъ отношеній человѣческихъ: онѣ, конечно, не дѣлаютъ чести теоріи, такъ какъ въ нихъ говорится ни больше, ни меньше какъ о безсовѣстной ловкости. „Отмѣтимъ лишь, что, по этой теоріи, типъ дѣятельности заключается въ природѣ: человѣкъ,—гово-

¹⁾ Философскіе діалоги, стр. 31—32.

²⁾ Философскіе діалоги стр. 22.

рять, есть самое высшее, что мы знаемъ въ мірѣ; при этомъ забываютъ о самомъ главномъ,—о его нравственномъ достоинствѣ. Правда, защитники теоріи указываютъ на „красоту мысли и разума“ безъ должнаго понятія о нравственности и должнаго уваженія къ ней.

Это концепція натуралистическая и эстетическая, но не нравственная. Чтобы быть нравственной, ей недостаетъ двухъ вещей: во-первыхъ, она не признаетъ началомъ всего Существо нравственное по преимуществу, Благо по существу, Жизнь совершенную и благодѣтельную; во-вторыхъ, въ ходѣ міровой жизни и въ томъ, что можно было бы назвать ея процессами, теорія не обращаетъ должнаго вниманія на нравственную природу человѣка. Что же, въ такомъ случаѣ, получается? Природа подчинена идеѣ красоты, хотя я и не знаю, какъ,—вотъ и все. Добро, которое разсматривается, какъ всемірная цѣль, не есть, собственно говоря, ни желаемое, ни желающее. Инстинктъ, потребность, законъ или стремленіе, а, быть можетъ, и все это вмѣстѣ: вотъ что замѣняетъ здѣсь разумную волю. Опасаются антропоморфизма. Положимъ. Но что сказать объ этомъ антропоморфизмѣ, если можно такъ выразиться? Вселенная, природа,—все это очень красивыя слова. Но одушевлять ихъ, олицетворять, обожествлять,—это значитъ обманывать самого себя и въ сущности просто ничего не сказать, хотя и кажется, будто сказано многое. Благо это Жизнь полная, совершенная, которая такова исключительно чрезъ себя и потому исполнена благоволенія (*bien voulante*) и благодѣтельная. Допустимъ, что она представляетъ нѣчто аналогическое тому, что есть въ человѣкѣ или лучше,—что человѣкъ можетъ пайти въ себѣ нѣчто сходное съ тѣмъ, что есть она: какъ и чѣмъ это сходство или этотъ „антропоморфизмъ“ могъ бы умалить или унижить высокое достоинство Жизни совершенной? Если она существуетъ лишь благодаря себѣ, если она есть Жизнь самосущая, то что можетъ сравниться съ нею? Она выражается въ томъ, что не есть она; а что не есть она, то не можетъ служить и образомъ, по которому она образуется. При томъ, говоря строго, она и не образуется: она просто есть и этимъ все сказано.

Но если она стоитъ на такой несравненной высотѣ, то всякое нравственное существо имѣетъ, именно благодаря ей, такую великую цѣну, что не можетъ уже быть лишь колесомъ въ механизмѣ этой обширной вселенной: Жертвовать индивидуумами ради цѣлаго и нѣсколькихъ привилегированныхъ личностей, — это теорія аристократическая, которая забываетъ, что каждое человѣческое существо, имѣющее нравственное достоинство, имѣетъ и свою цѣну, свое безусловное значеніе и не можетъ быть только средствомъ.

Итакъ, припомнимъ еще разъ, но въ виду изложенной теоріи съ большею точностію, всѣ безусловныя требованія разума и совѣсти, — все, что необходимо допускать и утверждать, если мы хотимъ сохранить должное уваженіе и непоколебимую вѣру въ Благо.

Благо есть цѣль вселенной, цѣль человечества и каждой человѣческой жизни, каждаго человѣческаго существа. Это достоверно, хотя я и не вижу съ полною ясностію, какъ осуществляется эта цѣль. Однако, если такъ, то, что же, въ концѣ концовъ, означаетъ выраженіе, что „Благо есть цѣль?“ Оно означаетъ, что Существо благое и всеблаженное есть цѣль въ себѣ, такъ какъ оно есть то, ради чего все существуетъ, къ чему все должно тяготѣть и стремиться. Оно означаетъ далѣе, что, будучи началомъ и концомъ всего, Существо благое и всеблаженное, Которое есть Творецъ вещей и существъ, назначаетъ имъ ихъ цѣль, утверждаетъ эту цѣль и управляетъ развитіемъ, посредствомъ котораго эти вещи и существа направляются къ цѣли.

Скажемъ же, что Жизнь совершенная существуетъ; затѣмъ, что жизнь человѣческая, т. е., жизнь индивидуальная, личная имѣетъ подлинную цѣну. Необходимо, въ самомъ дѣлѣ, чтобы каждый человѣкъ могъ быть добрымъ, а черезъ это и счастливымъ и при томъ, — посредствомъ такого акта, который бы принадлежалъ ему самому и, слѣдовательно въ извѣстномъ смыслѣ былъ бы его собственнымъ и свободнымъ дѣйствіемъ. Я предназначенъ Существомъ благимъ для добра: необходимо, чтобы я могъ его достигнуть, необходимо, чтобы, если я этого хочу,

я самъ могъ бы быть добрымъ и счастливымъ. При этомъ условіи жизнь человѣческая,—какова бы она ни была въ другихъ отношеніяхъ—будетъ хорошей. Чѣмъ болѣе подъ вліяніемъ безусловныхъ требованій разума и совѣсти, мы будемъ уяснять себѣ, развивать и примѣнять на практикѣ идею добра, тѣмъ болѣе будетъ упрощаться и самый вопросъ, тѣмъ болѣе онъ будетъ становиться яснымъ и опредѣленнымъ. Я теперь лучше сознаю, чего требую; лучше вижу, въ чемъ состоитъ затрудненіе, и яснѣе различаю тѣ средства, которыми располагаю для того, чтобы его разрѣшить. Теперь будетъ вполнѣ своевременно возвратиться и къ опыту. Теперь мнѣ есть чѣмъ „освѣтить и истолковать его“. А это уже очень важно. Съ другой стороны, не можетъ ли и самъ опытъ дать мнѣ теперь какихъ нибудь указаній? Нельзя ли мнѣ теперь чему-нибудь научиться въ его школѣ? Весьма вѣроятно. Не слѣдуетъ только при этомъ терять изъ виду тѣхъ разумныхъ, нравственныхъ положеній, которыя внушаются мнѣ моимъ разумомъ и моей совѣстью.

Г Л А В А XIX.

Смыслъ настоящей жизни.

Говоря объ „опытѣ“ въ такомъ изслѣдованіи, какъ то, которое я предпринялъ, я разумѣю, конечно, прежде всего опытъ нравственной жизни, какъ выраженіе дѣйствій и какъ бы движенія самой нравственной личности.

Я буду говорить о чемъ-то совершенно внутреннемъ, недоступномъ внѣшне-чувственному воспріятію и указанію, хотя несомнѣнно, весьма реальномъ. Я обращаюсь къ сознанію каждаго: вѣдь существуетъ нѣкотораго рода внутреннее воспитаніе души и воли,—которое совершается непримѣтно, мало по малу и даже мелкія событія играютъ въ немъ роль. У каждаго есть своя нравственная исторія, которую внимательный глазъ сумѣетъ прослѣдить. Охотно сказалъ бы я (мысль Гратри), что у каждаго есть своя поэма и своя исторія. Прекрасный, хотя иногда лишь трудно угадываемый, идеаль господствуетъ въ поэмѣ, которая часто прерывается. Исторія же вѣчно движется впередъ.

Она имѣетъ свои слабости, свои мелочи, которыя вызываютъ иногда стыдъ, а иногда сожалѣніе. Но всмотритесь въ нее ближе и глубже: сколько средствъ къ достиженію добра предоставлено въ ваше распоряженіе. Исторія могла бы быть сходна съ поэмой, если бы вы сами этого захотѣли. Сколько событій, изъ которыхъ вы могли бы извлечь пользу! И на самомъ дѣлѣ, принимая жизнь даже въ томъ видѣ, въ какомъ она есть,—съ ея скромными требованіями, съ ея посредственностію, съ ея сплошною тканью узкихъ замысловъ и жалкихъ дѣлъ, съ ея всепоглощающими занятіями, съ ея катастрофами и великими радостями, съ ея мелкими заботами и мелкими удовольствіями, съ нашею постоянною небрежностью, забывчивостью, ошибками, за которыя насъ упрекаетъ наша совѣсть—даже принимая жизнь со всѣми этими ея свойствами, мы, если только сумѣемъ хорошо прослѣдить ея запутанныя нити, угадать сокрытое въ ней и невидимое ея внутреннее зерно, найдемъ въ ней что-то великое, что совершается въ общемъ и цѣломъ, а именно: нашу собственную личность, имѣющую нравственное достоинство, которая постепенно формируется, образуется и совершенствуется. Вотъ что покажетъ вамъ внутренній опытъ, если вы сумѣете смотрѣть, какъ должно, и будете,—не говорю святымъ или героемъ,—но просто человекомъ, имѣющимъ хотя какую-нибудь заботу о нравственной жизни и носящимъ ее до нѣкоторой степени въ себѣ.

Но если такъ, то не есть ли въ сущности воспитаніе нравственной личности то дѣло, которое должно составлять для насъ самое главное при всѣхъ нашихъ обыденныхъ, иногда столь сложныхъ и разнообразныхъ занятіяхъ,—при всѣхъ событіяхъ? И не есть ли жизнь человѣческая такъ сказать, лишь арена такого воспитанія; такъ что, если эта цѣль (т. е., воспитаніе личности) достигается, то этого было бы уже достаточно для того, чтобы жизнь человѣческую признать хорошей? А если распространю это утвержденіе на всѣхъ людей, то тѣмъ самымъ я признаю, что въ цѣломъ жизнь вовсе не то, что мы въ ней видимъ.

Это утвержденіе менѣе смѣло, чѣмъ, какъ оно, быть можетъ,

кажется, ибо вѣдь, въ концѣ концовъ, нравственная отвѣтственность, которую мы ежеминутно чувствуемъ и признаемъ, имѣетъ свои тайны, въ которыя мы не можемъ вполне проникнуть. Въ самомъ дѣлѣ, какъ ошибочно обыкновенно истолковываемъ мы намѣренія другихъ! Какъ легко предполагаемъ зло тамъ, гдѣ его нѣтъ, и какъ легко также ошибаемся на счетъ чистоты мотивовъ извѣстнаго поступка!

Стоитъ намъ только взглянуть на самихъ себя, чтобы убѣдиться въ этомъ. Одинъ оскорбляется и раздражается отъ одного слова или поступка, въ которомъ вѣтъ и тѣни злаго умысла съ нашей стороны; а другой прославляетъ насъ, когда мы сами, въ глубинѣ своей души, стыдимся своей низости или своего эгоизма. Не будемъ же судить о людяхъ по тому, какъ мы ихъ видимъ, и не будемъ рѣшать слишкомъ поспѣшно, что „такъ какъ нравственность занимаетъ въ жизни лишь ограниченное мѣсто, то жизнь несовершенна и дурна“.

Затѣмъ, если справедливо, что жизнью управляетъ благая Сила—а это, какъ мы видѣли, признать необходимо, такъ какъ все зависитъ отъ Жизни совершенной и въ ней имѣетъ свое начало,—если это справедливо, то эта благая Сила имѣетъ бесконечно разнообразныя средства для того, чтобы затронуть нашу душу. Это—богословская точка зрѣнія на вопросъ. Богословы учатъ, что независимо отъ того, что мы видимъ, Божественная благодать имѣетъ еще неизвѣстныя намъ способы дѣйствовать на душу, а что мы не можемъ и не должны ограничивать въ чемъ бы то ни было это всеильное и спасительное дѣйствіе. Это необыкновенно глубокій взглядъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто пойметъ, что такое благо и что такое наша душа, что такое верховная Жизнь и нравственная личность,—тотъ пойметъ такъ-же, что дѣйствованіе Божіе нельзя измѣрять мѣркою нашего разумѣнія. Связь и общее между нравственными людьми и Богомъ ускользаетъ отъ нашихъ взоровъ, отъ всякихъ нашихъ изысканій и вотъ почему необходимо смѣть сказать, что въ цѣломъ жизнь вовсе не есть то, что мы въ ней видимъ. Вотъ, слѣдовательно, первый способъ пониманія настоящей жизни: въ ней совершается воспитаніе нравствен-

ной личности; настоящая жизнь есть, какъ бы арена или, лучше, поле сраженія, на которомъ нравственный человѣкъ развертываетъ свою дѣятельность.

Существа нравственныя не разбросаны въ мірѣ, подобно, напр. сѣменамъ растеній, которыя (сѣмена) не имѣютъ особенной цѣнности и которымъ, поэтому, предоставляется свобода всходить и возрастать, какъ придется. Нѣтъ, ихъ (нравственныхъ существъ) собственная самопроизвольная активность столь реальна и столь важна для жизни, что самый мировой строй какъ бы отступаетъ на второй планъ для того, чтобы дать просторъ и свободу ея движенію впередъ. Намъ кажется, будто міръ идетъ самъ собою, совершенно случайно: такъ много въ каждой его подробности силы, рельефности, важности! И до такой степени каждая вещь кажется существующею только для самой себя, что міровая гармонія, какъ бы исчезаетъ. Это удивительно! Такое поразительное и почти ужасающее разнообразіе! Собраніе существъ мятежно (*tumultueux*). Жизнь есть постоянная ссора (*mêlée*). Каждый толкаетъ и тѣснитъ другихъ, будучи и самъ тѣслимъ другими. И вмѣстѣ съ тѣмъ у каждаго существа, при тѣхъ особенныхъ условіяхъ,—которыя для него созданы, есть совершенно опредѣленное и важное дѣло, которое онъ долженъ выполнить,—конечно, по своему. Именно, каждое существо должно быть хорошимъ,—и при томъ среди всевозможныхъ затрудненій, борьбы и ежедневныхъ испытаній. Безъ сомнѣнія, это такъ-же вѣрный, интересный и благотворный (*salutaire*) способъ представлять себѣ жизнь: она есть борьба и испытаніе.

Къ этимъ двумъ первымъ понятіямъ о жизни присоединяется еще третье: это понятіе человѣческой солидарности. Понятіе такъ-же весьма важное. Каждое существо, особенно каждый человѣкъ, какъ мы только что говорили, существуетъ какъ бы самъ въ себѣ и каждый дѣлаетъ свое дѣло. И, однако, каждый есть членъ одного и того же тѣла. Это и вѣрно физически въ нѣкоторомъ смыслѣ, такъ какъ живой родится отъ живаго, и растетъ, и существуетъ лишь благодаря живому. Но это вѣрно такъ-же и въ общественномъ, и въ умственномъ, и нрав-

ственномъ отношеніяхъ. Человѣкъ изолированный, принужденный ограничиваться самимъ собою, уже не есть болѣе человѣкъ. У него существуетъ такая глубокая, такая безконечная и всеобщая потребность въ другомъ человѣкѣ, что, съ одной стороны, онъ имѣетъ даже нѣкоторое общеніе съ мертвыми и они какъ бы продолжаютъ участвовать въ его жизни; а съ другой стороны и тѣ, которые еще не родились, также занимаютъ уже мѣсто въ его жизни, занимаютъ его мысль и служатъ предметомъ его дѣятельности. Такимъ образомъ, люди живутъ обществами гораздо болѣе, чѣмъ какъ это намъ иногда кажется. И мы не можемъ уже этому и удивляться, послѣ того, какъ узнали, что Благо есть Существо благожелательное и благодѣтельное, а нравственные личности, созданныя по его образу и подобію, способны любить. Развѣ напрасно, въ самомъ дѣлѣ, эта способность любить составляетъ одно изъ существенныхъ свойствъ человѣка? И почему бы, въ виду всего этого, намъ не сказать, заимствуя у Гратри одну изъ его прекрасныхъ формулъ, что человѣкъ есть „собраніе душъ, предназначенныхъ для любви“¹⁾, собраніе или совокупность людей, которымъ предназначено любить другъ друга? А если это такъ то не должны ли мы разсматривать настоящую жизнь, какъ нѣкоторое, хотя и весьма несовершенное подобіе того, что должно совершиться гдѣ то „тамъ“, въ другомъ мѣстѣ? „Городъ духовъ“, который мы уже привѣтствовали раньше, не есть вѣдь чисто идеальный, только представляемый нами и не существующій въ дѣйствительности, городъ. Мы уже видѣли, что онъ не есть пустое слово, мечта или химера. Нѣтъ, всякій, кто живетъ нравственною жизнью, уже реально принадлежитъ къ нему, такъ какъ находится въ общеніи со всѣми нравственными существами, думаетъ и поступаетъ въ сущности такъ же, какъ и они. И почему этотъ „градъ духовъ“ не можетъ существовать реально? Если онъ существуетъ, тогда и настоящая жизнь получаетъ особенный смыслъ: она является приготовленіемъ къ нему и его подобіемъ, хотя весьма жалкимъ и несовершеннымъ.

¹⁾ Познаніе души (Connaissance de l'ame кнѣг. V, гл. III, § 1.

Если, теперь, мы сопоставимъ и объединимъ три, только что развитыя нами, понятія о жизни: понятіе о ней, какъ о нравственномъ воспитаніи, борьбѣ или испытаніи и, наконецъ, понятіе о ней, какъ нравственной солидарности и обществѣ духовъ; то мы будемъ въ состояніи понять роль нашей настоящей жизни во вселенной и установить ея смыслъ. Я говорю: настоящей жизни, такъ какъ предполагая, что жизнь въ цѣломъ не есть то, что мы въ ней видимъ, мы тѣмъ самымъ уже признаемъ и то, что жизнь не вся ограничена предѣлами настоящей жизни.

Итакъ, опытъ, допрошенный, изученный при свѣтѣ нравственныхъ понятій и въ частности понятія о добрѣ, отвѣчаетъ намъ, что онъ не объясняется самъ собою. Жизнь, которою мы живемъ, наша дѣйствительная, настоящая жизнь,—не достаточна для самой себя. Она только означаетъ, готовится, изображаетъ нѣчто другое. Среди разнообразныхъ событій нашей жизни формируется нравственная личность въ своей таинственной глубинѣ; въ этой жизни готовится другая, которая будетъ служить ея продолженіемъ; и это общество человѣческое, которое движется и борется въ этой жизни, есть образъ и подобіе лучшаго общества.

Слѣдовательно, не смотря на всѣ свои бѣдствія настоящая жизнь все таки хороша. Она хороша по своему отношенію къ чему-то другому. Она хороша, какъ подготовленіе къ чему-то большому и лучшему. „Тамъ“, въ иномъ мірѣ, послѣдуетъ дальнѣйшее развитіе того хорошаго зерна, которое заложено въ нашу жизнь и дѣятельность здѣсь,—тамъ будетъ полное раскрытіе нашихъ силъ и полное удовлетвореніе; тамъ будетъ совершенный человѣкъ, совершенная жизнь, совершенное общество, тамъ будетъ полное обладаніе добромъ и счастье. „Стремленія тамъ достигнуть своего конца.“ Воспользуемся еще разъ прекраснымъ выраженіемъ Гратри. Существо благое, которое управляетъ жизнью.—Тотъ, который Самъ есть превосходная и вѣчная Жизнь, *Zōon aîdion kai tēleion* ¹⁾ привлечетъ къ

¹⁾ Аристотель: Метафизика, XII, 7, 1072 в. 29.

себѣ насъ, своихъ бѣдныхъ созданій, и мы предвкушаемъ уже тѣ блага, которыя Онъ намъ предназначилъ и стремимся къ нимъ всѣмъ своимъ существомъ. Черезъ Него и въ Немъ мы узримъ и будемъ обладать истинными благами въ странѣ живыхъ...

Г Л А В А XX.

Цѣнность нравственной личности.

Я настаиваю на томъ свойствѣ человѣческаго существа, которое мы обозначаемъ выраженіемъ *нравственная личность*. Если намъ удастся хорошо рассмотретьъ, что скрывается подъ этимъ выраженіемъ, то многое для насъ уяснится.

Благо есть принципъ, смыслъ и цѣль всего. Это—Существо всеблагое, т. е., имѣющее безусловное нравственное достоинство. Это—духъ, т. е., Существо разумное, любящее, волящее и при томъ—въ степени превосходной.

Существу благому свойственно желать, чтобы были существа, которыя бы участвовали нѣкоторымъ образомъ въ Его благодати и въ Его бытіи и которыя бы вмѣстѣ съ тѣмъ были отображеніемъ и проявленіемъ Его могущества. Будучи свободнымъ, какъ свойственно Духу, Существо благое щедромерно (*liberal*): Оно свободно даетъ бытіе тому, что не существовало. Но хотя каждая степень бытія, взятая сама по себѣ, какъ выраженіе и произведеніе Существа благаго, и сама есть благо; однако, существомъ, имѣющимъ наибольшую цѣнность, конечно, будетъ то, которой имѣетъ *нравственное достоинство*, т. е., существо разумное и свободное, такъ какъ будучи личностью оно лучше, чѣмъ другія существа, выражаетъ само благое Существо.

Въ существѣ несовершенномъ, которое существуетъ не само чрезъ себя, свобода ограничена. Въ такомъ существѣ, существѣ зависимомъ, свобода не можетъ быть полною независимостію. Это, такъ сказать, неполная свобода, но и при своей ограниченности она все же есть нѣчто весьма цѣнное. Чтобы убѣдиться въ этомъ, рассмотримъ слѣдующіе факты.

Одинъ человѣкъ повелѣваетъ, другіе повинуются ему. Вво-

дится точная, строгая дисциплина. Выполняются опредѣленные движенія. То, что думаетъ и хочетъ одинъ человѣкъ, исполняется тысячу другихъ людей. Зрѣлище прекрасное и величественное! Однако, есть въ немъ, такъ сказать, и тѣневая стороны. Въ самомъ дѣлѣ, первый виновникъ всей этой серіи движеній, правда, свободенъ; но за то всѣ другіе лишь повинуются его приказанію. Свободенъ верховный начальникъ; но тѣ, которые передаютъ и исполняютъ приказъ, тѣ—не имѣютъ сами по себѣ никакой самопроизвольности.

Гораздо могущественнѣе слово, которое убѣждаетъ, и несравненно прекраснѣе послушаніе того, котораго потрясаетъ, возбуждаетъ и заставляетъ дѣйствовать убѣдительное слово.

Возьмите воспитаніе. Въ чемъ состоитъ его торжество? Въ томъ ли, чтобы создавать машины? Нѣтъ не въ этомъ, а въ томъ, чтобы формировать существа, которымъ бы сообщался извѣстный *духъ* и которыя-бы въ свою очередь имѣли собственную инициативу и собственную форму. Безъ этого будетъ только дрессировка, а не воспитаніе. Мертвая буква, усвоеніе лишь однѣхъ формулъ точно такъ же приучаетъ къ бездѣятельности того, кто ее получаетъ, какъ бездѣятели и тотъ, кто ее передаетъ. Нѣтъ, чтобы сообщить *духъ*, надо самому дѣйствовать, какъ свойственно духу, и обращаться къ духу: тогда только въ немъ можно возбудить движеніе, жизнь, мысль; тогда только удастся заставить его самого дѣйствовать и дѣйствовать свойственнымъ ему образомъ. Вотъ почему воспитаніе и признается столь великимъ, хотя въ то же время и столь отвѣтственнымъ и труднымъ дѣломъ: оно способствуетъ образованію или *созданію людей*.

Слѣдовательно, „вѣнцомъ созданій“ были бы такія существа, которыя, будучи во всемъ подобны Существу всеблагому, имѣли бы истинное, а не кажущееся существованіе, истинную, а не кажущуюся самопроизвольность; истинную, а не кажущуюся способность быть причиною своихъ дѣйствій. Богъ столь могущественъ и благъ, что восхотѣлъ, какъ говоритъ Тома Аквинскій, сообщить даже твореніямъ „достоинство винословности“, т. е., способность служить дѣйствительными причинами ¹⁾. Онъ

¹⁾ *Summa theologica* I, XXII, 3.

восхотѣлъ, чтобы существа эти, которыя не обязаны себѣ своимъ существованіемъ, были однако же, подобно Ему, *истинными причинами* и чтобы каждое изъ нихъ было для другихъ причиною добра ¹⁾).

Онъ восхотѣлъ, чтобы эти существа, существенно зависимыя, были свободны и чтобы ихъ свобода давала имъ возможность проявить и по отношенію къ самому ихъ Творцу извѣстнаго рода щедрость (*une forte de liberalité*): имѣя возможность и свободу отказать Богу въ своей любви, эти разумныя существа могутъ свободно и отдать Ему ее, могутъ свободно желать и утверждать Его бытіе,—признавая это бытіе за благо и желая, чтобы скорѣе существовалъ Богъ, чѣмъ они сами. Признавая свободно бытіе Блага, даже въ ущербъ самимъ себѣ, они могутъ любить Творца любовью бязкорыстною и великодушною ²⁾).

Это прекрасно и величественно. Условіе же этого, очевидно, есть свобода, т. е., возможность сказать „да“ или „нѣтъ“,—по желанію, такъ что, если говоришь „да“, то остается возможность сказать „нѣтъ“ и, наоборотъ, если говоришь „нѣтъ“, то возможность сказать „да“ имѣетъ по прежнему свою силу. Безъ этого любовь была бы вынужденна, т. е., не была бы настоящею любовью и вся красота свободнаго исповѣданія бытія Божія, которой мы только что изумлялись, исчезла-бы.

Однако, эта свобода влечетъ за собой, очевидно, и возможность грѣшить. Если бы существо насильно и необходимо влеклось къ добру, то исчезъ бы подлинный характеръ добра. Но разъ оно не припуждено говорить противъ воли „да“, то оно можетъ сказать и „нѣтъ“, какъ мы только что объ этомъ говорили, а въ этомъ-то именно и заключается возможность грѣшить.

Утвердивъ эти истины, взглянемъ теперь, съ точки зрѣнія ихъ, на міръ дѣйствительный. Въ немъ развертывается тварная жизнь и дѣятельность и при томъ такъ, что дѣятельность творческая незамѣтна, но тѣмъ не менѣе она несомнѣнна,—

1) *Summa philosophica, seu contra gentiles*, II, XLV.

2) *Боссуэтъ*: „Размышленіе о Евангеліи“, послѣдняя недѣля Спасителя, XLVII день. „Любовь есть согласіе и союзъ съ тѣмъ, что справедливо, и съ тѣмъ, что есть самое лучшее. Лучше, чтобы Богъ существовалъ, нежели мы“....

она не только поддерживаетъ тварную жизнь и дѣятельность, но и руководить ею. Благодаря именно этому сокровенному дѣйствию, міръ и является для нравственной личности тѣмъ мѣстомъ воспитанія и испытанія, о которомъ мы уже говорили выше.

Условія, при которыхъ совершается это воспитаніе и испытаніе, представляются иногда весьма неблагоприятными. Не намъ, конечно, судить о нихъ: имъ судья—Богъ, Который ставитъ ихъ, какъ Ему угодно и, если они неблагоприятны, то Онъ по Своей благости и всемогуществу, можетъ и исправить и восполнить то, что недостаетъ. Напомню здѣсь снова о томъ принципѣ, который я уже установилъ раньше. Для того, чтобы судить о жизни, не слѣдуетъ основываться лишь на томъ, что мы видимъ, такъ сказать, на ея поверхности. Если бы существовало лишь видимое, то жизнь насъ очень смущала-бы. Но есть еще и невидимое, какъ мы уже и раньше указывали. Будемъ разсматривать жизнь человѣческую самымъ обыкновеннымъ образомъ, безъ всякаго мистицизма, такъ, какъ она дана: окажется, что мы ничего не поймемъ въ ней, если не съумѣемъ удѣлить въ ней мѣсто невидимому, признаніе котораго имѣетъ въ ней громадное значеніе. Когда вы высказываете, хотя бы самое незначительное сужденіе нравственнаго характера, вы немедленно вступаете уже въ область невидимаго. Это дѣйствіе, которое вы разсматриваете, одно и то же на внѣшній взглядъ какъ одного человѣка, такъ и другаго; но въ одномъ случаѣ оно хорошо, а въ другомъ дурно. Почему это?—Потому, что намѣренія разные. Это элементарный и общеизвѣстный фактъ. Этотъ даръ, напримѣръ, здѣсь является, милостью, благодареніемъ, а тамъ расчетомъ. Этотъ поступокъ здѣсь будетъ высокимъ самопожертвованіемъ, а тамъ—низкимъ лицемѣріемъ. На внѣшній взглядъ все равно: одни и тѣ же движенія, одни и тѣ же звуки голоса. Гдѣ же разница? Разница внутри; а внутреннее невидимо.

Научимся-же философски распознавать въ видимомъ тайны невидимаго, такъ какъ въ жизни мы ежеминутно ссылаемся на нихъ и какъ бы невольно признаемъ ихъ: *rectus templaque*

mentis ¹⁾). Что такое, въ самомъ дѣлѣ, была бы жизнь, если-бы никогда не было рѣчи объ этомъ внутреннемъ святилищѣ? На каждомъ шагѣ или я не признаю другихъ, или же меня не признаютъ другіе и отъ видимаго постоянно обращаюсь, такъ сказать, апеллирую, по духу справедливости, къ невидимому, —идеть-ли рѣчь о другихъ или обо мнѣ самомъ.

Конечно, въ этомъ мірѣ, въ этой великой *драмѣ*, въ которой мы всѣ участвуемъ, какъ актеры и какъ актеры отвѣтственные, есть сторона видимая; но можетъ быть, именно самое существенное и главное въ этой драмѣ остается невидимымъ! Можетъ быть, существуютъ нѣкоторыя непровицаемыя тайны души,—нѣкоторое тайное общеніе и связь между Благомъ и душами, призывы и противодѣйствія, ресурсы жизни безконечно разнообразные и ускользающіе отъ взоровъ! Тому, кто окидываетъ жизнь лишь поверхностнымъ взглядомъ, человѣкъ кажется чуть ли не колесомъ какой-то сложной машины. Но,—осмѣлимся сказать,—это не такъ и такъ быть не должно: человѣкъ есть „цѣль въ себѣ“ и мы относимся къ нему, именно какъ къ такой „цѣли въ себѣ“, вынося это уваженіе къ личности человѣка изъ той глубины сознанія, въ которой рѣшаются всѣ основные вопросы нравственной жизни. И Ты, высшая Благость, Ты Владыка и Богъ живыхъ, принципъ, цѣль и движущая сила *духовъ*,—Ты Самъ, по слову Твоему, „судишь насъ *снисходительно* и управляешь нами *съ великою милостію*“ (Прем., XII, 18).

Теперь настало время воспользоваться тѣмъ указаніемъ, которое мы намѣтили выше. Богословы,—сказали мы,—разсматривая вопросъ о *спасеніи*, говорятъ о таинственныхъ путяхъ Провидѣнія, о невидимыхъ средствахъ, которыми Богъ можетъ пользоваться для того, чтобы тронуть душу. Умы, лишенные достаточной глубины, могутъ, пожалуй, смѣяться надъ этимъ ученіемъ и видѣть въ немъ лишь странныя выдумки. Но кто знаетъ, что такое нравственная личность и нравственная жизнь, и кто, при этомъ, имѣетъ нѣкоторый нравственный

¹⁾ *Лукрецій*, V, 104.

опытъ и понятіе о томъ, какое мѣсто занимаетъ въ нашей жизни невидимое,—тотъ признаетъ, что было бы весьма неосновательно и дерзко имѣть притязаніе ограничивать божественное дѣйствіе лишь тѣмъ, что доступно нашимъ чувствамъ. Если человѣкъ дѣйствительно есть существо, обладающее нравственнымъ достоинствомъ, то для объясненія его,—повторяемъ это снова и снова,—необходимо обращать вниманіе и на то, что намъ невидимо.

Высокое достоинство нравственной личности имѣетъ еще и другое слѣдствіе. Оно заставляетъ насъ продолжать жизнь за ея земныя границы. Мы только что установили различіе между видимымъ и невидимымъ; теперь мы должны отмѣтить разницу между тѣмъ, что совершается, и тѣмъ, что готовится. Если мы хорошо сознаемъ истинную цѣнность нравственной личности, то мы поймемъ, что настоящая жизнь для полного раскрытія силъ человѣка недостаточна. Въ ней совершается лишь сѣяніе, а жатвы нѣтъ. Она есть поле борьбы: но гдѣ-же покой, гдѣ слава, покупаемая цѣною побѣды?

Настоящая жизнь есть воспитаніе или испытаніе: это значитъ, что она *преходяща*, есть лишь состояніе *переходное*: мы какъ бы уже носимъ въ себѣ вѣчное. Самые возвышенные предметы нашей „чистой“ мысли вѣчны. Истина, нравственный законъ, Благо такъ же имѣютъ значеніе вѣчное и не переходящее: время не имѣетъ надъ ними никакой власти. Какой же былъ бы смыслъ, если-бы я, существо разумное и нравственное, начавъ познавать и любить вѣчное, пересталъ это дѣлать, тогда какъ само оно не перестало существовать? Моя мысль и моя любовь продолжаютъ, какъ бы собственнымъ движеніемъ, до безконечности. Все, что носить во мнѣ характеръ истины и нравственного превосходства, все это заложено во мнѣ на вѣки:

...fundatum perpetuo aevō¹⁾).

И если я обращаю вниманіе на творческую Благость, то не вижу, почему она, даровавъ бытіе, могла бы снова отнять его? Она создала предметы для того, чтобы они существовали. Для

¹⁾ Лукрецій, V, 161.

существованіе же, обладающихъ нравственнымъ достоинствомъ, продолженіе бытія, пребываніе въ немъ, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и сохраненіе нравственнаго достоинства. Слѣдовательно, человѣческая личность имѣетъ въ себѣ принципъ постоянства, пребываемости, вѣчности и всякій ея (личности) актъ имѣетъ, въ своихъ слѣдствіяхъ, безкопечную продолжаемость. А если такъ, то не ясно-ли, что человѣческая личность, образуемая *въ этой жизни*, среди трудностей и препятствій, въ борьбѣ и скорби, среди испытаній и горестей, *въ иной жизни* разцвѣтетъ и процвѣтетъ, такъ какъ приготовила для себя и заслужила этотъ разцвѣтъ и это процвѣтаніе своею прежнею жизнью?

Таковы заключенія, которыя я вывожу изъ своихъ размышленій о цѣнности нравственной личности. Я вступилъ въ сферу невидимаго и будущаго. Настоящая жизнь имѣетъ цѣнность лишь по степени того незримаго, внутренняго направленія воли, которое вдохновляетъ и опредѣляетъ ея движенія. Она имѣетъ цѣнность лишь съ точки зрѣнія того будущаго, къ которому ведетъ и приготовляетъ. Самое существенное и лучшее въ жизни не то, что мы въ ней видимъ и чѣмъ въ ней обладаемъ, не то, чѣмъ она намъ кажется; но—тотъ духъ, которымъ она проникнута и который ее оживляетъ, то будущее, къ которому она приводитъ. Но если именно *это* сообщаетъ ей несравненное величіе, если только нравственная воля и будущее назначеніе преобразуютъ ее, возвышаютъ и, такъ сказать, обожествляютъ: то не есть ли та реальная жизнь, которою мы *здѣсь* живемъ, которая находится въ нашихъ рукахъ и передъ нашими глазами,—не есть ли это жизнь безцвѣтная, истонченная и какъ бы безжизненная? Вѣдь если, въ самомъ дѣлѣ, она имѣетъ цѣнность лишь благодаря тому, что не составляетъ ея самой, то не слѣдуетъ ли сказать, что сама по себѣ она есть какъ бы ничто и что, въ концѣ концовъ, для того, чтобы жить истинною жизнью, слѣдуетъ презирать настоящую жизнь? Вотъ это-то мы и должны теперь разсмотрѣть.

* * *

(Продолженіе будетъ).

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

28 Февраля № 4. 1897 года.

Содержаніе. Высочайшая отмѣтка.—Отчетъ о состояніи церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты Харьковской епархіи за 18^{95/96} учебный годъ (продолженіе).—Отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища по учебной и нравственно-воспитательной частямъ за 18^{95/96} учебный годъ (продолженіе).—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

Высочайшая отмѣтка.

Отъ Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, поступило къ Суходальному Оберъ-Прокурору сообщеніе о томъ, что въ память и въ ознаменованіе Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ: Прихожане Преображенской церкви села Звѣдокъ, Зміевскаго уѣзда, постановили пріобрѣсти для сей церкви двѣ иконы святителя и Чудотворца Николая и святыхъ мученицы царицы Александры, въ серебряныхъ вызолоченныхъ ризахъ съ кіотамъ, стоимостью 300 р.; прихожане Преображенской церкви села Борокъ, того же уѣзда, постановили пріобрѣсти для сей церкви двѣ хоругви съ ликами святителя Чудотворца Николая и святыхъ мученицы царицы Александры, стоимостью 150 р.; прихожане Богородичной церкви слободы Смольяниновой, Старобѣльскаго уѣзда, пожертвовали 615 р. на ремонтровку названной церкви; жители слободы Мостковъ, того же уѣзда, соорудили для вновь устроенной Покровской церкви колокола, вѣсомъ въ 105 п., стоимостью 2,000 р., а нижніе воинскіе чины пріобрѣли икону святителя Николая и святыхъ царицы Александры въ 60 р.; прихожане Николаевской церкви слободы Кругляковки, Купянскаго уѣзда, пріобрѣли для сей церкви икону святителя Чудотворца Николая, въ серебряной ризѣ, съ соответствующею событію надписью, и подсвѣчникъ, стоимостью 114 р.; прихожане Архангело-Михайловской церкви села Печинь, Ахтырскаго уѣзда, постановили, на собранные ими 80 р., поставить въ названной церкви икону святителя Чудотворца Николая и святыхъ

мученицы царницы Александры и ежегодно 14-го мая совершать предъ сею пкою молебствіе.

На всенароднѣйшемъ докладѣ Синодальнаго Оберъ-Прокурора о таковыхъ выраженіяхъ вѣрноподанническихъ и религіозно патріотическихъ чувствъ Его Императорскому Величеству, въ 22 день декабря 1896 года, благоугодно было Собственноручно начертать: „Прочель съ удовольствіемъ“.

Отчетъ о состояніи церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты Харьковской епархіи за 18⁹⁵/₉₆ учебный годъ.

(Продолженіе *).

IX.

Изъ отчетовъ отдѣленій видно, что сравнительно значительное число книгъ для вѣкласснаго чтенія состояло въ бібліотекахъ нижеслѣдующихъ школъ епархіи: *Ахтырскаго уѣзда*: 1) Ясеновской—138 экз.; 2) Краснопольской—76 экз., 3) Славгородской—48 экз., 4) Жигаилловской—69 экз., 5) Мезеновской—64 экз., 6) Бакировской—195 экз., 7) Котелевской, при Троицкой церкви—122 экз., 8) Ахтырской при соборѣ—52 экз., 9) Кириковской—28 экз., 10) Лутицанской—28 экз., 11) Япково-Рогской—26 экз.; *Богодуховскаго уѣзда*: 12) Богодуховской соборной—118 экз., 13) Богодуховской, при Троицкой церкви—228 экз., 14) Больше-Писаревской, при Покровской церкви—58 экз., 15) Кручанской—129 экз., 16) Мирняпской—154 экз., 17) Станичанской—141 экз., 18) Ямлянкой—114 экз.; *Валковскаго уѣзда*: 19) Левепдаловской—66 экз., 20) Высокопольской—121 экз., 21) Перекопской—105 экз., 22) Новоселовской—1131 экз., 23) Дороевской—100 экз., Коломакскихъ: 24) Успенской—71 экз., 25) Воскресенской—89 экз., 26) Николаевской—104 экз., 27) Черемушанской—45 экз., 28) Люботинской—100 экз., 29) Старо-Водолажской—97 экз., 30) Княжанской—40 экз., 31) Ново-Водолажской при Николаевской церкви—120 экз., 32) Каятакузовской (шк. грамоты)—108 экз., 33) Валковской соборной—36 экз., 34) Ново-Водолажской, при Воскресенской церкви—32 экз., 35) Просянской—80 экз., 36) Караванской—245 экз., 37) Михайловской—42 экз., 38) Старо-Мерчанской—60 экз.; *Волчанскаго уѣзда*: 39) Волчанской при соборѣ—400 экз., 40) Мартовской—662 экз., 41) Нижне Бурлупкой—344 экз., 42) Рубежанской—184 экз.; *Зміевскаго уѣзда*: 43) Боровской—140 экз.,

* См. „Вѣра и Разумъ“ № 3, за 1897 г.

44) Отрадовской—220 экз., 45) Гипѣвской—100 экз., 46) Зміевской соборной—100 экз., 47) Зміевской Успенской—100 экз., 48) Звѣдковской—153 экз. Въ библіотекахъ школъ: Кочетковской, Асѣвской, Алексѣвской, Богодаровской, Верхне-Бишкинской, Волохоярской, Липивской, Лиманской, Лебяженской, Моспановской, Михайловской, Охоченской, Преображенской, Чугуевской, Покровской, Шевлевской, Шеленинской, Булацеловской, Высочинновской, Дудковской, Ефремовской, Нижне-Русско-Бишкинской, Пршибской, общее число книгъ для вѣкъкласснаго чтенія колеблется между 25—80 экземплярами. Въ 16 школахъ *Изюмскаго уѣзда*: число книгъ для вѣкъкласснаго чтенія колеблется между 25—50 экз., въ каждой. *Купянскаго уѣзда*: 49) Боголюбовской—35 экз., 50) Бѣлоцерковской—38 экз., 51) Кармазиновской—48 экз., 52) Комаровской—70 экз., 53) Краснянской—64 экз., 54) Мѣловатской—39 экз., 55) Нижне-Дуванской—25 экз., 56) Ново-Глуховской, при Троицкой церкви—67 экз., 57) Ново-Николаевской—36 экз., 58) Пустынской—35 экз., 59) Песко-Радьковской—35 экз., 60) Сватово-Луцкой при Успенской церкви—175 экз., 61) Свистуновской—28 экз., 62) Тарасовской—32 экз., 63) Терновской—28 экз., 64) Торской—45 экз., 65) Юрьевской—21 экз.; *Старобѣльскаго уѣзда*: Городищенской—101 экз., Трехизбянской—700 экз. Въ непоменованныхъ школахъ *Сумскаго уѣзда* числится книгъ для вѣкъкласснаго чтенія 3434 экз. *Харьковскаго уѣзда*: 66) при Епархіальномъ женскомъ училищѣ—885 экз., 67) Харьковской Александро Невской—800 экз., 68) Мало-Даниловской—140 экз., Алексѣвской—35 экз., 69) Роганской—300 экз., 70) Деркачевской при Николаевской церкви—250 экз. ¹⁾ 71) Деркачевской при Рождество-Богородичной церкви—150 экз., и 72) Мирановской—90 экз.

Воскресныя и праздничныя чтенія были при школахъ: Харьковской при мѣщанской богадѣльнѣ, Харьковской въ Озерянскомъ приходѣ, Деркачевской при Николаевской церкви (Харьковскаго уѣзда), Ново-Водолажской Николаевской, Проснянской, Новоселовской, Княжавской (Валковскаго уѣз.), Волчанской при соб., Ново-Покровской, Кочетковской, Боровской, Соколовской Успенской и двухъ Чугуевскихъ (Зміевскаго уѣзда), Трехизбянской (Старобѣльскаго уѣзда). Въ этихъ же школахъ было и хоровое пѣніе во время праздничныхъ собраній.

¹⁾ Кромѣ школьной библіотеки при Деркачевской Николаевской школѣ существуетъ общественная библіотека, открытая съ разрѣшеніемъ Епархіальнаго Начальства въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1894 г. на средства попечительницы школы жены харьковскаго 1-й гильдіи купца М. А. Жмудской. Въ составъ этой библіотеки въ отчетномъ году поступило 941 экз. книгъ по преимуществу религіозно-нравственнаго содержанія.

Кромѣ окружающихъ наблюдателей, нѣкоторыя церковно-приходскія школы посѣтили: Его Высокопреосвященство, Высокопреосвященнѣйшій Амвросій, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, при обзорѣнн церквей епархіи, члены Епархіальнаго Училищнаго Совѣта, нѣкоторые члены уѣздныхъ отдѣленій и гг. инспектора народныхъ училищъ, земскіе начальники, гг. попечители и попечительницы церковно-приходскихъ школъ.

Ближайшее руководство и наблюденіе за церковно-приходскими школами въ отчетное время было ввѣрено, примѣнительно къ количеству благочинническихъ округовъ, 34 наиболѣе способнымъ и опытнымъ въ дѣлѣ народнаго образованія священникамъ. Къ обязанностямъ наблюдателей относилось возможно частое посѣщеніе школъ, общее наблюденіе за правильнымъ и успѣшнымъ движеніемъ учебно-воспитательнаго дѣла въ этихъ школахъ и руководство учителей и законоучителей по вопросамъ, касающимся ихъ воспитательной практики, а также попеченіе о матеріальномъ преуспѣянн существующихъ школъ и содѣйствіе къ открытію новыхъ. При повременныхъ обзорѣніяхъ школъ въ подвѣдомственныхъ округахъ наблюдатели слѣдили за тѣмъ, правильно ли велись учебныя занятія, соотвѣтствовало ли обученіе существующимъ учебнымъ программамъ, и на мѣстѣ провѣряли степень религіозно-нравственнаго просвѣщенія учащихъ; въ концѣ учебнаго года производили повѣрочныя испытанія учениковъ въ томъ, что пройдено ими за отчетное время.

Съ участіемъ приходскихъ священниковъ наблюдатели, при удобномъ случаѣ, указывали прихожанамъ, особенно деревенскимъ, на необходимость и важность воспитанія ихъ дѣтей въ духѣ православно христіанскаго вѣроученія и нравственности и, такимъ образомъ, вызывали въ нихъ живое и дѣятельное сочувствіе на пользу церковно-приходскихъ школъ, выразившееся какъ въ открытіи крестьянскими обществами новыхъ церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты, съ обязательствомъ поддерживать существованіе ихъ опредѣленными денежными взносами, такъ и въ посильныхъ пожертвованіяхъ на содержаніе уже существующихъ школъ. Нѣкоторые о.о. наблюдатели, въ примѣръ дѣятельнаго участія и живого интереса жизни церковно-приходскихъ школъ, выдавали лично отъ себя денежные пособія на нужды школъ.

Въ отчетномъ году съ отличнымъ усердіемъ на пользу народнаго образованія въ церковно-приходскихъ школахъ и школахъ грамоты трудились нижеслѣдующія лица: *предсѣдатели уѣздныхъ отдѣленій Совѣта*: Сумскаго—прот. Василій Никольскій, Зміевского—свящ.

Петръ Тимоѳеевъ, Изюмскаго—свѣщ. Петръ Скубачевскій, Старобѣльскаго—прот. Михаилъ Павловъ, Валковскаго—свѣщ. Гавриилъ Павловскій, Купянскаго—свѣщ. Михаилъ Сильванскій и Волчанскаго—прот. Арсеній Павловъ. Всѣ они принимали личное весьма дѣятельное участіе въ благоустройствѣ существующихъ школъ въ матеріальномъ отношеніи и въ пріисканіи правоспособныхъ учителей; *наблюдатели школъ*: 3 округа Харьковскаго уѣзда—прот. Димитрій Рєгишевскій, 1 округа Купянскаго уѣзда—свѣщ. Іоаннъ Макаровскій, 2 округа Изюмскаго уѣзда—свѣщ. Ѳеодоръ Бородаевъ, 3 округа того же уѣзда—свѣщ. Іоаннъ Полицкій, 4 округа того же уѣзда—свѣщ. Алексій Поповъ, 4 округа Старобѣльскаго уѣзда—свѣщ. Леонидъ Повомаревъ, 5 округа того же уѣзда—свѣщ. Меѳодій Лядскій, 3 округа Ахтырскаго уѣзда—свѣщ. Арсеній Любарскій, 1 округа Волчанскаго уѣзда—свѣщ. Василій Евецкій и 2 округа Лебединскаго уѣзда—свѣщ. Петръ Рубинскій. Всѣ эти лица, какъ видно изъ отчетовъ уѣздныхъ отдѣленій, сравнительно часто посѣщали школы въ учебное время съ цѣлю поставить учебное дѣло на возможную высоту, сообщить недостаточно опытнымъ учащимъ руководственныя указанія, касающіяся успѣшнаго веденія учебнаго дѣла, и неусердствующимъ учителямъ и руководителямъ мѣстныхъ школъ съ должными вразумленіями поставить на видъ недостатокъ съ ихъ стороны усердія и вниманія къ исполненію обязанностей службы и отвѣтственность за сіе предъ Богомъ, собственною совѣстію и общественнымъ мнѣніемъ мѣстнаго населенія. Кромѣ сего свѣщ. Петръ Рубинскій весьма много потрудился въ дѣлѣ пріобрѣтенія цѣннаго дома, надворныхъ службъ и земельного участка въ 4 десятины для Ворожбянской, Лебединскаго уѣзда, второклассной школы. Всѣ эти постройки съ земельнымъ участкомъ, стоящія по крайней мѣрѣ тысячъ шесть, куплены для указанной надобности при содѣйствіи о. Рубинскаго за 2500 р. Протоіерей Димитрій Рєгишевскій по прежнему съ усердіемъ трудился по устройству библіотеки и веденію воскресныхъ чтеній въ Деркачевской церковно-приходской школѣ, существующей въ занимаемомъ имъ приходѣ. Ему же принадлежитъ инициатива въ примѣненіи нѣкоторыхъ мѣръ, способствующихъ улучшенію учебно-воспитательнаго дѣла въ церковныхъ школахъ Харьковскаго уѣзда.

Весьма полезную дѣятельность обнаружили нижеслѣдующіе о.о. *завѣдующіе школами*: Больше-Писаревской, Цюровскаго прихода, свѣщ. Алексій Станиславскій, который собралъ отъ разныхъ благотворителей 1300 р. на устройство школьнаго помѣщенія при церкви села Александровки (эта церковь приписана къ Больше-Писаревскому По-

кровекому приходу) и соорудилъ такое зданіе на испрошенномъ у мѣстнаго сельскаго общества земельномъ участкѣ въ $\frac{1}{2}$ десятины. Къ заслугамъ о. Станиславскаго должно отнести и то, что онъ по званію представителя отъ духовнаго вѣдомства въ Богодуховскомъ земствѣ исходатайствовалъ отъ Богодуховскаго уѣзднаго земскаго собранія ежегодное пособіе церковно-приходскимъ школамъ и школамъ грамоты уѣзда въ размѣрѣ 800 рублей. Бѣловодской при Троицкой церкви, Старобѣльскаго уѣзда, свящ. Андрей Базилевичъ и Сычевской, того же уѣзда, свящ. Никита Слюсаревъ, Городищенской свящ. Алексій Инноковъ и Волкодавской, того же уѣзда, свящ. Митрофанъ Торанскій,—первые два, при отличныхъ педагогическихъ дарованіяхъ, усердіи и любви къ школьному дѣлу дали ввѣреннымъ имъ школамъ правильное и устойчивое положеніе какъ въ матеріальномъ, такъ и учебно-воспитательномъ отношеніяхъ. Священникъ Алексій Инноковъ въ теченіе 10-ти лѣтней дѣятельности въ качествѣ законоучителя и учителя мѣстной школы на изысканныя имъ средства соорудилъ школьное зданіе, вмѣсто сгорѣвшаго въ 1891 г., снабдилъ школу классною мебелью, завелъ бібліотеку и единолично учредилъ церковный хоръ изъ учащихъ въ школѣ и любителей торжественныхъ церковныхъ богослуженій. Священникъ Митрофанъ Торанскій принималъ горячее участіе въ изысканіи средствъ на сооруженіе школьнаго зданія, которое его же, о. Торанскаго, стараніемъ въ отчетномъ году было снабжено приличною и въ достаточномъ количествѣ классною мебелью. Отличнымъ усердіемъ и заботами о. завѣдующаго Боровскою церковно-приходскою школою, того же уѣзда, свящ. Александра Ветухова, эта школа приобрѣла вполне достаточное матеріальное обезпеченіе для дальнѣйшаго своего существованія. Завѣдующій и законоучитель Удянской, Харьковскаго уѣзда, цер.-пр. школы свящ. Матей Богословскій съ весьма похвальнымъ усердіемъ трудился на пользу церковно-приходской школы и школы грамоты, существующихъ въ ввѣренномъ ему приходѣ: такъ, при незначительномъ пособіи изъ средствъ Епархіальнаго Училищнаго Совѣта имъ приобретены на добротныя пожертвованія частныхъ благотворителей и приспособлены къ школьнымъ потребностямъ весьма помѣстительный домъ для школы грамоты въ хут. Окопѣ Удянскаго прихода. На поступившія изъ этого источника матеріальныя средства Удянская церковно-приходская школа и Окопская школа грамоты снабжены классною мебелью, учебными книгами и письменными принадлежностями. Кромѣ сего о. Богословскій весьма ревностно и успѣшно проходилъ должность законоучителя мѣстныхъ церковныхъ школъ. Доказанныя о. Богословскимъ настойчивость

въ изысканіи матеріальныхъ средствъ на благоустройство мѣстныхъ церковныхъ школъ и усердное прохожденіе обязанностей законоучителя служить достаточнымъ ручательствомъ за процвѣтаніе этихъ школъ и въ будущемъ.

Кромѣ упомянутыхъ лицъ, по свидѣтельству уѣздныхъ отдѣленій, за отчетный годъ весьма усердные и полезныя труды по улучшенію школъ въ матеріальномъ и учебно воспитательномъ отношеніяхъ обнаружили завѣдующіе и законоучители школъ: *Ахтырскаго уѣзда*: Хухрянской свящ. Димитрій Поповъ, Бакировской—свящ. Василій Сушковъ, Краснопольской Преображенскаго прихода,—свящ. Михаилъ Поповъ; *Богодуховскаго уѣзда*: Богодуховской Покровской—свящ. Павелъ Леонтовичъ, Больше-Писаревской Успенской—свящ. Алексѣй Доброславскій, Ямницкой—свящ. Антоній Сапунинъ, Мурафской Архангело-Михайловской—свящ. Алексій Мигулинъ; *Валковскаго уѣзда*: Ново-Водолажской Воскресенской—свящ. Николай Ѳедоровскій, Просянской—свящ. Петръ Антоновъ, Старо-Водолажской—свящ. Григорій Дьяковъ; *Зміевскаго уѣзда*: Гуляй-Польской—свящ. Ѳедоръ Сулима; *Изюмскаго уѣзда*: Мало-Камышевахской—свящ. Александръ Касьяновъ, Славянской Всѣхсвятской—свящ. Василій Полтавцевъ, Славянской Воскресенской—свящ. Николай Доброславскій, Дробышевской—свящ. Александръ Лонгиновъ, Мечбиловской—Сергій Перцевъ, Даниловской—свящ. Николай Кремшовскій, Изюмской Крестовоздвиженской—свящ. Михаилъ Энеидовъ, Изюмской Покровской—свящ. Владиміръ Григоровичъ, Спѣваковской—свящ. Варфоломей Іосифовъ; *Купянскаго уѣзда*: Кругляковской—свящ. Іосифъ Самойловъ, Ново-Млинской—свящ. Викторъ Флоринскій, Ново-Ольшанской—священникъ Іоаннъ Макаровскій, Покровской—священникъ Василій Масловъ, Сеньковской—священникъ Василій Поповъ, Ново-Глуховской—священникъ Ѳедоръ Горбачевскій, Торской—священникъ Алексій Оптовцевъ, Комаровской—священникъ Александръ Ковалевъ, Краснянской—свящ. Василій Рождественскій, Терновской—свящ. Іоаннъ Измаиловъ; *Старобѣльскаго уѣзда*: Старобѣльской соборной—свящ. Александръ Касьяновъ, Петропавловской при Петро-Навловской церкви—свящ. Матвѣй Моисеевъ, Маньковской—свящ. Василій Поповъ, Половинкинской—свящ. Іаковъ Березовскій, Бзровеньковской—свящ. Симеонъ Черняевъ, Климовской—свящ. Константинъ Насѣдкинъ, Старобѣльской соборной—свящ. Михаилъ Гогинъ, Байдовской—свящ. Евлампій Агнивцевъ, Калмыковской—свящ. Симеонъ Наумовъ, Старо-Айдарской—свящ. Іаковъ Лисенко; *Сумскаго уѣзда*: Хотѣвской—свящ. Павелъ Чугаевъ, Бѣлопольской при Петропавловской церкви—свящ. Іоаннъ Ведриискій, Бѣлопольской при Про-

роко-Ильинской церкви—свщ. Михаилъ Подлуцкій, Сумской Николаевской—свщ. Симеонъ Недѣлка, Рѣчанской Троицкой—свщ. Илія Слюсаревъ, Локнянскій—свщ. Николай Черниговскій, Юнаковской Рождество-Богородичной—свщ. Василій Петровскій, Юнаковской Преображенской—свщ. Копстантинъ Новопольскій, Рогозянской—свщ. Михаилъ Добрецкій, Ильмовской—свщ. Симеонъ Стеллецкій, Водолажской—свщ. Петръ Стефановъ, Искрисковской—свщ. Василій Хижняковъ, Николаевской (школы грамоты)—свщ. Іоаннъ Туранскій, Сумской Ильинской (школы грамоты)—свщ. Филаретъ Григоровичъ; *Харьковскаго уѣзда*: Харьковской Всѣхсвятской—свщ. Николай Кратировъ, Деркачевской Рождество-Богородичнаго прихода—свщ. Андрей Чаговцовъ, Черкасско-Дозовской—свщ. Іоаннъ Петрусенко, Верхо-Харьковскаго Николаевскаго монастыря—свщ. Іаковъ Любарскій, Казачье-Лопанской—свщ. Филаретъ Автоновъ, Роганской—свщ. Іоаннъ Ракшевскій, Ольшанской—свщ. Макарій Крохатскій; *учителями школъ*: Ахтырскаго уѣзда: Жигаїловской—діаконъ Ілія Бойко, Ясеновской—Владиміръ Войтенко; *Богодуховскаго уѣзда*: Богодуховской Троицкой—діаконъ Михаилъ Пузановъ; *Валковскаго уѣзда*: Новоселовской—діаконъ Ѳедоръ Стрижковъ, Проснянской—діаконъ Михаилъ Орловъ; *Волчанскаго уѣзда*: Волчанской соборной—Семень Поповъ; *Зміевскаго уѣзда*: Алексѣевской Троицкой—діаконъ Григорій Сулима, *Изюмскаго уѣзда*: Славянской Троицкой—діаконъ Іоаннъ Вербницкій, Поповской—діаконъ Іоаннъ Матвѣевъ, Знаменской—діаконъ Платонъ Базилевичъ, Изюмской Крестовоздвиженской—діаконъ Михаилъ Григоревичъ; *Купянскаго уѣзда*: Кругляковской—діаконъ Венедиктъ Гиркинъ, Сеньковской—діаконъ Михаилъ Жадановскій, Ново-Глуховской—діаконъ Андрей Панкратьевъ, Терновской—Михаилъ Самовкинъ; *Старобѣльскаго уѣзда*: Сычевской—діаконъ Алексій Слюсаревъ, Никольской—діаконъ Николай Яблоновскій, Боровской—псаломщикъ Іосифъ Васютинъ, Петро-Павловской—и. д. учителя Павелъ Поповъ, Трехизбянской—Евгевій Бесѣда; *Сумскаго уѣзда*: Сумской Соборной—діаконъ Ѳедоръ Юрковскій и Василій Ситенко, Сумской Николаевской—діаконъ Гавріилъ Полницкій, Рѣченской Троицкой—псаломщикъ Григорій Авимовъ, Юнаковской Рождество-Богородичной—Василій Огинскій, Сумской Пророко-Ильинской—Михаилъ Корнильевъ; *Харьковскаго уѣзда*: Харьковской Александро-Невской—Николай Арефьевъ, Харьковской Всѣхсвятской—діаконъ Павелъ Ѳеоктистовъ, Деркачевской Николаевской—Прокофій Петрусенко, и діаконъ—Андрей Буницынъ; *учительницами школъ*: *Ахтырскаго уѣзда*: Ахтырской соборной—Параскева Рудинская; *Богодуховскаго уѣзда*: Вольновской—Марія Грызодубова, Пархомовской—Анна Мигу-

лина, Больше Писаревской Покровской—Елена Кожушкова; *Валковскаго уѣзда*: Валковской Успенской—Елена Люминарская, Коломакской Успенской—Евдокія Ѳедоровская; *Болшанскаго уѣзда*: Старо-Салтовской—Анна Веселовская, Заводянской—Наталія Чернявская, Варваровской; Терновскаго прихода,—Анна Ломаковская; *Зміевскаго уѣзда*: Березькой Вознесенской—Анна Крутьева, Верхне-Бишкпннской—Анна Котлярова, Звѣдковской—Наталія Яновская, Основовской—Марфа Крештоиевкова; *Купянскаго уѣзда*: Краснянской—Варвара Кура-совская; *Старобѣльскаго уѣзда*: Маньковской—Александра Попова, Волкодавовой—Александра Жуковская; *Сумскаго уѣзда*: Ильмовской—Анна Ильина, Бѣлопольской Пророко-Ильинской—Хіонія Запорож-никова, Юнаковской Преображенской—Елена Краснокутская, Рогоз-нянской—Любовь Петрова, Искрисковской—Татіана Чулкова, Нико-лаевской (шк. грамот.) Надежда Хомницкая.

(Продолженіе будетъ).

Отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища по учебной и нравственно-воспитательной частямъ за 18⁹⁵/₉₆ учебный годъ.

(Продолженіе *).

3. Учебно-воспитательная часть.

а) *Недѣльное распределение уроковъ* въ училищѣ въ отчетномъ году было слѣдующее: *аа) въ приготовительномъ классѣ*—въ понедѣльникъ—Законъ Божій, русскій языкъ, церковное пѣніе, руководѣіе; во вторникъ—русскій языкъ, счисленіе, чистописаніе; въ среду—Законъ Божій, русскій языкъ, счисленіе; въ четвергъ—русскій языкъ, счисленіе, церковное пѣніе; въ пятницу—Законъ Божій, русскій языкъ, чистописаніе, руководѣіе и рисованіе; въ субботу—русскій языкъ, чистописаніе, русскій языкъ; *бб) въ I классѣ*—въ понедѣльникъ—Законъ Божій, русскій языкъ, церковное пѣніе, диктовка; во вторникъ—русскій языкъ, руководѣіе, арифметика, чистописаніе; въ среду—французскій языкъ, чистописаніе, Законъ Божій, арифметика; въ четвергъ—Законъ Божій, диктовка, арифметика, руководѣіе; въ пятницу—Законъ Божій, чистописаніе, русскій языкъ, церковное пѣніе, рисованіе; въ субботу—арифметика, русскій языкъ, французскій языкъ, чистописаніе; *вв) во II нормальномъ классѣ*—въ понедѣльникъ—географія, диктовка, арифметика, руководѣіе; во вторникъ—Законъ Божій, русскій языкъ, чистописаніе, церковное пѣ-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 3, за 1897 г.

ніе; въ среду—Законъ Божій, русскій языкъ, ариѳметика, французскій языкъ; въ четвергъ—ариѳметика, Законъ Божій, географія, диктовка; въ пятницу—ариѳметика, русскій языкъ, французскій языкъ, руководѣіе, рисованіе; въ субботу—церковное пѣніе, Законъ Божій, чистописаніе, русскій языкъ; *и) во II параллельномъ классѣ*—въ понедѣльникъ—чистописаніе, Законъ Божій, русскій языкъ, церковное пѣніе; во вторникъ—диктовка, чистописаніе, ариѳметика, географія; въ среду—руководѣіе, Законъ Божій, русскій языкъ, французскій языкъ; въ четвергъ—русскій языкъ, географія, ариѳметика, руководѣіе; въ пятницу—русскій языкъ, Законъ Божій, французскій языкъ, ариѳметика, рисованіе; въ субботу—Законъ Божій, диктовка, церковное пѣніе, ариѳметика; *дд) въ III нормальномъ классѣ*—въ понедѣльникъ—русскій языкъ, чистописаніе, Законъ Божій, ариѳметика; во вторникъ—диктовка, русскій языкъ, Законъ Божій, ариѳметика; въ среду—географія, французскій языкъ, ариѳметика, церковное пѣніе; въ четвергъ—руководѣіе, русскій языкъ, Законъ Божій, ариѳметика; въ пятницу—французскій языкъ, русскій языкъ, диктовка, руководѣіе, рисованіе; въ субботу—чистописаніе, церковное пѣніе, географія, Законъ Божій; *ее) въ III параллельномъ классѣ*—въ понедѣльникъ—диктовка, Законъ Божій, ариѳметика, чистописаніе; во вторникъ—русскій языкъ, Законъ Божій, церковное пѣніе, диктовка; въ среду—руководѣіе, французскій языкъ, географія, русскій языкъ; въ четвергъ—руководѣіе, ариѳметика, русскій языкъ, Законъ Божій; въ пятницу—французскій языкъ, географія, церковное пѣніе, ариѳметика, рисованіе; въ субботу—чистописаніе, русскій языкъ, Законъ Божій, ариѳметика; *жж) въ IV нормальномъ классѣ*—въ понедѣльникъ—Законъ Божій, церковное пѣніе, географія, диктовка; во вторникъ—чистописаніе, исторія, географія, русскій языкъ; въ среду—церковное пѣніе, Законъ Божій, русскій языкъ, ариѳметика; въ четвергъ—французскій языкъ, географія, руководѣіе, славянскій языкъ; въ пятницу—исторія, руководѣіе, ариѳметика, русскій языкъ, рисованіе; въ субботу—Законъ Божій, чистописаніе, ариѳметика, французскій языкъ; *зз) въ IV параллельномъ классѣ*—въ понедѣльникъ—руководѣіе, ариѳметика, русскій языкъ, географія; во вторникъ—исторія, ариѳметика, русскій языкъ, Законъ Божій; въ среду—чистописаніе, ариѳметика, церковное пѣніе, географія; въ четвергъ—французскій языкъ, Законъ Божій, церковное пѣніе, исторія; въ пятницу—диктовка, географія, славянскій языкъ, чистописаніе, рисованіе; въ субботу—руководѣіе, Законъ Божій, русскій языкъ, французскій языкъ; *ии) въ V нормальномъ классѣ*—въ понедѣльникъ—ариѳметика, географія, Законъ Божій, дидактика; во вторникъ—физика, церковное пѣніе, русскій языкъ, географія; въ среду—Законъ Божій, ру-

кодѣліе, исторія, русскій языкъ; въ четвергъ—Законъ Божій, французскій языкъ, исторія, физика; въ пятницу—церковное пѣніе, арифметика, русскій языкъ, исторія, рисованіе; въ субботу—французскій языкъ, географія, арифметика, исторія; *ii) въ V параллельномъ классѣ*—въ понедѣльникъ—церковное пѣніе, русскій языкъ, географія, исторія; во вторникъ—физика, Законъ Божій, рукодѣліе, арифметика; въ среду—географія, русскій языкъ, Законъ Божій, исторія; въ четвергъ—церковное пѣніе, французскій языкъ, арифметика, исторія; въ пятницу—Законъ Божій, физика, географія, русскій языкъ, рисованіе; въ субботу—французскій языкъ, арифметика, исторія, дидактика; *кк) въ VI нормальномъ классѣ*—въ понедѣльникъ—географія, исторія, дидактика, русская литература; во вторникъ—церковное пѣніе, русская грамматика, космографія, французскій языкъ; въ среду—физика, исторія, геометрія, Законъ Божій; въ четвергъ—географія, церковное пѣніе, Законъ Божій, французскій языкъ; въ пятницу—геометрія, Законъ Божій, физика, русская литература, рисованіе; въ субботу—физика, дидактика, исторія, русская литература; *л л) въ VII параллельномъ классѣ*—въ понедѣльникъ—исторія, дидактика, геометрія, физика; во вторникъ—Законъ Божій, космографія, русская литература, французскій языкъ; въ среду—русская литература, церковное пѣніе, географія, физика; въ четвергъ—физика, Законъ Божій, исторія, французскій языкъ; въ пятницу—геометрія, церковное пѣніе, русская грамматика, географія, рисованіе; въ субботу—русская литература, Законъ Божій, дидактика, исторія.

1-й урокъ продолжается отъ 9-ти до 9 ч. 55 м., 2-й урокъ—отъ 10 ч. 5 м. до 11 ч., 3-й урокъ—11 ч. 30 м. до 12 ч. 25 м., 4-й урокъ—отъ 12 ч. 35 м. до 1 ч. 30 м., 5-й урокъ—отъ 3 ч. до 5 ч.

Сравнительно съ прошлымъ учебнымъ годомъ, въ отчетномъ году въ этомъ распредѣленіи не произошло никакихъ перемѣнъ.

б) Указаніе руководствъ, употребляемыхъ въ Училищѣ, но не указанныхъ въ установленной программѣ.

Въ отчетномъ году употреблялись учебники и учебныя пособія, не указанные въ программѣ, приложенной къ Уставу Епархіальныхъ женскихъ училищъ, по слѣдующимъ предметамъ: аа) по *Закону Божию* въ подготовительномъ классѣ для упражненія въ славянскомъ чтеніи служили: *Чтенія изъ книгъ Ветхаго и Новаго Завета, Пороховникова* и *Евангеліе*; въ 1-мъ классѣ учебникомъ, вмѣсто „Начатковъ Христіанскаго ученія“, служило „*Наставленіе въ Законъ Божіемъ, Протоіерей Петра Смирнова*“; бб) по *русскому языку*—этимологія и синтаксисъ, до сочиненія предложеній по способу сочиненія, проходились

по грамматикѣ *Киртичникова*, остальная часть синтаксиса — по учебнику *Говорова*; теорія словесности проходила по учебнику *Бл. Голорусова*, исторія литературы — по учебникамъ *Орлова* и *Петрова*; учебными пособіями по русскому языку служили: въ приготовительномъ и I классахъ *Хрестоматія Полевого*, во II и III классахъ — „*Родина*“ *Радонежскаго*, въ остальныхъ классахъ — *Хрестоматія Галахова* и *Филонова*; по церковно-славянскому языку -- въ IV и V классахъ употреблялась грамматика *Перевальскаго*; г) по арифметикѣ въ старшихъ классахъ употреблялся учебникъ *Малинина*; учебными пособіями во всѣхъ классахъ служили задачки *Малинина* и *Минина* и *Арбузова*; д) по геометріи въ V и VI классахъ употреблялся учебникъ *Вулиха*; е) по всеобщей и русской исторіи въ VI классѣ — учебникъ *Рождественскаго*; ж) по дидактикѣ въ V классѣ — *итографированныя записки*, составленныя преподавателемъ, а въ VI классѣ — „*Общая дидактика*“, *С. Мирнопольскаго*, *записки преподавателя* и „*Объяснительныя записки по программамъ учебныхъ предметовъ для церковно-приходской школы*“.

в) *Преподаваніе* всѣхъ предметовъ въ отчетномъ году велось по программѣ, намѣченной въ Уставѣ Епархіальныхъ женскихъ училищъ, и подробнымъ программамъ, составленнымъ преподавателями, прпмѣнительно къ Уставу, и утвержденнымъ Епархіальнымъ Начальствомъ. По всѣмъ предметамъ и во всѣхъ классахъ указанныя программы въ отчетномъ году выполнены. Изданныя Св. Синодомъ новыя подробныя программы по всѣмъ предметамъ училищнаго курса, послѣдку онѣ получены только въ концѣ отчетнаго учебнаго года, имѣють быть введены съ начала будущаго 18⁹⁶/97 года.

г) *Распределение письменныхъ упражненій и степень достигаемыхъ ими успѣховъ.*

Письменныя упражненія воспитаницъ въ отчетномъ году, какъ и въ прежніе годы, состояли: аа) *изъ списыванія съ книгъ и диктовки*, которыми въ приготовительномъ классѣ занималась учительница, а въ первыхъ четырехъ штатныхъ классахъ воспитательницы этихъ классовъ, по диктантамъ *Смирновскаго* и *Тихомирова*, въ назначенные для этого описаніемъ уроковъ часы; бб) *изъ грамматическихъ упражненій*, классныхъ и домашнихъ, которыя велись преподавателями русскаго языка, параллельно съ уроками грамматиками и вв) *изъ сочиненій*, классныхъ и домашнихъ, которыя въ первыхъ трехъ штатныхъ классахъ назначались исключительно учителями русскаго языка, а въ остальныхъ классахъ, кромѣ того, и преподавателями некоторыхъ другихъ предметовъ,

именно: Закона Божія, гражданской исторіи, географіи и дидактики. Сочиненія эти въ I, II и отчасти въ III классѣ состояли изъ разсказовъ и описаній по даннымъ статьямъ, во второе полугодіе въ III классѣ и въ IV классѣ—изъ разсказовъ и описаній самостоятельныхъ, въ V и VI классахъ изъ такихъ же самостоятельныхъ разсужденій. Каждое сочиненіе сопровождалось кратко изложеннымъ планомъ, который въ низшихъ классахъ вырабатывался предварительно въ классѣ воспитанницами при помощи преподавателя, а въ III, IV, V и VI классахъ составлялся учащимися самостоятельно. Темы для сочиненій въ I и II классахъ назначались самостоятельно преподавателями русскаго языка, которые избирали и время для классныхъ сочиненій и назначали сроки для сочиненій домашнихъ, руководясь только тѣмъ правиломъ, чтобы послѣднія давались не менѣе одного раза въ мѣсяцъ; для III, IV, V и VI классовъ выборъ темъ и опредѣленіе сроковъ для написанія сочиненій производились Совѣтомъ и утверждались Его Высокопреосвященствомъ.

Въ продолженіе отчетнаго года воспитанницы III класса написали 7 сочиненій по русскому языку, 2 классныхъ и 5 домашнихъ; воспитанницы IV класса написали 7 сочиненій, 1 классное и 6 домашнихъ, въ томъ числѣ 4 сочиненія по русскому языку, 1 по Закону Божію, 1 по исторіи и 1 по географіи; воспитанницы V класса написали 7 сочиненій, 1 классное и 6 домашнихъ, въ томъ числѣ 4 сочиненія по русскому языку, 1 по Закону Божію, 1 по исторіи и 1 по географіи; воспитанницы VI класса написали 7 сочиненій, 1 классное и 6 домашнихъ, въ томъ числѣ 3 сочиненія по русскому языку, 1 по Закону Божію, 1 по исторіи, 1 по географіи и 1 по дидактикѣ.

Кромѣ выше указанныхъ сочиненій, воспитанницы III, IV, V и VI классовъ составляли въ мѣсяцъ по одному письменному арифметическому отвѣту, въ которомъ подробно излагали весь ходъ рѣшенія данной задачи.

Предъ устными испытаніями воспитанницы обоихъ отдѣленій VI класса написали экзаменское экспромтовое сочиненіе, тему для котораго дали и написанное сочиненіе прочитали преподаватели русскаго языка въ VI классѣ, каждый въ чужомъ отдѣленіи класса.

Баллы письменныхъ упражненій воспитанницъ подготовительнаго, I и II классовъ присоединялись учителями русскаго языка къ отвѣткамъ за устные отвѣты и изъ тѣхъ и другихъ выводились общіе баллы по этому предмету, двухмѣсячные и годовые. Начиная же съ III класса, баллы письменныхъ упражненій по всемъ предметамъ вносились инспекторомъ классовъ въ особую вѣдомость, затѣмъ изъ нихъ сдѣланъ средній выводъ, сложенъ со среднимъ выводомъ устныхъ отвѣтовъ по русскому языку и изъ этихъ двухъ выводовъ составленъ общій баллъ по этому предмету.

Успѣхи воспитанницъ въ письменныхъ упражненіяхъ въ отчетномъ году можно признать хорошими. Въ экзаменскихъ сочиненіяхъ выпускныхъ воспитанницъ грубыхъ грамматическихъ и орфографическихъ ошибокъ подалось очень мало; написаны эти сочиненія вообще связно и послѣдовательно; сочиненія же лучшихъ воспитанницъ оказались во всѣхъ отношеніяхъ очень хорошими, а по грамотности—почти безупречными.

Въ среднемъ выводѣ за годъ воспитанницы старшихъ классовъ получили по сочиненіямъ слѣдующіе баллы.

III нормальный классъ (45 воспитанницъ).

Балль 5	получили	3	воспитанницы,	или	6,66.
— 4	—	11	—	—	24,44.
— 3	—	22	—	—	48,88.
— 2	—	9	—	—	20.
Средній балль всего класса					3,17.

III параллельный классъ (44 воспитанницы).

Балль 5	получили	2	воспитанницы,	или	4,54.
— 4	—	7	—	—	15,90.
— 3	—	27	—	—	61,38.
— 2	—	8	—	—	18,18.
Средній балль всего класса.					3,06.

IV нормальный классъ (52 воспитанницы).

Балль 5	получили	2	воспитанницы,	или	3,86.
— 4	—	11	—	—	21,15.
— 3	—	39	—	—	75.
Средній балль всего класса.					3,28.

IV параллельный классъ (55 воспитанницъ).

Балль 4	получили	12	воспитанницъ,	или	21,81.
— 3	—	41	—	—	74,54.
— 2	—	2	—	—	3,63.
Средній балль всего класса					3,18.

V нормальный классъ (38 воспитанницъ).

Балль 5	получила	1	воспитанница,	или	2,63.
— 4	—	11	—	—	28,94.
— 3	—	23	—	—	60,52.
— 2	—	3	—	—	7,89.
Средній балль всего класса					3,26.

V параллельный классъ (36 воспитанницъ).

Балль 4	получили	5	воспитанницъ,	или	13,88.
---------	----------	---	---------------	-----	--------

— 3	—	29	—	—	80,55.
-----	---	----	---	---	--------

— 2	—	2	—	—	5,55
-----	---	---	---	---	------

Средній балль	всего класса	3,08.
---------------	--------------	-----------	-------

VI нормальный классъ (36 воспитанницъ).

Балль 5	получили	3	воспитанницы,	или	8,33.
---------	----------	---	---------------	-----	-------

— 4	—	10	—	—	27,77.
-----	---	----	---	---	--------

— 3	—	23	—	—	63,88.
-----	---	----	---	---	--------

Средній балль	всего класса	3,44.
---------------	--------------	-----------	-------

VII параллельный классъ (29 воспитанницъ).

Балль 5	получили	2	воспитанницы,	или	6,89.
---------	----------	---	---------------	-----	-------

— 4	—	9	—	—	31,03.
-----	---	---	---	---	--------

— 3	—	18	—	—	62,06.
-----	---	----	---	---	--------

Средній балль	всего класса	3,44.
---------------	--------------	-----------	-------

Примѣчаніе. Въ эту вѣдомость вошли только тѣ воспитанницы, которыя представили все, или, по крайней мѣрѣ, большую часть годовыхъ сочиненій.

(Продолженіе будетъ).

Епархіальныя извѣщенія.

Награждены скуфіею священники: Преображенской церкви с. Ворожбы, Лебединскаго уѣзда, Петръ *Рубинскій*; Николаевской церкви с. Боброва, Лебединскаго уѣзда, Іоаннъ *Браиловскій*; Варваровской церкви с. Верхней Верховулки, Лебединскаго уѣзда, Михаилъ *Федоровскій* и Успенской церкви, с. Верхней Сыроватки, Сумскаго уѣзда, Василій *Соколовскій*.

— Исцеломникъ Николаевской церкви с. Буймера, Лебединскаго уѣзда, окончившій курсъ въ Харьковской Духовной Семинаріи Платонъ *Ведримскій*, 2 февраля н. г. рукоположенъ въ санъ діакона къ той же церкви.

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Въ Бозѣ почившій Іерусалимскій Патріархъ Герасимъ.—Плоды безрелигіозной школы.—Отношеніе духовенства къ земскимъ школамъ.—Признательность пасомыхъ своему пастырю.—Благотворная дѣятельность сельскаго пастыря.—Нужда въ Сибіри въ кандидатахъ священства.—Вождя раскола.—Епархіальные проповѣдническіе комитеты.—Московское училище церковнаго пѣнія.—О времени причащенія младенцевъ.—О прислуживаніи дѣтей въ алтарѣ.—Благоустройство имущественныхъ дѣлъ церквей и мѣры къ улучшенію положенія духовенства.—Касса единовременныхъ пособій оспротѣвшаго семьямъ священно-церковно-служителямъ.—Средства противъ чумы.—Лѣченіе проказы.

Телеграфъ принесъ изъ Іерусалима извѣстіе о кончинѣ блаженнѣйшаго владыки, патріарха Іерусалимскаго Герасима, скончавша-

гося, послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни, рака печени, въ воскресенье, 9 февраля, въ 1 ч. 30 м. пополудни. Въ Бозѣ почившій владыка родился на полуостровѣ Пелопоннезѣ и юношей былъ привезенъ родителями въ Иерусалимъ, на воспитаніе, къ своему дядѣ, архіепископу Лидскому. По достиженіи 15 лѣтъ, онъ былъ опредѣленъ въ Иерусалимскую богословскую школу, гдѣ блестяще окончилъ курсъ въ 1864 году, а въ слѣдующемъ году, рукоположенный во іеродіакона, отправленъ былъ въ Аѳинскій университетъ, въ которомъ и окончилъ курсъ по математическому факультету. По возвращеніи въ Иерусалимъ, онъ назначенъ былъ преподавателемъ математики въ богословской патриаршей школѣ. Въ 1870 году патриархъ Иерусалимскій Кириллъ рукоположилъ его въ санъ іероманаха, а затѣмъ и архимандрита, а въ 1874 году назначилъ первымъ секретаремъ Иерусалимской патриархіи. Высоко образованный, талантливый инокъ, полный жизненныхъ силъ, энергіи и любви къ труду и наукѣ, невольно обращалъ на себя вниманіе патриарха и Синода, и потому, несмотря на молодые лѣта, былъ хиротонисанъ во епископа Филадельфійскаго и назначенъ представителемъ Иерусалимской патриархіи въ Константинополь. Въ 1878 году, во время Берлинской конференціи, всѣ восточные патриархи уполномочили его быть представителемъ ото всѣхъ патриаршихъ престоловъ для защиты принадлежавшихъ Восточной Церкви имѣній, секвестрованныхъ Румынскимъ княземъ Кузой, а въ 1882 году, по возвращеніи изъ Берлина, онъ былъ возведенъ въ санъ митрополита Скиеопольскаго. Въ 1885 году по кончинѣ патриарха Антіохійскаго Героея, владыка избранъ былъ Антіохійскимъ патриархомъ, а въ 1891 году вступилъ на святѣйшій апостольскій патриаршій престолъ св. града Иерусалима и всей Палестины. Острая желудочная болѣзнь, особенно усилившаяся въ послѣдній годъ, заставила блаженнѣйшаго патриарха предпринять поѣздку въ Парижъ для врачебнаго совѣта со свѣтлами медицинской науки. Проведенные его блаженствомъ три мѣсяца въ тепломъ климатѣ Франціи и въ южныхъ городахъ Европы нѣсколько возстановили его слабое здоровье, и проблескъ надежды, въ виду нѣкотораго улучшенія въ здоровьѣ его блаженства, заставлялъ забывать серіозность болѣзни. Но состояніе здоровья владыки, по возвращеніи его въ Иерусалимъ, все ухудшалось и не оставляло надежды на спасеніе его жизни. Господь отозвалъ душу святителя. Да упокоитъ же Онъ ее въ селеніяхъ праведныхъ и нѣдрахъ Авраамовыхъ!

«Моск. Вѣд.»

— Извѣстно, что въ настоящее время нѣкоторые кружки стоятъ за независимость начального народнаго образованія отъ вліянія церкви и ея пастырей. Гибельные плоды желательной для нихъ постановки народной школы обнаружались уже всюду, гдѣ завелась такія школы. Въ Австраліи десятилѣтній опытъ безрелигіозной начальной школы привелъ къ самымъ печальнымъ результатамъ. Въ Мельбурнѣ и Викторіи за послѣдніи десять лѣтъ народонаселеніе увеличилось на 32 проц., между тѣмъ число преступленій увеличилось на 64 проц. съ дробью. Число почитителей начальной школы за это же время возрасло на 43 проц. между тѣмъ на юношей около 21 года приходится теперь преступленій на 88 проц. болѣе, чѣмъ десять лѣтъ тому назадъ. И дѣло здѣсь не въ самомъ образованіи, а въ его характерѣ, въ его безрелигіозности, такъ какъ изъ школы изгнано не только преподаваніе Закона Божія, но всякое напоминаніе о Библіи, проведенное такъ строго, что изъ помѣщенныхъ въ учебникахъ стихотвореній вычеркнуты строки съ указаніемъ на эту священную книгу. И во Франціи повѣяло уже другимъ духомъ. Воспитанное внѣ спасительнаго вліянія церкви юношество по своимъ нравственнымъ принципамъ и духовному складу оказывается такимъ беспочвеннымъ, даже опаснымъ элементомъ въ обществѣ, что приводитъ въ смущеніе даже фанатичныхъ защитниковъ безрелигіозной школы. Оно и понятно: вѣдь при исключеніи изъ школы облагораживающаго дѣйствія вѣры, мѣсто ея остается пустымъ и человѣческому эгоизму и страстямъ дается полный произволъ. «Спб. Дух. Вѣст.».

— Окончившаяся сессія уѣздныхъ земскихъ собраній, о которой начинаютъ уже проникать свѣдѣнія въ печать, ознаменовала свою дѣятельность тѣмъ, что на передній планъ выдвинула вопросъ о всеобщемъ обученіи. Разными земствами сдѣланы крупныя ассигнованія на расширеніе учебнаго дѣла, постройку и открытіе новыхъ школъ, увеличеніе жалованья учителямъ и т. д. Не обошлось дѣло и безъ заявленій враждебнаго характера противъ церковно-приходскихъ школъ. Враждебность эта тѣмъ болѣе предосудительна, что въ сельскомъ духовенствѣ, на которомъ главнымъ образомъ держатся школы, обнаруживается настроеніе совершенно противоположнаго свойства. А что дѣйствительно сельское духовенство не питаетъ враждебныхъ чувствъ къ земскимъ школамъ и голословныя заявленія недоброжелателей духовенства, будто оно агитируетъ противъ этихъ школъ, не имѣютъ фактическаго основанія, въ подтвержденіе этого «Цер. Вѣст.» ссылается на корреспонденцію «С.-Пет.

Вѣд.» въ которой перечислены слѣдующіе случаи, имѣвшіе мѣсто въ нижегородскомъ уѣздѣ. Крестьяне д. Ф. уполномочиваютъ мірскимъ приговоромъ священника сосѣдняго села психодатайствовать имъ субсидію на постройку земскаго училища; онъ получаетъ деньги изъ земской управы, ѣздитъ нѣсколько разъ къ директору училищъ и въ управленіе государственными имуществомъ для психодатайствованія объ отпускѣ казеннаго лѣса по удешевленной цѣнѣ, теряетъ на все это и свое время, и свои средства. Въ д. К. крестьяне также составляютъ приговоръ объ открытіи земской школы, но убѣжденію мѣстнаго священника, который самъ привозитъ приговоръ въ управу и ходатайствуетъ объ удовлетвореніи просьбы крестьянъ. Точно также въ управу лично является священникъ с. Н. съ просьбой помочь устроить училище, такъ какъ въ средѣ крестьянъ есть разногласіе, предлагаетъ даже отдать подъ школу свой домъ. Для школы въ д. И. (не устроеншейся, такъ какъ тамъ есть школа грамоты) сосѣдній священникъ предлагалъ отдать срубы и помочь деньгами. Въ бѣдной деревушкѣ Ш. земская школа устроилась единственно благодаря дьякону Л., который отдалъ крестьянамъ свой домъ и употребилъ много хлопотъ, тратя свои деньги, чтобы довести дѣло до конца, такъ какъ крестьяне, въ виду разъясненія мѣстнаго земскаго начальника относительно предстоящихъ большихъ затратъ на школу, отказались было отъ ея устройства. Священникъ З. на своемъ хуторѣ устроилъ земскую школу со своимъ отопленіемъ, и сначала состоялъ въ ней и учителемъ, и законоучителемъ, получая небольшую субсидію отъ земства, пока послѣднее не ассигновало средства на приглашеніе отдѣльнаго учителя. Всѣ эти факты и имъ подобныя случились въ послѣдніе два года и въ одномъ только уѣздѣ. А сколько еще такихъ же фактовъ, указывающихъ на сочувствіе къ земской школѣ со стороны мѣстнаго духовенства, остаются неизвестными! При томъ всѣ эти хлопоты и старанія отнюдь нельзя считать вытекающими изъ своекорыстныхъ расчетовъ, такъ какъ плата за законоучительство, въ 35—40 рублей, не такъ велика, чтобы могла заинтересовать законоучителей, да при томъ же изъ нея иногда приходится покрывать расходы на поѣздки въ училище для преподаванія Закона Божія.

— Трудъ православныхъ священниковъ, совершаемый съ любовью, вызываетъ и въ паствахъ любовь къ нимъ, которая выражается иногда весьма трогательно. Въ прошломъ декабрѣ на пмя преосвященнаго екатеринославскаго, по сообщенію мѣстныхъ

«Епарх. Вѣд.», поступило слѣдующее ходатайство крестьянъ с. Александровки, бахмутскаго уѣзда: «Желая выразить нашу любовь и признательность нашему приходскому священнику, о. Н. И., за его истинную пастырскую заботливость о духовныхъ нашихъ пуждахъ въ продолженіе семплѣтняго служенія его въ нашемъ приходѣ, покорнѣйше просимъ ваше преосвященство принять представленныя при семъ деньги отъ добротныхъ жертвователей, какъ единовременный членскій взносъ нашего священника, и ходатайствовать объ избраніи его дѣйствительнымъ членомъ Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества». Какъ много (замѣчается по этому поводу въ епархіальномъ журналѣ) говорятъ это ходатайство о силѣ христіанской любви, которая соединяетъ въ одну дружную семью вокругъ добраго пастыря его прихожанъ.

— Въ «Кур. Губ. Вѣд.» напечатано слѣдующее сообщеніе генерала А. И. Косича въ Кіевскомъ обществѣ грамотности подъ заглавіемъ: „Замѣчательный сельскій учитель“.—Въ селѣ Брыковѣ мнѣ пришлось побывать въ 1887 году, лѣтомъ. Въ то время священника, о которомъ упоминаетъ генералъ Косичъ, въ Брыковѣ уже не было, но память о немъ еще слыла въ народѣ, а при пріемникѣ его не только не заглохло посѣянное, но возросло сторицею. Въ село Брыковъ мы пріѣхали часовъ въ 9 утра, въ одно изъ воскресеній, когда на колокольнѣ начался благовѣстъ. Церковь была пуста, и только около клироса стояли четыре крестьянскихъ мальчика, изъ коихъ одинъ громко и внятно читалъ часы. Священникъ совершалъ проскомидію, и черезъ боковыя врата я увидѣлъ четырехъ мальчковъ, стоявшихъ на колѣняхъ у престола и читавшихъ поминанія. На стѣнѣ, около которой я сталъ вписывать листъ бумаги съ надписью, смыслъ которыхъ я понялъ лишь впоследствии: „Руку будетъ давать Иванъ, „Вѣрую“ прочтаетъ Марія, Апостолъ прочтаетъ Дарья, 1 часъ—Захарій“ и пр. Между тѣмъ богомольцы начали дружно собираться раздѣляясь на двѣ половины и оставляя широкій проходъ посрединѣ: женщины становились на лѣво, мужчины—на право, дѣти заняли мѣста впереди рядами. Къ началу литургіи церковь наполнилась: в входящихъ и выходящихъ больше я не замѣчалъ. Послѣ возгласа, «благословенно царство» всѣ присутствовашіе дружнымъ и стройнымъ хоромъ пропѣли аминь, и затѣмъ всѣ пѣсноуѣнія, въ теченіе всей обѣдни пѣли всѣ молящіеся, и, повторяю, пѣли очень стройно. Впереди стоялъ мальчикъ и „давалъ руку“—дирьжировалъ поющими, иногда прислушиваясь къ камертону.

священника (служба происходила безъ діакона) были внятны и слышались во всѣхъ концахъ церкви. Изъ посланій апостоловъ прочла дѣвушка, чтеніе было удивительно осмысленное, а послѣ евангелія объ исцѣленіи кровоточивой жены, священникъ объяснилъ прочтанное, заключивъ сказанное назиданіемъ о силѣ вѣры. Символь вѣры былъ прочтенъ громко и внятно одною изъ дѣвушекъ, и всѣ молящіеся вполголоса повторяли каждое слово. Передъ причастными стихами, священникъ объяснивъ о землетрясеніи, постигшемъ г. Вѣрный, пригласилъ къ пожертвованіямъ, и когда ему была подача тарелка съ приношеніями, онъ произнесъ молитву: „Прими, Господи, сказалъ онъ, между прочимъ, и нашу трудовую, потомъ добываемую, копейку“... За причастными стихами слѣдовало пѣніе опять всѣми молящимися: „Кресту Твоему поклоняемся“, „Достойно есть“... и проч. Кто не слышалъ общаго пѣнія въ церкви, тотъ не можетъ себѣ и представить, какое сильное впечатлѣніе производитъ оно. Ни одинъ изъ чудныхъ хоровъ не можетъ сравниться съ нимъ; опасеніемъ на отсутствіе стройности въ пѣніи нѣтъ мѣста, тѣмъ больше, что наша церковные напѣвы просты и въ этой простотѣ велики, а главное, всѣ молящіеся принимаютъ участіе въ богослуженіи; такимъ оно, несомнѣнно, было издревле. Все поражало меня въ этомъ бѣдномъ сельскомъ храмѣ: и общее пѣніе молящихся малороссовъ въ сѣрыхъ свиткахъ и необыкновенная простота и жизненность, если такъ можно выразиться, богослуженія. Но удивленію моему не было конца, и слезы невольно навернулись, когда, послѣ обѣдни, священникъ, вышедши на амвоу, произнесъ: „Наступаетъ рабочая пора, Богъ послалъ намъ урожай, возблагодаримъ же Господа и помолимся ему, да укрѣпитъ Онъ наши спины въ наступающемъ трудовомъ времени“. Всѣ молящіеся ринулись вмѣстѣ съ священникомъ на колѣни, и новый могучій вопль къ Богу огласилъ стѣны убогаго храма въ молебномъ пѣснопѣніи.. Прочитавши отпустъ, священникъ осѣнилъ крестомъ сторону, гдѣ стояли женщины, и сначала дѣти, а затѣмъ и взрослые рядами, тихо и благоговѣйно начали выходить изъ церкви: затѣмъ священникъ осѣнилъ крестомъ оставшихся мужчинъ, и они тѣмъ же порядкомъ оставили церковь. Богослуженіе окончилось въ началѣ 1 часа. Все это было такъ ново для меня и такъ, повторяю, поразило меня, что я тогда же обратился за разъясненіями. Начать обѣдню раньше 9 часовъ, сказали мнѣ, значило-бы лишить дѣтей возможности бывать въ церкви, такъ какъ они выгоняютъ скотъ на росу и пасутъ его до 9 часовъ

—начала жары. Но преслѣдуются и другія, болѣе деликатныя цѣли. Кабаковъ до обѣда не открываютъ, а пробывши въ церкви до 12^{1/2} часовъ, крестьянинъ послѣдитъ домой обѣдать, а въ 4 часа зvonятъ къ вечернѣ, послѣ которой священникъ устраиваетъ чтенія и бесѣды съ пѣніемъ. Симвомъ вѣры читается, а не поется потому: 1) что это установлено обычаями, а 2) и главное, населеніе, нѣкогда уніатское, будетъ лучше запоминать символъ вѣры. Священникъ, къ сожалѣнію мы теперь не можемъ вспомнить его имени и фамиліи, пользуется любовью и уваженіемъ не только своихъ прихожанъ, но даже еврей, какъ намъ передавали, откликнулся сочувственно къ священнику, когда у него сгорѣлъ домъ, и пришли къ нему на помощь. На другой и третій день послѣ посѣщенія нами церкви села Брыкова, въ полѣ, мы слышали чудное, стройное пѣніе „Хвалите имя Господне“, „Спаси Господи“, и проч. То пѣли крестьяне села Брыково, возвращаясь съ полевыхъ работъ. На этихъ поляхъ нѣкогда Данилъ Галлицкій разбилъ угровъ (венгеровъ).

— Съ проведеніемъ желѣзной дороги на далекій востокъ, Сибирь все болѣе и болѣе привлекаетъ къ себѣ вниманіе правительства и общества. Крупныя административныя реформы слѣдуютъ одна за другою, вызываемыя самою жизнью. Увеличеніе населенія создаетъ новые запросы, и среди нихъ вопросы о церкви и школѣ получаютъ значеніе насущнаго интереса. Необходимость устройства значительнаго числа церквей по линіи великаго Сибирскаго желѣзнаго пути была предусмотрена своевременно и указана Обществу благочестивыми заботамъ покойнаго Государя Александра III. Общія мѣры по обезпеченію матеріальнаго быта духовенства распространены и на Сибирь. Однако, вслѣдствіе трудности службы въ этой, до сихъ поръ малопзвѣстной части нашего обширнаго отечества, при значительномъ недостаткѣ кандидатовъ священства изъ мѣстныхъ уроженцевъ, сибирскіе преосвященные вынуждены приглашать изъ Европейской Россіи, какъ служащихъ священниковъ, такъ и неполучившихъ назначенія по окончаніи курса семинаристовъ, для занятія приходскихъ священническихъ мѣстъ, особенно въ крестьянскихъ селеніяхъ. Мѣста этого рода не мало пустуютъ даже въ сравнительно недалежныхъ частяхъ Сибири, какъ губернія Тобольская или области Акмолинская и Семипалатинская, и это явленіе наблюдается при существованіи жалованья отъ казны (по 400 рублей, кромѣ братскихъ доходовъ), при готовой квартирѣ, при выдачѣ установленныхъ прогоновъ, суточныхъ (по 60 коп.) и пособія на первоначальное обзаведеніе (по 300

рублей; отношеніе Омской духовной Конспсторіи въ «Рязанск. Еп. Вѣд.» 1897 г. № 1). Будемъ думать, что при начавшемся оживленіи всѣхъ сторонъ сибирской жизни не далеко то время, когда она своими особенностями перестаетъ отталкивать достойныхъ дѣятелей на нивѣ духовной подобно тому, какъ нынѣ она не страшитъ уже землепашцевъ коренной Россіи, массами переходящихъ Уралъ на новыя земли. Въ худшемъ положеніи находится дѣло постройки церквей и благоустройства ихъ въ новыхъ селеніяхъ, создаваемыхъ переселенческою волной вѣдъ района сибирской жел. дороги. Въ послѣдніе годы малоземелье въ предѣлахъ европейской Россіи вытѣснило въ Сибирь сотни тысячъ крестьянъ. Тяжесть дальняго пути, безпомощность въ трудномъ дѣлѣ отысканія свободныхъ удобныхъ земель, безконечно разнообразныя невзгоды, которыми такъ богата жизнь переселенцевъ, дѣлаютъ весьма затруднительнымъ ихъ матеріальное положеніе, а отсутствіе церкви и школы довершаютъ несчастье. Истомленные жизненною борьбой, эти люди крайне нуждаются въ духовномъ утѣшеніи, и лишеніе тѣмъ болѣе чувствительно для нихъ, что въ большинствѣ они на родимѣ привыкли къ болѣе или менѣе широкому удовлетворенію своихъ религіозныхъ потребностей. Духовно алчущіе и жаждущіе переселенцы справедливо называютъ себя „голодными“. Естественно, они ищутъ отклика на свою нужду тамъ, гдѣ ихъ лучше могутъ понять и скорѣе помочь—въ коренной Россіи. Съ такимъ прошеніемъ о помощи въ постройкѣ храма обратились къ преосвященному Волынскому жптели поселка Таврическаго. Прошло 5 лѣтъ, какъ они въ числѣ 60 семействъ переселились въ Семипалатинскую область и, причислившись въ казачье сословіе, основали здѣсь поселокъ Таврическій; истратившись на дальній путь, кое-какъ устроились въ землянкахъ и занялись ходатайствомъ, но чрезъ три года страшный степной пожаръ осенью истребилъ у большинства изъ нихъ усадьбы съ хлѣбомъ и всѣмъ имуществомъ. Въ великой нуждѣ при помощи благотворителей стали строить храмъ: нѣтъ для новаго храма ни колокола, ни иконостаса, ни пюконъ, ни облаченій, ни утварц. Конечно, преосвященный Волынскій пзъ простаго чувства христіанской любви не отказалъ такимъ просителямъ и разрѣшилъ сборъ пожертвованій въ своей епархіи («Волын. Еп. Вѣд.» 1897 г. № 1—2). Въ настоящее время, съ возникновеніемъ особаго административнаго учрежденія, вѣдающаго переселенческое дѣло, назрѣвшій вопросъ объ устройствѣ быта переселенцевъ, должно надѣяться, получить надлежащее разрѣшеніе,

а съ улучшеніемъ быта будетъ меньше встрѣчаться подобныхъ случаевъ духовной нужды; впрочемъ правильное удовлетвореніе потребностей религіозно-правственной жизни русскихъ переселенцевъ, перѣдко затерянныхъ среди массы инородческаго населенія, само по себѣ представляеть дѣло большой государственной важности—въ цѣляхъ колонизаціонныхъ, которое не должно быть чуждо каждому русскому человѣку. «С.-Пет. Дух. Вѣст.».

— Въ настоящее время уже всѣмъ извѣстно, что среди вождей именуемыхъ старообрядцевъ мало убѣжденныхъ въ правотѣ ихъ вѣры людей, а большая часть изъ нихъ пребываетъ въ расколѣ не по совѣсти, а сквернаго рада прибытка. Въ редакцію журнала «Жормчій» прислана корреспонденція миссіонера Турутина изъ Нижегородской и Владимірской епархій, свидѣтельствующая о томъ, что дѣйствительно мало убѣждены въ правотѣ своего упованія вожди раскола и какія они употребляютъ недостойныя попытки для поддержанія раскола. Этотъ миссіонеръ вмѣстѣ съ мѣстными вождями раскола: Θεодоромъ Кудасовымъ, Владиміромъ Сѣдовымъ и Андреемъ Володиминымъ ѣздилъ на открытіе мощей святителя Θεодосія въ Черниговъ, вмѣстѣ съ ними былъ допущенъ къ освидѣтельствованію св. мощей, вмѣстѣ съ ними подписывался къ акту, составленному послѣ сего освидѣтельствованія, къ акту, въ которомъ раскольническими начетчиками удостовѣрялась нетлѣнность мощей святителя Θεодосія. Послѣ сего, кажется, что названные начетчики должны бы другихъ убѣждать въ томъ, свидѣтелями чего сами были, какъ они и обѣщались при гробѣ святителя Θεодосія, на самомъ же дѣлѣ вышло совершенно наоборотъ: врагъ рода человѣческаго очень силенъ, противъ его козней не въ сплахъ были устоять и названные начетчики, видя выгоду ихъ положенія въ расколѣ склонили ихъ употреблять усилія не къ тому, чтобы увѣрить своихъ годовѣрцевъ въ нетлѣніи св. мощей свят. Θεодосія, а къ тому, чтобы распространять между ними ложныя толки о сихъ мощахъ. Миссіонеръ Турутинъ объ этомъ сообщаетъ, что сіи начетчики, возвратившись изъ Чернигова къ себѣ, стали распространять, что на рукахъ у святителя Θεодосія положены перчатки, и что когда перчатки имъ отняли, то оказалось, что всѣхъ пальцевъ на рукахъ нѣтъ: отгнили. Главнымъ распространителемъ сей лжи былъ Θεодоръ Кудасовъ. По сему потребовалось для опроверженія лжи и успокоенія православныхъ составить такое собраніе, на которомъ бы были миссіонеръ Турутинъ и ѣздившіе съ нимъ начетчики. Такое собраніе состоялось 26 декабря въ Выксунскомъ

заводѣ; на немъ начетчики Θεодоръ Кудасовъ и Андрей Володинъ, послѣ прочтенія имъ акта объ освидѣтельствованіи раскольниками мощей святителя Θεодосія, не могли уже говорить ложь и единогласно подтвердили, что актъ написанъ вѣрно и подписанъ ими добровольно, а не принужденно, и что тѣло св. Θεодосія Черниговскаго, руки котораго имъ отрывали, нетлѣнно и пальцы на рукахъ всѣ цѣлы и невредимы. Такъ раскольники еще разъ засвидѣтельствовали торжественно о нетлѣннѣи мощей святителя Θεодосія, но пребудутъ ли вѣрны на своемъ словѣ и какое имъ нужно болѣе осязательное доказательство истинности и спасительности православной церкви.

— Важнѣйшее послѣ церковнаго богослуженія средство къ религіозному просвѣщенію народа—церковная проповѣдь—нынѣ приближается къ народному пониманію и дѣлается болѣе доступною для народа. Къ особенному попеченію объ этомъ призваны въ нѣкоторыхъ епархіяхъ особые проповѣдническіе комитеты. Одинъ изъ такихъ комитетовъ, существующій въ подольской епархіи, нынѣ нѣсколько преобразуется именно въ интересахъ лучшей постановки церковной проповѣди. По словамъ мѣстнаго епархіальнаго журнала, до послѣдняго времени главное вниманіе комитета обращено было на дѣло катихизаціи въ епархіи. Съ конца прошлаго года кругъ обязанностей комитета расширенъ. Теперь онъ будетъ обращать серьезное вниманіе и на обычныя проповѣди приходскихъ пастырей. Послѣдніе часто проповѣдуютъ на темы, не имѣющія отношенія къ жизни ихъ паствы, или на темы отвлеченныя, мало пригодныя особенно для сельской церковной кафедры. Въ виду этого предложено проповѣдническому комитету указать темы, на какія въ настоящее время, примѣнительно къ обстоятельствамъ и условіямъ жизни подольской паствы, должны преимущественно проповѣдывать городскіе и сельскіе священники. Но такъ какъ многіе проповѣдники могутъ затрудняться при составленіи поученій на указанныя комитетомъ темы или же могутъ развивать эти темы не въ томъ направленіи, какое требуется, то членамъ комитета поручено составить образцы поученій на выработанныя темы, и напечатать ихъ въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ для руководства.

— Довольно давно уже въ епархіяхъ наблюдается стремленіе придать чисто церковный характеръ существующему въ православныхъ церквахъ исполненію священныхъ пѣсполѣній, освободивъ его отъ приданныхъ ему особенностей, которыя расчужданы

только на музыкальный эффектъ и чужды духу церковной музыки. Съ этою цѣлью по мѣстамъ обращается вниманіе на характеръ подготовки и музыкальное образованіе регентовъ. Въ указанномъ отношеніи обѣщаетъ быть очень полезнымъ предстоящее съ начала будущаго учебнаго года преобразование московскаго синодальнаго училища церковнаго пѣнія на новыхъ основаніяхъ. По сообщенію «Церк. Вѣст.», училище имѣетъ цѣлью содѣйствовать развитію церковнаго пѣнія въ духѣ строгаго православія путемъ правильной постановки преподаванія этого предмета въ школахъ и умѣлаго руководства церковно-пѣвческими хорами. Окончившіе курсъ этого учебнаго заведенія получаютъ званіе „регентовъ и учителей церковнаго пѣнія“, пользуются преимущественнымъ правомъ преподаванія пѣнія въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ и регентованія въ церковно-пѣвческихъ хорахъ. Училище будетъ состоять изъ девяти классовъ и раздѣляться на два отдѣленія— пѣвческое (первые пять классовъ) и регентское, съ годичнымъ курсомъ въ каждомъ классѣ. Окончившіе курсъ пѣвческаго отдѣленія получаютъ права прошедшихъ дух. училище, а выпущенные изъ IX класса пользуются правомъ окончившихъ курсъ среднихъ учеб. заведеній. Въ училище принимаются мальчики всѣхъ сословій, но дѣтямъ православнаго духовенства, въ виду специальной цѣли училища, отдается предпочтеніе предъ другими мальчиками. При училищѣ существуетъ сто казенныхъ вакансій; кромѣ того принимаются ученики на правахъ пансіонеровъ, полупансіонеровъ и приходящихъ; полные пансіонеры платятъ 135 руб. въ годъ. Когда за время обученія въ первомъ отдѣленіи окажется, что воспитанникъ не особенно способенъ къ усвоенію специальныхъ предметовъ училища (музыкальныхъ), онъ готовится къ переходу въ духовную семинарію.

— По сообщенію «Орл. Еп. Вѣд.», священникъ Самарской губ., Бугурусланскаго уѣзда, с. Исакловъ Павелъ Капдальскій вошелъ къ своему преосвященному съ прошеніемъ, конемъ онъ, въ виду устранинія во время священной литургіи шума, происходящаго отъ массы плачущихъ дѣтей, приносимыхъ для причащенія и шороха самыхъ матерей, успокаивающихъ дѣтей, чѣмъ много нарушается благоговѣйное настроеніе молящихся, а, пожалуй и самое богослуженіе не мало теряетъ въ своемъ чинѣ, при чемъ время, которое длится за причащеніемъ младенцевъ, утомляетъ предстоящихъ, разсѣваетъ ихъ мысли и побуждаетъ съ нетерпѣніемъ ожидать конца св. причащенія,—ходатайствовалъ предъ его пре-

освященствомъ о разрѣшеніи ему причащать младенцевъ, смотря по надобности, послѣ литургіи. На прошеніи этомъ Самарскимъ преосвященнымъ положена такая резолюція: «Разрѣшаю и благословляю. Консисторія предлагаю учинить распоряженіе, чтобы и въ прочихъ сельскихъ церквахъ епархіи причащеніе младенцевъ производилось по окончаніи литургіи, ибо причащеніе ихъ часто продолжается болѣе часа, причемъ крикъ и плачь дѣтей, волей или неволей, вынуждаетъ предстоящихъ выходить изъ храма до окончанія литургіи, безъ благословенія св. Церкви и безъ назиданія посредствомъ пастырскаго поученія».

— Во многихъ городскихъ и сельскихъ церквахъ дѣти прислуживаютъ въ алтарѣ вмѣсто взрослыхъ или наряду съ послѣдними. Положеніемъ о церковно-приходскихъ школахъ завѣдующимъ ими рекомендуется вообще допускать (учащихся) „наиболѣе благонаправленныхъ къ подаванію просфоръ и кадила и возжиганію свѣчъ“. «Руководство для сельскихъ пастырей», касаясь этого вопроса, между прочимъ замѣчаетъ: „Отъ постоянного обращенія съ священными предметами, отъ наблюденія за внѣшнимъ порядкомъ священнодѣйствій въ прислуживающемъ ученикѣ вслѣдствіе привычки можетъ явиться, холодность, небрежность или, что самое худшее, лицемѣріе“. Во избѣжаніе этого совѣтуется священникамъ наблюдать слѣдующее. 1) Нельзя допускать къ прислуживанію въ алтарѣ дѣтей слишкомъ маловозрастныхъ, еще неразвитыхъ духовно: не давая себѣ отчета въ своихъ поступкахъ, не понимая внутренняго смысла священныхъ вѣщей и дѣйствій и въ то же время развлекаясь своимъ прислуживаніемъ, дѣти могутъ совсѣмъ погасить въ себѣ пламень молитвенный, пріучаться къ разсѣянности, ослаблять въ себѣ религіозныя чувства. 2) Слѣдуетъ допускать въ алтарь только лучшихъ учениковъ — лучшихъ не по успѣхамъ, а по нравственности, дѣтей скромныхъ и благочестивыхъ, хотя бы они не отличались ни блестящими успѣхами, ни бойкими отвѣтами. 3) Слѣдуетъ допускать въ алтарь только не многихъ, всего лучше по одному и соблюдать между ними очередь. Когда сойдутся въ алтарѣ два три мальчика, у нихъ неизбежно пойдутъ разговоры, смѣхъ, шутки, пререканія и т. п. и наконецъ, 4) желательно, чтобы дѣти, прислуживающіяся въ алтарѣ, видѣли предъ собою только то, что свято, прилично и благоговѣйно; желательно, чтобы „старшіе“ не соблазнили своимъ поведеніемъ ни „единого отъ малыхъ сихъ“. Всякое неблагоговѣйное движеніе служителя алтаря, посторонніе разговоры, тѣмъ болѣе смѣхъ особенно вре-

дять дѣтямъ. И значитъ, тотъ, кто допустить дѣтей въ алтарь, долженъ сперва подумать, будетъ ли онъ самъ вести себя такъ, какъ приличествуетъ святынѣ храма.

— Въ нѣкоторыхъ епархіяхъ, какъ сообщаетъ объ этомъ «Цер. Вѣст.», послѣдовали распоряженія, имѣющія цѣлью благоустройства имущественныхъ дѣлъ церквей и улучшеніе положенія духовенства. Въ волынской епархіи предложено благочиннымъ позаботиться о точномъ обозначеніи въ церковныхъ документахъ церковныхъ лѣсныхъ участковъ и обратить особенное вниманіе на заведеніе и состояніе церковныхъ пасѣкъ въ приходахъ. Духовенству донской епархіи разрѣшено, для составленія капитала при каждой церкви на постройку и ремонтъ причтовыхъ домовъ, отчислить 4% съ чистой свѣчной прибыли и консельковаго дохода. Въ полоцкой епархіи, подобно нѣкоторымъ другимъ епархіямъ, готовится взаимное страхованіе церквей и причтовыхъ помѣщеній. Въ псковской епархіи при епархіальномъ попечительствѣ учреждается вспомогательная касса для духовенства съ цѣлью выдачи единовременныхъ пособій участникамъ кассы, по выходѣ ихъ или увольненіи за штатъ, и по смерти участниковъ, родственникамъ ихъ. По уставу кассы, утвержденному Св. Синодомъ въ концѣ прошлаго года, средства кассы составляютъ: личные взносы съ каждаго участника по 3 р. въ годъ; субсидіи отъ церквей, при которыхъ состоятъ на службѣ участники, по 1 р. въ годъ за каждаго; ежегодный взносъ отъ еп. свѣчнаго завода не менѣе 1,500 руб.; случайныя пожертвованія и % на годовой приходъ и остатокъ суммъ. Участниками кассы могутъ быть всѣ, добровольно изъявившіе согласіе на опредѣленный годовой взносъ: православные и единовѣрческіе, состоящіе на службѣ, протоіереи, священники, діаконы и псаломщики епархіи, и лица, не имѣющія священнаго сана, но состоящіа на штатной службѣ въ духовныхъ училищахъ, семинаріи и консисторіи епархіи, при взносѣ по 4 руб. въ годъ. Уставъ кассы войдетъ въ дѣйствіе съ 1898 г., взносы же участниковъ должны быть сдѣланы до 1 іюля текущаго года.

— Въ ставропольской епархіи учреждается касса единовременныхъ пособій осиротѣвшимъ семьямъ священно-церковнослужителей епархіи. Прошлогодній ноябрьскій епархіальный съѣздъ постановилъ немедленно начать операціи кассы на слѣдующихъ основаніяхъ. Епархіальная касса единовременныхъ пособій учреждается при ставропольской епархіальной братской кассѣ, какъ ея отдѣленіе. Всѣ священно-церковнослужители, состоящіе на службѣ,

обязательно дѣлаютъ взносы въ пособіе осиротѣвшимъ въ такомъ размѣрѣ: священники по 1 р. 50 к., діаконъ по 1 р. и псаломщица по 50 к. Взносы священниковъ поступаютъ только по смерти священника, діаконскіе взносы только по смерти кого-либо изъ діаконъ и псаломщицкіе—по смерти псаломщиковъ, такъ что каждый чинъ оказываетъ пособіе семьямъ только своего чина. Всѣ священники, діаконъ и псаломщица обязательно представляютъ взносы мѣстному благочинному тотчасъ по полученіи оффиціального извѣстія о смерти кого либо изъ священно-церковнослужителей епархіи, а благочинный отправляетъ собранныя суммы, въ возмѣщеніе уже выданныхъ братской кассой пособій изъ наличныхъ средствъ, въ правленіе кассы. Епархіальный преосвященный въ прошломъ ноябрѣ утвердилъ это рѣшеніе съѣзда. Утвержденъ преосвященнымъ и журналъ съѣзда съ вновь рассмотрѣннымъ имъ уставомъ братской кассы, въ видѣ опыта, на пять лѣтъ. По уставу этой кассы, ежегодные членскіе взносы поступаютъ въ кассу въ такомъ размѣрѣ: отъ священника 30 р., діакона 20 р., псаломщика 10 р. Всѣ священно-церковнослужители епархіи обязательно состоятъ членами кассы. Касса выдаетъ пособія заштатнымъ вдовамъ и сиротамъ. «Цер. Вѣст.».

— Въ «Нов. Вр.» напечатана интересная статья проф. Скориченко о чумѣ. Авторъ названной статьи, утверждая, что для западной Европы нѣтъ никакого вѣроятія опасаться пораженія чумою, между прочимъ, высказываетъ слѣдующія соображенія. „На Западѣ требованія общественной гигиены примѣняются со всею строгостью, санитарная полиція устроена отлично, печать немедленно указываетъ администраціи на ея промахи, въ населеніи распространены заботы о чистотѣ. Все это отрадныя данныя при загадываніи о будущемъ. Тѣ страшныя эпидеміи, которыя губили населеніе Европы, отошли навсегда въ область преданій. Какъ только въ сознаніи народа укоренилось убѣжденіе въ необходимости принимать извѣстныя мѣры предосторожности, эпидеміи стали ослабѣвать“. „Въ прошломъ и текущемъ столѣтіи чума заглядывала къ намъ пять разъ, но была временной гостьей; очевидно, у насъ отсутствуютъ условія, которыя могли бы ее поддерживать. Не забудемъ кстати, что чума у насъ унесла не мало жертвъ въ прошломъ столѣтіи, а тогда Россія была не то, что теперь“. „Чума обитаетъ въ климатѣ, почва котораго имѣетъ температуру не выше 20 град. и не меньше 5 град. Вотъ отчего во время жары она прекращается; въ Индіи

она затихаетъ съ апрѣля по августъ, слѣдовательно, индѣшняя эпидемія въ Бомбеѣ продержится не дальше весны; распростра- нится ли она въ Персію, это будетъ зависѣть отъ жары; если до апрѣля она не охватитъ южную Персію, то позже до осени условія для ея распространенія будутъ неблагопріятны вслѣдствіе сухости и высокой температуры почвы. То же наблюдается вездѣ: какъ только наступаетъ жара, эпидемія прекращается, гдѣ бы она не пребывала. Такъ же хорошо убиваетъ чуму холодъ, почему въ сѣ- верныхъ странахъ она прекращается зимой, зато держится лѣтомъ, если отсутствуетъ зной. Эпидемія, бывшій зимой, быстро прекра- щалась, да и держались лишь въ домахъ, которые были перепол- нены жильцами и плохо провѣтривались. „Все способы борьбы съ чумой можно выразить въ двухъ словахъ: чистота и уединеніе. Тамъ, гдѣ чистота и уединеніе примѣняются, гражданамъ нечего бояться эпидеміи; тамъ гдѣ эти два слова составляютъ звукъ пу- стой — болѣзнь производятъ большія опустошенія. Чумная зараза, какъ и холерная, распространяется тамъ, гдѣ много грязи, много отбросовъ, гдѣ происходитъ гніеніе, гдѣ воздухъ медленно мѣняется. Оттого эпидемія выбираетъ самые бѣдныя, грязныя участки города со скученнымъ населеніемъ“. „Можно назвать не мало мѣстностей, въ которыхъ санитарныя условія отвратительны, а эпидемія не появлялась; сосѣднія же мѣста сильно страдали. Очевидно, необ- ходимо бродило, которое придавало бы грязи особую силу и зарази- тельность. Такимъ дѣятельнымъ агентомъ является чумная палочка, которая должна быть занесена. Ясно отсюда, какое важное значе- ніе имѣетъ „уединеніе“ больныхъ. Старыя и новыя наблюденія го- ворятъ одно и то же: разъ удалось зараженную мѣстность строго отдѣлать отъ остальнаго міра, — болѣзнь нѣкоторое время держится только въ этой мѣстности, а затѣмъ прекращается и дальше не плетъ. Замѣчательно, что чумную заразу легче одолѣть уединені- емъ, чѣмъ всякую другую. Чума идетъ крайне медленно. По ско- рости распространенія инфлуенца — арабскій рысакъ, холера — кре- стьянская лошадь, чума — корова. Чумная зараза быстро погибаетъ отъ жара, холода и воды. Это даетъ намъ въ руки средства освободиться отъ нея“. „Когда заболѣваніе чумой уже обнаружи- лось, то далеко еще не все потеряно для больного. Заболѣвшій можетъ выздороветь и вѣроятность такого исхода зависѣть отъ силы эпидеміи. Иногда выздоравливаетъ громадное большинство, иногда около половины больныхъ. Человѣкъ болѣетъ потому, что

онъ отравленъ ядомъ, который развиваютъ микробы; онъ борется и выздоравливаетъ вслѣдствіе того, что въ его же тѣлѣ вырабатывается противоядіе. Затѣмъ оно остается въ организмѣ, оттого вторичное заболѣваніе одной и той же болѣзnią дѣлается невозможнымъ. Слѣдовательно, чтобы вылечить болѣзнь, необходимо ввести въ тѣло то противоядіе, которое организмъ старается и иногда не можетъ выработать. Такимъ противоядіемъ служитъ кровяная сыворотка животнаго, сдѣлавшагося невоспріимчивымъ ко вторичному заболѣванію соотвѣтствующей болѣзnią. Подобное противоядіе съ успѣхомъ примѣняется при леченіи дифтеріи. Для чумы его выработали Ерсенъ, Кальметтъ и Боррель“. „Подводя итоги всему сказанному, говоритъ въ заключеніе профессоръ Скориченко, мы въ правѣ сказать: Европа должна защищаться отъ страшнаго бича, но при этомъ не слѣдуетъ терять надежды: соотвѣтствующими мѣрами эпидемію можно не пустить въ страну; если бы, однако, она проникла, ее можно уединить; наконецъ, для заболѣвшихъ остается еще надежда выздороветь при примѣненіи сыворотки. Пожелаемъ въ заключеніе, чтобы страшная гостья никогда не заглядывала въ наше отечество“.

— Извѣстно всѣмъ, какимъ ужаснымъ бѣдствіемъ служитъ страшная болѣзнь — проказа (лепра), довольно распространенная особенно въ азіатскихъ областяхъ нашего отечества. До сихъ поръ не было въ медицинѣ вѣрнаго средства отъ этой ужасной болѣзни, и всѣ мѣры противъ нея ограничивались отдѣленіемъ больныхъ отъ здоровыхъ, дабы устранивъ возможность зараженія. И вотъ теперь въ газетахъ сообщается («Турк. Вѣдом.» № 88, 1897 г.), что найдено вѣрное средство отъ проказы, — именно — прививка антилепрозной лимфы. Средство открыто и примѣнено съ полнымъ успѣхомъ къ дѣлу колумбійскимъ ученымъ, докторомъ Каррасквилла. Для приготовления антилепрозной лимфы д-ръ Каррасквилла пользуется кровью прокаженныхъ, изъ которой онъ сперва добываетъ человѣческую лепрозную лимфу, а затѣмъ эту послѣднюю вспрыскиваетъ подъ кожу животнымъ, невоспріимчивымъ къ зараженію проказою; наконецъ, послѣ ряда инъекцій этимъ животнымъ (всего лучше молодымъ и сильнымъ лошадямъ) онъ изъ ихъ крови получаетъ уже антилепрозную лимфу, которой и лечитъ прокаженныхъ. Результаты во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ (около сотни) получились блестящіе, такъ что успѣхъ этого серотерапевтическаго способа леченія лепрозныхъ надо признать полнымъ и рѣшительнымъ. Уже послѣ перваго впрыскиванія совершается пол-

ная остановка болѣзни, а затѣмъ происходитъ постепенное исчезновеніе лепрознаго страданія. Это новое торжество медицинской науки должно наполнить свѣтлою и глубокою радостью сердце каждаго человѣка и воскресить духомъ прокаженныхъ. Имѣя въ рукахъ это вѣрное средство, можно будетъ бороться съ лепрою смѣло и увѣренно, превративъ лепрозоріи, эти мѣста неисходной муки физической и душевной, эти углы смрада и отвращенія, въ больницы для прокаженныхъ, которые вмѣстѣ съ тѣмъ перестанутъ быть отверженными членами общества. Нельзя дѣйствительно отъ всей души не порадоваться за людей, имѣвшихъ несчастье подвергнуться страшной болѣзни—проказѣ, этихъ жалко умирающихъ и разлагающихся людей, если только извѣстіе о найденномъ средствѣ противъ нея дѣйствительно достоверно и не преувеличено. Въ Ташкентѣ, гдѣ проказа довольно распространенная болѣзнь между туземцами, при мѣстномъ Окружномъ Управленіи Краснаго Креста, учреждена особая коммиссія, которой поручено выработать проектъ борьбы съ проказою и устройства быта прокаженныхъ. Коммиссія обратила уже вниманіе и на вновь изобрѣтенное средство противъ проказы, и предполагаетъ его испробовать на дѣлѣ. Весьма желательно, чтобы это сдѣлано было возможно скорѣе, и результаты испытаній были оглашены безъ замедленія. Слѣдуетъ также поскорѣе обратить на него вниманіе и другимъ нашимъ ученымъ медицинскимъ учрежденіямъ.

«Прав. Благ.»

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я

ВѢДОМСТВО УЧРЕЖДЕНІЙ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

ВѢСТНИКЪ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ.

Журналъ, посвященный всѣмъ вопросамъ, относящимся до благотворительности и общественнаго призрѣнія. Органъ Вѣдомства дѣтскихъ приютовъ. Журналъ издается Центральнымъ Управленіемъ дѣтскихъ приютовъ Вѣдомства учреждений Императрицы Маріи, подъ редакціей д. с. с. Е. С. Шумгорскаго. Журналъ выходитъ ежемѣсячно, книжками объемомъ не менѣе трехъ печатныхъ листовъ.—Подписная цѣна за годовое изданіе, съ доставкою и пересылкою, три рубля.—Доходъ отъ изданія, за покрытіемъ всѣхъ расходовъ, обращается въ пользу дѣтскихъ приютовъ Вѣдомства учреждений Императрицы Маріи.—Подписка принимается въ редакціи (С.-Петербургъ, Казанская ул., 7) —Статьи для напечатанія и всѣ запросы, касающіеся журнала, должны быть адресуемы исключительно въ редакцію.—Редакція для личныхъ объясненій открыта, исключая воскресные и праздничные дни, ежедневно отъ 2 до 3 час. пополудни.—Отдѣльные №№ продаются по 30 к.—Объявленія принимаются за строчку, или занимаемое ею мѣсто, по 15 коп.

Адресъ Редакціи: С.-Петербургъ, Казанская ул., 7.

Въ Московской Синодальной Типографіи

ПРОДАЮТСЯ КНИГИ:

Библия въ русскомъ переводѣ, въ 4 д., большого формата, крупн. граж. печ., въ бум. 3 руб. 10 коп., въ кожѣ или въ коленк. съ саф. корешк. съ золот. тиснен. 5 руб 50 коп.

Первое изданіе Московской Синодальной Типографіи; по четкости шрифта весьма удобно для слабыхъ зрѣній. Параллельныя мѣста вновь проверены и примѣнены къ тексту русскаго перевода.

Новый заветъ въ русскомъ переводѣ, въ 32 д. л., съ указателемъ Евангельскихъ и Апостольскихъ чтеній на всѣ дни года, въ бум. 22 к., въ коленк. 35 к.

Первое стереотипное изданіе Московской Синодальной типографіи. Шрифтъ очень четкій.

Псалтирь въ русскомъ переводѣ изъ Синодальнаго изданія Библии, въ 8 д., крупн. гражд. печ., въ бум. 20 коп.

Изданіе это помѣшалось прежде при Новомъ Заветѣ крупн. печати; въ настоящее время оно выпускается и отдѣльно. Заключаетъ въ себѣ только текстъ псалмовъ.

Псалтирь въ 4 д., большого формата, крупн. цер. печ. Составъ Псалтири учебной. Въ бум. 3 р. 60 к., въ кожѣ 5 руб.

Отпечатано на лучшей бумагѣ, каждый стихъ съ новой строки и выносовой буквы.

Псалтирь въ 4 д., церк. печ., безъ кнп. Составъ тотъ же. Каждый стихъ съ отдѣльной строки, въ бум. 65 коп., въ кожѣ 1 р. 15 коп.

Отрочкъ (осмогласникъ) въ листъ. Изданіе 19-е, церк. печ., съ кнп., 2 вѣн., въ бум. 7 руб. 25 коп., въ лучшей кожѣ 10 руб. 50 коп.

Служебникъ въ 12 д., церк. печ., съ кнпов., въ бум. 70 коп., въ кожѣ 1 р. 10 коп., въ коленк. съ саф. корешк. 1 руб. 45 коп.

Типиконъ (Уставъ церковный) въ 8 д., церк. печ., съ кнп., въ бум. 3 р. 10 к., въ лучшей кожѣ 4 руб.

Послѣдованіе молебныхъ пѣній въ 4 д., церк. печ., съ кнп., въ бум. 80 коп., въ кожѣ 1 руб. 20 коп.

Службы на каждый день Страстной седмицы. Изданіе 8-е, церк. печ., съ вѣн., въ 4 д., въ 2 кн., въ бум. 2 руб. 90 коп., въ кожѣ 3 руб. 60 коп.

Молитвословъ съ акаѳистами, гражд. печ., въ 62 д., въ бум. 11 коп., коленк. или красн. кожѣ 25 коп.

Поминанье, съ помянникомъ о живыхъ и умершихъ, церк. или гражд. печ., въ 32 д., на хорошей бумагѣ, въ коленк. 20 и 15 коп., въ шагрени 25 коп.

Выписки изъ старописемныхъ, старопечатныхъ и др. книгъ, свидѣтельствующія о святости соборной и Апостольской церкви. А. И. Озерскаго. Изданіе 5-е, перепечатанное съ четвертаго безъ перемѣнъ. Часть 1-я—въ бум. 50 коп., часть 2-я въ бум. 70 коп.

Московский сборникъ. 3-е дополненное изданіе К. П. Побѣдоносцева, въ бум. 1 руб. 25 коп.

Побѣда, побѣдившая мѣръ. 6-е изданіе К. П. Побѣдоносцева, напечатанное безъ измѣненій съ пятаго дополненнаго изданія, въ бум. 35 коп.

Выписки изъ полнаго собранія законовъ, составленныя К. П. Побѣдоносцевымъ, въ 7 тетрадяхъ 1 руб., въ 11 тетрадяхъ 1 р. 50 коп.

Плоды ученія гр. Л. Н. Толстого. Второе изданіе. Двѣ книжки въ одной оболочкѣ 15 коп., отдѣльно часть первая—10 коп., вторая—5 коп.

Кромѣ того, тамъ же продаются учебныя руководства и пособія изданія Училищаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ, вошедшія въ списокъ, составленный по опредѣленію Святѣйшаго Синода отъ 27-го Ноября—5-го Декабря 1896 года за № 4000, для второклассныхъ церковно-приходскихъ школъ, причемъ эти книги имѣются въ прочныхъ коломенковыхъ переплеткахъ, на изготовленіе которыхъ обращено особое вниманіе.

Книжки высылаются съ наложеннымъ платежомъ и отпускаются въ кредитъ на коммиссіонныхъ условіяхъ. При покупкѣ за наличныя деньги дѣлается уступка по установленнымъ правиламъ.

Каталоги съ подробными условіями продажи книгъ высылаются бесплатно.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА НОВОЕ УДЕШЕВЛЕННОЕ ИЗДАНИЕ „СИСТЕМЫ ЛОГИКИ“ ДЖ. СТ. МИЛЛЯ.

Новый перевод съ послѣдняго англійскаго изданія подъ редакціей и съ необходимыми пояснительными примѣчаніями *В. Н. Ивановскаго*.

Каждая изъ 6-ти книгъ сочиненія составитъ выпускъ. Все сочиненіе (около 1.000 страницъ большого формата и убористой печати) выйдетъ въ теченіе 1897 г.

Подписная цѣна *три* рубля безъ пересылки и *четыре* рубля *пятьдесять* копѣекъ съ пересылкой заказной бандеролью.

1-я книга выйдетъ около 1 марта 1897 г. *По окончаніи изданія цѣна будетъ повышена.*

Допускается разсрочка подписной платы: при подпискѣ вносится 1 рубль; при выходѣ 2-й и 4-й книгъ по рублю; книги 5-я и 6-я выдаются бесплатно.

Желающимъ сочиненіе можетъ быть выслано съ наложеннымъ платежомъ.

Гг. иногородніе благоволятъ обращаться въ магазинъ „Книжное Дѣло“, Москва, Моховая, д. Бенкендорфа, откуда можно выписывать и другія изданія магазина:

1) *Шерръ, Л.* Всеобщая исторія литературы, переводъ подъ редакціей П. И. Вейнберга. Два большихъ тома (20—25 выпускъ) со множествомъ гравюръ картинъ, автографовъ, факсимиле и др. приложений. Больше 1.000 стр. текста. Цѣна по подпискѣ безъ доставки 6 р., съ доставкой и пересылкой 8 р.

2) *Фюстель-де-Куланжъ.* Древняя гражданская община. Цѣна 2 р.

3) *Данте-Аллигieri.* Божественная комедія. Ч. I. Адъ. Переводъ Н. Н. Голованова, подъ ред. проф. Ѳ. Буслаява. Ц. 1 р. 50 коп.

4) *Дрейфусъ, К.* Міровая и социальная эволюціи. Ц. 1 р. 50 коп.

5) *На добрую память изъ русскихъ писателей.* Сборникъ статей и отрывковъ изъ лучшихъ русскихъ писателей и поэтовъ. Ц. 1 р. 25 коп.

6) *Теннисонъ, А.* Магдалина. Переводъ въ стихахъ А. М. Федорова, со ст. И. И. Иванова: „Теннисонъ и его поэзія“, и портретомъ Теннисона. Цѣна 50 коп.

7) *Фуллеръ, А.* Темпераментъ и характеръ. Ц. 1 руб.

8) *Милль, Д. С.* Огюстъ Контъ и позитивизмъ. Съ приложеніемъ статей Спенсера и Уорда и портрета О. Канта.

9) *Милль, Д. С.* Автобіографія. Ц. 75 коп.

10) *Уордъ, Л.* Психическіе факторы цивилизаціи. Полный переводъ безъ пропусковъ и сокращеній.

11) *Тома, Ф.* Внушеніе. Его значеніе въ воспитаніи. Ц. 40 коп.

12) *Ланге.* Эмоціи (психо-физиологическій очеркъ) Ц. 30 коп.

13) *Спенсеръ, Г.* Классификація наукъ. Ц. 75 коп.

14) *LEGRAIN.* Соціальное вырожденіе и алкоголизмъ. Ц. 75 коп.

Первый въ Россіи журналъ, иллюстрированный красками.

Открыта подписка на 1897 годъ на
X-й годъ изданія

„СѢВЕРЪ“

Еженедѣльный иллюстрированный литературно-художественный журналъ.

Въ 1897 г. журналъ будетъ выходить въ томъ же форматѣ на веленовой бумагѣ и въ изящной обложкѣ. Въ 1897 г. подписчики журнала „Сѣверъ“ получатъ: **52 №№** роскошно иллюстрированнаго журнала, изъ которыхъ **12 №№** съ цвѣтными и тоновыми рисунками извѣстныхъ художниковъ. Въ журналѣ будетъ печататься большой повѣй историческій романъ нашего извѣстнаго писателя и сотрудника „Сѣвера“ г. Е. А. Салиаса: „*Вторая Салтычиха*“ **12 №№** ежемѣсячнаго журнала „*Парижскія моды*“ со множествомъ рисунковъ въ текстѣ, выходящихъ одновременно съ однимъ изъ извѣстныхъ парижскихъ модныхъ журналовъ, съ которымъ редакция вошла въ соглашеніе. **12 №№** выкроекъ, узоровъ, руководій, вышивокъ и монограммъ на отдѣльных листахъ **12 №№** ежемѣсячнаго журнала „*Хозяйство и Домоводство*“, въ которомъ будутъ даваться всѣ полезныя совѣты и указанія, необходимыя для сельскаго хозяйства и домашняго обихода. **12** томовъ „*Библиотеки Сѣвера*“, каждый томъ объемомъ отъ 10 до 15 листовъ убористой печати, въ которыхъ будетъ дано:

Собраніе романовъ *Генриха Сенкевича*: 1) „Огонь и Мечеть“ истор. ром. въ 4 ч. 2) „Потопъ“ истор. ром. въ 6 ч. 3) „Напѣ Володьевскій“ историч. ром. въ 3 ч. Романы эти, не говоря объ ихъ глубоко захватывающемъ интересѣ представляютъ весьма цѣнное приобрѣтеніе для библиотекъ каждаго читателя. Въ отдѣльной продажѣ подобныя изданія стоятъ не менѣе **12** руб. Кромѣ того подписчикъ получитъ **бесплатно**: **12** художественныхъ премій—*картинъ въ краскахъ*, исполненныхъ новѣйшими усовершенствованными фото-и хромотипическими способами. Несмотря на необходимость весьма большихъ затратъ для такого дорогаго и роскошнаго изданія *подписная цѣна остается прежняя*: безъ доставки въ С.-Петербургъ **6 р.** Съ доставкой и пересылкою во всѣ города **7 р.** За границу **11 р.** Допускается разсрочка: при подпискѣ—**4 р.**, въ 1-му Юня **3 р.** Адресъ Главной конторы журнала „Сѣверъ“: Спб. Екатерининская, 4.

Открыта подписка на новый журналъ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ

„ЖИЗНЬ“

Журналъ будетъ выходить съ 1 Января 1897 г. въ С.-Петербургѣ три раза въ мѣсяцъ (1, 11 и 21) книгами большого формата in 8° въ 10—12 печ. листовъ (160—200 стр.) каждая. Въ программу журнала войдутъ слѣдующіе отдѣлы: I. Романы, повѣсти, рассказы (преимущественно русскихъ авторовъ) стихотворенія и пр. II. Научныя статьи по разнымъ отраслямъ знанья и искусствъ, въ популярномъ изложеніи. III. Статьи по общественнымъ вопросамъ. IV. Критика и библиографія. V. Русская жизнь. VI. Заграничная жизнь. VII. Театръ. Музыка. Живопись. VIII. Слѣсъ. Подписная цѣна за годовое изданіе „ЖИЗНИ“, состоящее изъ тридцати шести книгъ **СЕМЬ** рублей съ доставкой и пересылкою. За границу **7 р.** золотомъ. При обращеніи непосредственно въ контору „Жизни“ (С.-Петербургъ, Ковенскій пер., д. № 30) допускается разсрочка: при подпискѣ вносится **3 р.**, въ 1 Апрѣля **2 р.** и въ 1 Юля остальныя. По особому соглашенію съ конторой допускается разсрочка на болѣе льготныхъ условійхъ (отъ 1 р. ежемѣсячно). **КОНТОРА РЕДАКЦИИ С.-Петербургъ. Ковенскій пер., д. № 30.**

Редакторъ-Издатель С. В. Воейковъ.

Журналъ „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за всё истекшіе годы въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектанствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“; кромѣ того пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Какъ всего проще и удобнѣе научиться вѣровать“? Собесѣдованія прот. А. Хойнацкаго.—„Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. И. Корсунскаго.—„Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Профес. В. Надлера.—„Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“. Библиографическій очеркъ. Свящ. Т. Буткевича.—„Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова.—Многія статьи о Владиміра Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія каеолической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ проф. М. Остроумова.—„Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова.—„Церковно-религіозное состояніе Запада и вселенская Церковь“. Свящ. Т. Буткевича.—„Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католицизму“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.—„Язычество и іудейство ко времени земной жизни Господа нашего Иисуса Христа.“ Свящ. Т. Буткевича.—Статья „о штундистахъ“. А. Шугаевскаго.—„Имѣютъ-ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществами“? В. Ковалевскаго.—„Основные задачи нашей пародной школы“. К. Истомина.—„Приципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Современная анологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова.—„О славянскомъ языкѣ въ церковномъ богослуженіи“. А. Струнникова.—„Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.—„Очеркъ современной умственной жизни“. А. Бѣляева.—„Очерки русской церковной и общественной жизни“. А. Рождествина.—„О церковныхъ плодоприношеніяхъ“. Н. Протопопова.—„Вторая книга „Исходъ“ въ переводѣ и съ объясненіями“. Проф. П. Горскаго—Платонова.—„Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова.—„О покоѣ воскреснаго дня“. Доцента А. Бѣляева.—„Мысли о воспитаніи въ духѣ православія и народности“. Шестакова.—„Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.—„О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.—„Ученіе Стефана Яворскаго и Теофана Прокоповича о свящ. Преданіи“ М. Савкевича.—„О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина.—„Отношеніе раскола къ государству“. С. Г. С.—„Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.—„Замѣтки о церковной жизни за-границей“. А. К.—„Сущность христіанской нравственности въ отличіи ея отъ моральной философіи графа Л. Н. Толстого“. Свящ. І. Филевскаго.—„Историческій очеркъ единовѣрія“. П. Смирнова.—„Ученіе Канта о Церкви“. А. Кириловича.—„Православленъ-ли intercommunion, предлагаемый намъ старокатоликами“. Прот. Е. К. Смирнова.—„Разборъ протестантскаго ученія о крещеніи дѣтей—съ догматической точки зрѣнія“. Прот. А. Мартынова и проч.

Въ философскомъ отдѣлѣ журнала помѣщены статьи профессоровъ Академіи и Университета: А. Введенскаго, А. Зеленогорскаго, В. Кудрявцева, П. Линицкаго, М. Остроумова, В. Снегирева, П. Соколова и другихъ. А также въ журналѣ помѣщаются были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жана и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на не полученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылка, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ пополудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

 Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 к.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи,
Протоіерей Іоаннъ Знаменскій.